ВЛАДИМИР ЛЮБИМОВ

ПОВЕСТЬ О СЕЛЬКОРЕ

ВЛАДИМИР
ЛЮБИМОВ

ПОВЕСТЬ О СЕЛЬКОРЕ

Повести и рассказы

Перевод с марийского Вл. Муравьева

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1985

С(Мар)2
Л93

Художник Б. Мокин

Любимов В. Н.

Л93 Повесть о селькоре: Повести и рассказы/Пер. с мар. Вл. Муравьева.— М.: Сов. Россия, 1985.— 192 с., ил.

Действие «Повести о селькоре» происходит в глухой марийской деревне в годы классовой борьбы. В центре повести — комсомольцы двадцатых годов, такие, как юный герой Саккар, который рано понял, что Советская власть несет людям торжество правды и добра. Юный селькор погибает, но имя его светлой памятью живет в сердцах людей.

Вообще героям В. Любимова свойственны, несмотря на их юный возраст, целеустремленность, сила воли, любовь к своему социалистическому отечеству.

Л $\frac{4803010102-251}{М-105(03)85}$ 234—85 С(Мар)2

ПОВЕСТИ

ПОВЕСТЬ О СЕЛЬКОРЕ

СМЕРТЬ ОТЦА

Зимняя погода переменчива: вон сегодня с утра было тихо, а к вечеру подул, закрутил ветер, поднялась пурга — воет, стонет, свистит, стучит в стены и крыши, бьет колючим снегом в лицо — век не поднять.

Лютует зима. В такое время всегда вспоминается лето...

Летом деревня Шойдур, пожалуй, одна из самых красивых в Ернурском кантоне. Вдоль деревни течет, весело журча, серебристая речка, за деревней с запада на восток тянутся зеленые холмы Вятского увала. И всюду вокруг — лес, звенящий птичьими голосами.

А зимой речка умолкает, скованная льдом, и лишь родник пробивается из-под снега, и над ним, как дыхание земли, клубится легкий пар. Холмы окутывает однообразное белое покрывало. Только ели и зимой стоят в своем зеленом наряде и монотонно шумят, стряхивая снег с колючих ветвей. Но сейчас ничего не видать за пургой, и на улице ни души, все, пережидая непогоду, отсиживаются по избам. Деревня кажется спящей, как медведь в берлоге.

Темно и тоскливо в избе Кргори Васлия. Сам хозяин лежит на лавке, укрытый тулупом. Он умирает. Возле него сидят дети — замужняя дочь Марпа и десятилетний сын Сакар.

Мальчик наклоняется над отцом и, пристально вглядываясь в потемневшее, землистого цвета лицо, говорит сквозь слезы:

— Отец, если ты помрешь, как же буду жить без тебя?

Грудь у Васлия поднимается и опускается с натужным хрипом, как дырявые кузнечные меха. С трудом шевеля губами и не открывая глаз, он говорит еле слышно:

— Ох, сынок, жаль мне тебя, да что поделаешь?.. Видно, пришло время мне помереть... Один в дому ты, сынок, не проживешь... Придется идти жить к сестре. Родная кровь — не выгонит. Слышь, Марпуш? Не бросай брата...

Марпа молча кивает. Да и что сейчас скажешь?

«Конечно, придется взять братишку к себе,— думает она.— Только ума не приложу, как его прокормить: у самих кругом нехватки. И свекор не очень-то обрадуется лишнему рту...»

Ветер яростно стучит в ставни, выдувает из избы последнее тепло.

— Я скоро отмучаюсь, умру,— продолжал Васлий, хрипло дыша.— А тебе, сынок, еще достанется с лихвой горя хлебнуть... Кабы мать была жива... Эх, нет человеку счастья...— Он не договорил, открыл глаза, поглядел на

сына и дочь. Его глаза сухо блестели, должно быть, у него не осталось слез.

Сакар подумал, что вот так же, с болью и страхом, смотрела на него, умирая, мать.

Она умерла прошлым летом, Сакар часто вспоминает ее, добрую, заботливую, ему постоянно слышится ее тихий, ласковый голос.

Все невзгоды, выпавшие в голодный двадцать первый год, мать переносила терпеливо, не злобясь и не жалуясь. В тот год пришлось продать единственную лошадь, а ведь без лошади крестьянин все равно, что без рук.

Отец старался не падать духом, как мог, поддерживал жену и сына:

— Не горюйте, будем живы, купим жеребенка, вырастим, снова будем с лошадью.

Потом пришлось продать за бесценок овец, и лишь когда очередь дошла до коровы, мать обезумев от горя, стала умолять отца:

— Что хочешь делай, а корову не продавай! Без Пеструшки всем нам голодная смерть. А так, может, хоть на молоке продержимся.

Пеструшку оставили, но она, сама голодная, давала мало молока, только-только забелить пустую похлебку.

Мать стала кашлять, потом слегла и вскоре умерла.

Чтобы спасти сына от голодной смерти, Кргори Васлий нанялся на работу в лес — жечь уголь и гнать смолу. Но в сильную стужу простыл, домой из леса его привезли чуть живого. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже, он таял, как весенний снег.

Сакар смотрит на отца, прислушивается к вою ветра за окном, и ему становится жутко.

После долгого молчания, собрав последние силы, отец снова заговорил:

— Жалейте друг друга... Ты, Сакар, не убивайся, ты парнишка смышленый — не пропадешь. Говорят, советская власть всем даст счастливую жизнь. Авось, и тебя

не обойдет, выведет в люди... Сынок...— он хотел еще что-то сказать, но лишь беспомощно махнул рукой. Рука свесилась с лавки, как плеть.

— Отец,— позвал Сакар.

Но отец ничего не ответил и не открыл глаз.

Он умер под утро, когда сквозь щели ставен начал сочиться мутный свет.

Когда рассвело, плачущая Марпа пошла звать соседей.

К утру пурга утихла, снег перемел все дороги, деревня утонула в глубоких сугробах.

НОВАЯ СЕМЬЯ

В осиротевшей избе справляли небогатые поминки.

Первый в деревне богач Тимош Пирков, раскрасневшись от выпитой браги, сказал, погладив заплаканного Сакара по голове:

— Эх, соседи дорогие, жалко мне сироту! Надумал я взять его к себе в дом. Детей у меня нет, Сакар будет мне заместо родного сына.

Раздались одобрительные голоса:

— Правильно говоришь, Тимош!

— Пожалей сироту...

— Бог воздаст тебе за доброе дело.

Сакар посмотрел на Тимоша: багровое лоснящееся лицо, пухлые щеки, черные редкие усы. Говорил он ласковым голосом, но маленькие колючие глазки смотрели неласково.

Сакару стало страшно, он прижался к Марпе.

Марпа шепнула ему:

— Не бойся, дурачок. Тебе у Тимоша хорошо будет, лучше, чем у меня. У Тимоша дом — полная чаша. Будешь жить, как сыр в масле кататься. А у меня, сам знаешь, бедность да теснота.

Сакар живо представил себе Марпиного свекра — веч-

но хмурого, сварливого старика — и только тяжело вздохнул.

Вскоре после поминок Тимош выправил документ об опеке.

Нет в Шойдуре человека богаче Тимоша Пиркова. Большой, в пять окон, дом; широкий двор, крепкий, как сундук — курица щели не сыщет.

Много лет Тимош со своим младшим братом Элексеем держал в деревне лавку. Когда в селе открыли кооперативный магазин, они свою лавку прикрыли, Элексей пристроился в кооператив продавцом, Тимош занялся перепродажей яиц: ездил по окрестным деревням, по дешевке скупал яйца у местных крестьян, потом отвозил эти яйца в Казань и там продавал втридорога.

Жаден Тимош. Задумав взять в дом сироту, он не столько хотел сделать доброе дело, как рассчитывал из доброго дела извлечь для себя выгоду.

«Во-первых,— думал он,— парень подрастет, вот тебе даровой работник. Потом, как ни беден был Васлий, а все же кой-какое добро после него осталось, избенку, правду сказать, только на дрова развалить, зато остальные постройки еще крепкие — что хлев, что амбар, что клеть, они еще могут мне пригодиться».

Еще Тимош позарился на добрый плотницкий инструмент, что остался после Васлия, и разной домашней утварью не побрезгал.

Пеструшку Тимош не отдал Марпе, а увел к себе, хотя у него и без того всякой скотины был полон двор...

Когда Пеструшку выводили из хлева, Сакар кинулся к ней и, сдерживая слезы, стал гладить ее худую шею, шептать ласковые слова. Корова, отвечая лаской на ласку, принялась лизать мальчику руки.

Вдруг Сакар почувствовал, что на плечо ему легла тяжелая рука.

— Эх, парень, что проку в слезах? — услышал он голос Тимоша.— Плачь не плачь, от судьбы не уйдешь. Да

и о чем тебе теперь горевать? Тебе, считай, повезло: будешь жить в богатом доме, а коли сумеешь мне угодить, со временем сделаю тебя своим наследником... Ну-ка, отойди в сторону! — И Тимош дернул за веревку, накинутую на рога коровы.

Сакар вышел за ворота родного дома. В одной руке он держал старенький картузик, в другой — «Букварь». Эту книжку с картинками привез ему из города отец, мечтавший, что когда-нибудь сможет послать сына в школу.

Пройдя немного по улице, Сакар обернулся. Как дорог был ему сейчас старый покосившийся домишко! Два окна, выходившие на улицу, были прикрыты ставнями и забиты струганными еще отцом широкими досками, казалось, что дом белыми рукавами утирает слезы, которые текут из его закрытых глаз.

С опаской ступил Сакар на богатый двор Тимоша. В первую минуту он даже попятился, так захотелось ему убежать отсюда без оглядки. Все здесь было чужим, все смотрело мрачно и враждебно.

Но тут мимо него провели в хлев упиравшуюся Пеструшку, и Сакару стало как-то спокойнее: все-таки родная душа будет рядом.

Следом за Тимошем он вошел в избу и, остановившись у порога, огляделся.

Изба просторная, чисто убранная. В переднем углу иконы. Большой стол, крашеные лавки, полка с посудой задернута ситцевой занавеской. Вдоль одной стены стоит широкая кровать с пышно взбитой периной, с горой подушек в цветастых наволочках, у другой стены, большой, окованный жестью сундук с выгнутой крышкой. У двери на крюках понавешано много всякой одежды.

Богатая изба, но все равно, как и двор, какая-то хмурая, неприветливая.

Жена Тимоша Описа, толстая и белая, как мучной куль, сказала тонким голосом, сладко улыбнувшись:

— Проходи, сынок, не стесняйся, будь, как дома...

«Если бы сейчас и вправду оказаться дома!» — с тоской подумал мальчик и изо всех сил прижал к груди картузик и книжку с картинками.

Ониса взяла его за плечо, подвела к столу.

— Садись-ка, сейчас будем ужинать,— сказала она.— Давай твою книжку, я ее в сундук приберу. И шапку давай.

Тяжело переваливаясь на толстых ногах, она принялась сновать от печи к столу, и вскоре весь стол был уставлен мисками с едой.

Никогда еще Сакар не видел столько еды за раз, разве что по праздникам, когда в отцовской избе собирались гости. Тут и мясной суп, и пшенная каша с коровьим маслом, и картошка, и творог, и овсяный кисель. Посреди стола большая деревянная хлебница с настоящим хлебом, испеченным из чистой ржаной муки. Этот хлеб особенно поразил Сакара, ведь они с отцом уже давно ели хлеб пополам с лебедой.

Ониса, глядя на худого, бледного мальчишку, который голодными глазами смотрел на уставленный едой стол, подумала:

«И зачем только Тимош взял этого заморыша? Какой из него работник?.. Хотя, может, отъестся, так окрепнет...»

Вслух она сказала:

— Ешь, сынок, не стесняйся.

Сакар протянул было к хлебнице руку, но тут же отдернул ее и опасливо посмотрел на Тимоша, который в это время опрокинул в рот стакан мутного самогона и громко крякнул.

— Бери, ешь,— кивнул Тимош.— Набирайся сил. Кто хорошо есть, тот хорошо работает.

Сакар схватил мягкий, вкусно пахнувший ломоть, жадно откусил, но тут с удивлением почувствовал, что кусок не идет ему в горло.

Его душили слезы.

Похлебав немного лапши, он, по-прежнему голодный, встал из-за стола.

— Ну, теперь полезай на полати,— приказал Тимош.— Спать пора. У нас встают рано.

Утром Сакар проснулся чуть свет и сразу вспомнил, что он не в родном доме, а у чужих людей.

Он тихонько слез с полатей, накинул свой армяк и, стараясь не скрипнуть дверью, вышел во двор.

Большая лохматая собака, гремя цепью, кинулась к крыльцу.

— Свои, Виска, свои, — негромко сказал Сакар и, опасливо оглядываясь на собаку, пошел в хлев.

Пеструшка, узнав хозяина, призывно замычала. Сакар прижался щекой к ее теплой морде, погладил по худой жилистой шее.

— Ничего не поделаешь, Пеструшка, — шепнул он корове,— придется нам с тобой жить теперь здесь.

Сакар вернулся в избу.

Хозяева уже поднялись.

— Наколи дров,— приказала Ониса.

Сакар взял стоявший у печки топор и вышел во двор.

Во время завтрака послышался яростный лай Виски.

— Кто-то идет! — сказал Тимош и спрятал хлебницу с хлебом за пузатый медный самовар. На ее место Ониса проворно поставила миску с темными картофельными лепешками.

Дверь отворилась, в избу вошел нищий старик, одетый в лохмотья. Он, видно, совсем закоченел от холода. С трудом подняв ко лбу посиневшую руку, он перекрестился на иконы, потом поклонился хозяину и хозяйке:

— Подайте Христа ради, люди добрые!

— Рад бы, дядюшка, подать, да сами картофельные лепешки пополам с лебедой едим,— с притворным вздохом ответил Тимош.

— И тех не досыта,— добавила Ониса.

— Ну да ладно уж, так и быть...— Тимош отломил кусок лепешки и кивнул Сакару: — Отдай...

Сакар встал из-за стола, взял кусок лепешки и отдал нищему. При этом ему было стыдно смотреть старику в глаза, ведь за самоваром стояла хлебница, полная мягкого душистого хлеба!

Но нищий обрадовался и такому подаянию. Он принялся отвешивать низкие поклоны и просить у бога счастья и богатства для доброго хозяина.

Когда дверь за нищим наконец закрылась, Тимош злобно проворчал:

— Шляются тут всякие... Того гляди, стащат что-нибудь или порчу какую напустят. Бывают такие колдуны, вроде нечаянно забудут в доме деньги или палку, только эти деньги да палка не простые, а наговоренные, от них хозяйству вред может случиться. Так что ты, Сакар, гляди, когда нас с женой нету дома, посторонних и на порог не пускай. Понял? — Тимош разгладил свои черные жидкие усы и строго посмотрел на мальчика.

— И ребятишек в дом не води,— сказала Ониса.— Нечего им тут делать. Захочешь поиграть когда, так лучше уж сам к ним сходи.

— Да, смотри, не надолго,— добавил Тимош.— Работы по дому много, играть-то некогда.

Сакар сидел как виноватый, опустив голову.

— И еще вот что,— продолжал Тимош.— Люди в деревне сейчас последний хлеб доедают, сам знаешь. У нас хоть и есть покуда хлебушек, но надо беречь каждый кусок. Людям не говори, какой мы хлеб едим, если спросят, говори, мол, едим лепешки из картофеля и лебеды. Сам захочешь есть, отрежь себе ломоть, но не кроши, не разбрасывай, а то бог на тебя разгневается. Поевши, помолись богу. Хлеб из дому не таскай и не вздумай кому-нибудь из твоих приятелей дать хоть крошку. Понял?

Сакар молча кивнул. Он подумал про своего самого лучшего друга Пагула: вот кому он с радостью отдал бы

сейчас хоть всю эту хлебницу! Семья Пагула уже давно жила впроголодь. Пагул был старше Сакара года на два и выше его на целую голову, оттого казался еще более тощим.

Закончив наставлять приемыша, Тимош спросил:

— Все запомнил?

И снова Сакар кивнул. Про себя же решил:

«Нет уж, от Пагула я нипочем таиться не стану. И хлебца ему потихоньку буду носить. Он голодный, а от вас не убудет...»

ПРИШЛА ВЕСНА

Как ни длинна зима, но и она кончилась. Наступила весна. Снег стаял почти повсюду, лишь в глубоких оврагах еще виднеются снежные заплаты, издали их можно принять за отбившихся с осени от своей стаи диких белых гусей.

С наступлением теплых дней звонче запели птицы. И такие же звонкие детские голоса слышны теперь в березняке на задах деревни. Ребята приходят сюда, чтобы напиться сладкого березового сока.

Сакар и Пагул теперь видятся мало, потому что Сакару редко удается вырваться из дому. Ониса то и дело находит для него работу — то воды натаскать, то скотину покормить, то почистить картошку или наколоть дров.

— Ты теперь и на улицу не выходишь,— с упреком говорит Пагул.

— Некогда все,— оправдывается Сакар.— Тетка Ониса заставляет работать с утра до ночи.

— Да что ты им, батрак, что ли? — Пагул возмущенно встряхивает кудрявой головой.

Сакар пожимает плечами:

— Батрак не батрак, а от работы не откажешься... Зато сыт,— добавляет он.

Пагул сглатывает голодную слюну:

— А мы уж который день на щавеле сидим...

Сакар оглядывается и говорит, понизив голос:

— Приходи сюда попозже, как стемнеет. Я тебе хлеба вынесу.

Пагул обрадованно кивает, но тут же снова хмурится.

— Все равно это не дело, что тебя играть не пускают. Я бы убегал.

— Как же, убежишь! Тимош, знаешь, какой злющий! Пожалуй, выдерет... Да и тетка Ониса чуть что сразу такой крик поднимет!

— Ты им не батрак! — упрямо повторил Пагул.— Ладно, хорошо, хоть сейчас из дому вырвался. Давай березовый сок пить!

Он вынул из-за пояса топор, надсек кору березы и, обняв белый ствол, припал губами к зарубке, из которой сначала каплями, потом тонкой струйкой потек сладкий березовый сок.

Напившись досыта, Пагул утер рот рукавом и кивнул Сакару:

— Теперь давай ты!

Сакар тоже напился, потом сбегал во двор, принес бурак, и Пагул подвесил его на березу так, чтобы сок стекал в бурак.

— Пагул, почему у березы сок такой сладкий? — спросил Сакар.

Пагул уже два года как ходит в школу, и Сакару кажется, что его друг знает все на свете. Недаром Пагул и говорит с ним наставительно, совсем как взрослый.

Но на этот раз Пагул не знал, что сказать. Он сдвинул на затылок свою старую шапку, годную, как говорится, лишь на воронье гнездо, поглядел зачем-то на верхушку березы и ответил смущенно:

— Дело известное: у березы сладкий сок, у сосны —

смола липучая, а вот отчего это так, я, по правде сказать, и сам хорошенько не знаю.

Сакар удивился:

— Не знаешь? Ты же в школу ходишь!

Пагул пожал плечами:

— Мы этого еще не проходили. Вот погоди, спрошу у учителя...

— Хорошо в школе учиться? — спросил Сакар.

— Еще бы не хорошо! — с важностью ответил Пагул.— Читать-писать учат, всякие интересные истории рассказывают, только слушай.

Сакар завистливо вздохнул.

Оторвав от ствола березы тонкий лоскуток бересты, он сел на теплую уже землю и принялся высвистывать на бересте грустный мотив.

Пагул примостился рядом. Потом мальчики, разомлев под горячими лучами солнца, опрокинулись навзничь и стали смотреть в небо.

По высокому синему небу плыли легкие, иной раз вовсе прозрачные облака.

Сакар смотрит на облака, на то, как они расплываются, соединяются, меняют свой облик. Вон плывет кудрявое облако, похожее на косматую голову старика с длинной бородой, но вот оно слегка вытянулось, и теперь уже ясно видно, что это — легкий, быстроногий конь с развевающейся по ветру гривой стремительно скачет по снежнобелой, просвечивающей голубым, дороге.

«Эх, сесть бы на такого коня и умчаться куда-нибудь далеко-далеко, — думает Сакар.— Проскакать по всему свету, посмотреть, как живут люди в других местах, потом вернуться в родную деревню и рассказать Пагулу и всем ребятам о том, что довелось увидеть в далеких краях...»

Словно очнувшись от сладкого сна, Сакар рывком вскочил на ноги и с жадностью, как будто и впрямь после долгой разлуки, стал смотреть на Шойдур.

Впрочем, на кичливо-высокий дом Тимоша ему и смотреть не хочется.

Но вон там, ближе к околице, чуть виднеется потемневшая соломенная крыша и покосившиеся ворота родного дома, при виде которых тоской сжимается сердце.

Сакару вспоминаются слова отца: «Расти скорее, сынок, будешь мне помощником, поставим мы с тобой новую избу матери на радость».

И вот теперь — ни матери, ни отца, а старая изба того гляди завалится...

Вдруг высоко в небе послышалась песня жаворонка.

Сакар поднял голову.

С земли жаворонок казался не больше бабочки. Он висел в небе неподвижно, словно привязанный солнечным лучом, и звенел подобно серебряному колокольчику, разгоняя печаль, заставляя улыбнуться песне, солнцу и весне.

Сакар улыбнулся. Но тут визгливый голос тетки Онисы заставил его вздрогнуть от неожиданности:

— Сакар! Сакар! Куда ты запропастился? — кричала она с крыльца.— Сакар! Иди, отгони гусят к речке.

Сакар сразу сник.

— Ну, я пошел гусят пасти,— сказал он.

Понурившись, он пошел к дому. Отойдя немного, оглянулся, напомнил:

— Так ты приходи вечером.

На лице Пагула сверкнула белозубая улыбка:

— Не бойся, не забуду! Забуду — брюхо напомнит. Приду,— пообещал он.

— Сакар! Сакар! — надрывалась Ониса.— Где тебя черти носят? Вот погоди, пожалуюсь Тимошу, он тебе задаст!

Сакар со всех ног бросился к дому.

Весенними вечерами, до начала страды, люди собираются у чьей-нибудь избы или чаще всего возле караулки. Мужики сидят на завалинке и прямо на траве, дымят махоркой, разговаривают о всякой всячине. Тут же крутятся ребятишки, им любопытно послушать, о чем рассуждают между собой взрослые, тут частенько можно услышать какую-нибудь интересную историю.

В этот вечер в центре внимания был Кости Рожкин, высокий белокурый мужик в потертой красноармейской шинели. Во время гражданской войны Кости был ранен в ногу, сильно хромает, но при этом не теряет военной выправки. Односельчане Рожкина уважают. Сакар слышал, что он — коммунист.

— Почему иные люди живут словно впотьмах? — спрашивает Кости, обводит мужиков взглядом, и сам же отвечает на свой вопрос: — Потому что неграмотны. Я по себе знаю. Пока не выучился грамоте, как в темном лесу блуждал, а теперь, как стал разные книги да газеты читать, словно яркий свет увидел.

— Верно, верно, Кости,— кивает головой сухой, как жердь, дед Корий,— бумага может многое рассказать человеку. Вот мой внук ходит в школу, буквы знает. Сам читает книги и мне про то, что в них написано, рассказывает. А считает как! Любую задачу решит — хочешь, про купцов с их товарами да деньгами, хочешь, про путь из одного места в другое.

— Ты бы, дед, сам выучился счету и грамоте,— кашлянув, говорит Кости.— Ученому человеку не только интереснее, ему и легче живется на свете, чем неученому. Вот, к слову сказать, приходишь ты в лавку. Знаешь счет — сам сочтешь, не знаешь — тебя обсчитают, как захотят, ты и не догадаешься, что в дураках остался.

— Что верно, то верно,— дружно соглашаются мужики.

Дед Корий вертит в руках свою клюку и отвечает, покачав головой:

— Так-то оно так, да только поздно нам, старикам, учиться. Смолоду не выучились, теперь что уж...

— Ничего не поздно! — горячо возражает Кости.— Вот хоть меня возьмите. Мне тоже в детстве не довелось в школу ходить, меня, уже взрослого, в армии выучили грамоте. Подружился я с одним солдатом-большевиком...

И взрослые и ребятишки с интересом слушают рассказ Кости о том, как он выучился читать и писать.

— Я на весь мир стал смотреть другими глазами,— закончил свой рассказ Кости.

На другой день, зайдя с ребятами в избу Пагула, Сакар впервые обратил внимание, что переборка в избе оклеена старыми газетами. Он подошел поближе, стал разглядывать пожелтевшую бумагу. Буквы, буквы... Про что в этих газетах написано?

— Вот бы мне выучиться читать! — сказал он.

— Пойдешь осенью в школу — выучишься,— отозвался Пагул.

— Пойдешь! Еще не знаю, пустит или нет Тимош, — возразил Сакар.— Да и не скоро еще осень будет, мне бы поскорее выучиться.

— Давай хоть сейчас покажу тебе буквы,— предложил Пагул.— Хочешь?

— Хочу!

— А мне? — спросил Эчан.

— А мне? — пискнул маленький Кориш.

Тогда Пагул сказал:

— Вот что, давайте играть в школу! Я буду учителем, вы — учениками. Айда к нам в огород, за баней устроимся.

С этого дня пять-шесть мальчишек стали постоянно собираться за старой баней. Садились на чурбаки, Пагул выдавал каждому по клочку бумаги. «Учитель» писал буквы углем на обрезке доски, «школьники» — разведен-

ной сажей, в которую обмакивали заостренные палочки.

— Глядите, вот эта буква, похожая на сажень, это — А, — стараясь говорить в подражание настоящему учителю басом, объяснял Пагул.— Вот эта, как будто лестница с одной перекладиной, это Н; вот эта, точь-в-точь как ворота, это буква П. Ясно? Теперь напишите эти буквы в своих «тетрадях». Не торопитесь, старайтесь писать красиво, я буду ставить вам отметки.

Ребята старались, как могли, у одних получалось лучше, у других хуже.

Пагул солидно расхаживал между чурбаками, заглядывал через плечо в листочки.

— Сакар Ликанов, — он сурово сдвинул брови,— ты почему написал букву А вверх ногами? Разве я так тебя учил? Смотри, получишь плохую отметку!

Ребята смеются над Сакаром, а он снова и снова, теперь уже правильно, выводит на своем листочке букву А.

РАБОТА

С началом весенней пахоты на полях с утра до ночи копошатся люди.

Весна не ждет, весна торопит. Скорей, скорей управиться с посевной!

Тимош пахал землю тремя лошадьми. За одной сохой шел сам, за двумя другими — нанятые бедняки-соседи.

Однажды утром Сакар только-только проснулся и еще лежал на полатях, как услышал разговор Тимоша с женой.

— Хочу взять сегодня парня нашего в поле, пусть приучается,— говорил Тимош.

— Куда ему! — возразила Ониса.— Он и соху-то не удержит, мал еще.

— Не так уж и мал, скоро двенадцать лет будет. Я в его годы работал. Поставлю его боронить.

— Он и так всю домашнюю работу делает,— напомнила Ониса.

— Это что за работа! — со злостью сказал Тимош.— Тебе, понятно, любо, что он вместо тебя по хозяйству управляется. Только это — дело бабье, а мужик должен в поле работать. Мне дармоед не нужен, не для того я его в приемыши брал. Эй! — крикнул он, и когда Сакар поднял голову от подушки, сказал: — Айда со мной в поле, будешь боронить.

В этот день Тимош показал Сакару, как надо боронить. Сакар боронил. Тимош пошел с лукошком сеять.

Кобыла Сивка, нагнув упругую шею, резво тащила борону. Сакар едва поспевал за ней, утопая ногами в мягкой, как перина, пашне. В конце каждого загона Сивка, не слушаясь слабых рук мальчика, тянулась к траве на меже. Вскоре у Сакара заныли натертые вожжами ладони, уставшие ноги налились свинцовой тяжестью.

Он остановился на минуту, утер рукавом рубахи пот со лба и глянул в сторону деревни, откуда доносились звонкие голоса ребят.

«Во что они играют? — с завистью подумал Сакар. — Не похоже, чтобы в школу, уж больно галдят...»

— Ты что ворон считаешь! — вдруг раздался над самым его ухом грубый окрик.

Сакар оглянулся.

Тимош схватил его за плечо и, с перекошенным от злобы лицом, тыкал пальцем в землю.

— Гляди, какие огрехи оставил! — кричал он.— Хлеб жрать умеешь! Его сначала вырастить надо!

Когда подошло время обеда, Тимош выпряг Сивку, щедро задал ей овса.

Чтобы не терять времени, Тимош с Сакаром не пошли в деревню, а пообедали прихваченной из дому едой.

Поев, Сакар лег на межу и, сморенный усталостью, тут же заснул.

Разбудил его голос Тимоша:

— Эй, хватит дрыхнуть! Ишь, разлегся! Вставай, лошадь уже отдохнула.

РАЗБИТОЕ СТЕКЛО

Все лето от зари до зари работал Сакар то в поле, то по хозяйству. Лишь по пятницам, когда, по марийскому обычаю, работать грех, Тимош не принуждал его трудиться, и тогда Сакару удавалось убежать на улицу, поиграть с ребятами. Каждый раз, когда кто-нибудь из мальчишек спрашивал: «Во что будем играть?», Сакар отвечал: «В школу!»

К концу лета он знал уже все буквы марийского алфавита, но складывать их в слова еще не научился.

«Вот если осенью пойду в школу, там я быстро всему выучусь», — часто думал Сакар, но заговорить о школе с Тимошем не решался, он теперь хорошо узнал, какой недобрый и жестокий человек его хозяин. Хотя Тимош усыновил его, Сакар никогда, даже в мыслях, не называл Онису матерью и Тимоша отцом. Хозяин и хозяйка, а он у них батрак, и больше ничего...

На людях, особенно при гостях, Тимош с показной лаской поглаживал Сакара по голове, легонько похлопывал по спине и говорил:

— Хороший парень растет! Он у меня все равно, что сын родной. Мы для него ничего не жалеем, лучший кусок ему отдаем, зато и он, когда вырастет, станет нас с матерью поить-кормить. Верно я говорю, сынок? Еще бы не верно! — сам себе отвечал Тимош.— Живется парню в моем доме, как у Христа за пазухой.

Гости слушали и хвалили Тимоша за доброе сердце. Сакар отмалчивался. Врать в угоду Тимошу ему не хотелось, а сказать правду он не решался.

Наступил праздник — «второй спас». Хотя советская

власть установила новые советские праздники, в деревне отмечали и религиозные. Вся деревня, как повелось издревле, с нетерпением ждала «второго спаса», празднуемого по окончании уборки нового урожая.

Хлеб убран с поля, свезен в закрома. Уж там на сколько его хватит — бедному крестьянину лучше не загадывать, зато сегодня в доме изобилье. Недаром есть пословица: «В праздник каждый мариец богат».

В каждом доме Шойдура с утра пахнет блинами, вареным мясом, хозяйки пекут пироги, ватрушки. В кадках пенится пиво и брага. Ребятишки хрустят яблоками, они как раз в это время поспевают.

У Тимоша с самого утра — гости.

Сакар собрался было к ребятам на улицу, но Ониса его остановила:

— Куда? Погоди, успеешь еще, набе́гаешься. Сначала воды натаскай.

Пришлось брать два тяжелых деревянных ведра и несколько раз сходить под гору к роднику, пока кадушка в углу у печки не наполнилась до краев. Только тогда Сакару разрешили пойти поиграть с ребятами.

На этот раз играли в лапту. Бегали на лужайке перед домом Тимоша, потому что во всей деревне не было другой такой ровной и широкой лужайки, как тут.

Ребята бегают, кричат, хохочут. Всем в этот день весело, всем радостно.

Вдруг открылось окно, на улицу высунулся рассерженный Тимош. Видно, он уже порядком хлебнул бражки, лицо у него потное и красное.

— Эй вы, потише! — крикнул он.— Ишь как расшумелись, бесенята!

Окно захлопнулось.

Некоторое время ребята старались сдерживать голоса, но вскоре снова увлеклись игрой и подняли прежний крик, слышный на другом краю деревни.

Самым ловким в игре оказался маленький Кориш, его одного никак не могли выбить.

Ребята смеются:

— Ты, Кориш, маленький и катаешься по траве, как клубок, вот мячик мимо тебя и пролетает.

— Нет, просто я увертливый,— хвастливо отвечает Кориш,— а вы косорукие!

Как это часто бывает в игре, не обошлось без слез, кому-то угодили мячом по носу.

— Не реви, Мику,— говорит белобрысый Эчан, подтягивая спадающие холщовые штаны.— Мне в прошлый раз лаптой в лоб заехали, я и то не ревел.

Мику еще некоторое время всхлипывает, но потом утирает слезы, игра продолжается.

Неожиданно — дзинь!

Мяч, пущенный рукой Сакара, угодил в крайнее окно. Стекло разлетелось вдребезги.

Ребята оцепенели. В ту же минуту в окне показался Тимош.

— Кто разбил окно? — прорычал он.— За ноги повешу, черти проклятые! Кто разбил, я спрашиваю!

Мику крикнул:

— Твой Сакар и разбил, а мы не виноваты!

— Ступай домой,— приказал Тимош Сакару.— Я тебя сейчас самого в окно вместо стекла вставлю!

Сакар побледнел как мел, потом кровь бросилась ему в лицо, щеки запылали алыми пятнами.

Ребята разбежались. Сакар, понурившись, медленно пошел к воротам.

Не успел он переступить порог, как Тимош схватил его своей огромной ручищей за волосы и принялся немилосердно трепать, приговаривая:

— Кто тебе велел стекла бить? Ты зачем привел к дому всю ораву? Тебе было говорено: не привечай ребят, не привечай! Вот тебе! Вот!

Сакар рыдал:

— Ой! Ой пусти! Я ведь нечаянно! Ой, больно!

— Больно? — злорадно переспросил Тимош. — А ты думал, тебя за твое паскудство по головке погладят? Нет! Ты у меня будешь знать, как добро беречь!

— Будет тебе, кум, трепать мальца, поучил — и хватит, — услышал Сакар чей-то добродушный пьяненький голос.

Сидевшие за столом гости наперебой принялись унимать разошедшегося хозяина:

— Чего уж ты так?.. Эко дело — стекло! Жалко, конечно, да не убить же за него парнишку...

— Отпусти его, Тимош, мало ли чего в детстве не случается... И мы, бывало, стекла били.

— Зато и нас били! — добавил кто-то, и все захохотали.

Тимош вытолкнул Сакара в сени и, прежде, чем захлопнуть за ним дверь, крикнул:

— Дармоед! Я тебя для чего кормлю? Еще раз нашкодишь, шкуру спущу!

Утирая слезы, Сакар вышел во двор, потом за ворота и медленно побрел по деревне, мимо своего заколоченного дома, сам не зная куда.

Когда проходил мимо избы Пагула, знакомый голос окликнул его. Пагул взял Сакара за руку и привел к себе домой.

Мать Пагула тетка Анна встретила мальчика приветливо:

— Заходи, Сакар, садись к столу, гостем будешь.

Весь день прогостил Сакар у Пагула, у него и ночевать остался.

Засыпая на мягком душистом сене, Сакар думал:

«Есть же на свете добрые люди! Если бы можно было никогда не возвращаться к Тимошу!..»

Но утром пришла Ониса и увела его домой.

ШКОЛА

Наступила осень.

В один из дней Сакар услышал негромкий свист под окном. Выбежал на крыльцо и увидел Пагула, который поманил его за ворота.

— Завтра в школе начало занятий,— сказал Пагул.— Ты не забыл?

— Не забыл, да только...— Тут Сакар замялся и замолчал, потупившись.

Пагул пристально посмотрел на него:

— Говори прямо: ты сказал Тимошу, что пойдешь учиться? Сказал или нет?

— Нет еще. Боюсь, не пустит, заругается.

— Как это не пустит? Права не имеет! Ничего не бойся, прямо сейчас пойди и скажи.

Сакар ответил нерешительно:

— Ладно, попробую.

— Ну, валяй. Да смелее ты! Не пустит, убеги. Я тебя завтра ждать стану, приходи пораньше, вместе в школу пойдем. Договорились?

Сакар кивнул и с замирающим от страха сердцем вернулся в дом.

Ему повезло: Тимош сидел за столом и пересчитывал деньги и, как всегда в таких случаях, был в хорошем расположении духа, даже что-то напевал себе под нос.

Сакар робко подошел к нему, легонько тронул за плечо, сказал просительным голосом:

— Дядя Тимош, пусти меня в школу...

Тимош оглянулся и, все еще погруженный мыслями в денежные подсчеты, непонимающе уставился на мальчика. Спросил недовольно:

— Чего тебе?

— Пусти меня в школу,— громче повторил Сакар.— Я учиться хочу.

Тимош ухмыльнулся, протянул удивленно:

— Гляди-ка, грамотеем решил заделаться? Не жда-ал...

— Пустишь? — с надеждой спросил Сакар. — «Букварь» у меня есть, мне отец купил.

Тимош нахмурился:

— И думать про это забудь! Дома дел невпроворот, куда тут еще со школой твоей!

Сакар поднял голову и впервые открыто, смело посмотрел в глаза Тимошу.

— Я учиться хочу!

— Успеешь, выучишься еще. Мне в доме работник нужен, а не грамотей.

Огромной ладонью он сгреб деньги со стола, спрятал их в сундук, запер сундук на ключ.

— Так-то, дармоед, — злорадно сказал он.— Деньги я и без тебя сочту.

У Сакара на глаза навернулись слезы.

В это время в избу вошел сосед. Поздоровался, сел на лавку и, взглянув на мальчика, спросил:

— Что, брат, не весел?

Тимош пренебрежительно махнул рукой:

— Учиться, вишь, ему захотелось. Я не пускаю, вот он губы и надул.

Сакар заметил, что сосед смотрит на него с сочувствием. Он умоляюще взглянул на мужика и, ища у него поддержки, проговорил сквозь слезы:

— Я уже все буквы знаю, даже писать их могу!

— Ну? — удивился мужик.— Что ж, сосед,— обратился он к Тимошу,— отчего не пустить парня в школу? Пускай учится. Нам не довелось, пусть молодые учатся, им надо.

— Не надо! — отрезал Тимош.— Чему хорошему научат его в нынешней школе? Бога не почитать и старших не слушаться? Тьфу! — Он повернул к Сакару перекошенное злобой лицо: — Не будет тебе никакой школы, понял? Больше со мной об этом не заговаривай. Все!

Но Сакар твердо решил:

«Все равно пойду в школу!»

Утром он встал до света, потихоньку оделся, схватил свой «Букварь» и выбежал за ворота.

В Шойдуре своей школы не было, шойдурские ребятишки ходили в школу за три километра в село Шоръял.

Пагул ждал Сакара возле своего дома.

— Пустили? — спросил он.

— Сам ушел.

— Молодец, так и надо! Пошли. Ох, да у тебя «Букварь»! Откуда?

— Еще отец купил. Вот бы сейчас порадовался, что я иду в школу. А Тимош... Небось снова за волосы оттаскает,— Сакар поежился.

Пагул сжал кулаки.

— Гад он, твой Тимош. Кровопийца!

— Он и впрямь на клопа похож,— сказал Сакар.

Пришли в Шоръял.

Во дворе школы их встретил невысокий молодой мужчина, одетый по-городскому и в очках.

Пагул шепнул Сакару:

— Это учитель Федот Петрович.

Возле школы собралось уже много ребят. Радостно гомоня, они окружили учителя.

Сакар, застеснявшись, стоял в стороне, но Федот Петрович обратил на него внимание, подозвал к себе, спросил приветливо:

— Ты чей?

— Кргория Васлия сын,— потупившись, тихо ответил Сакар.— Из Шойдура.

Вперед выступил Пагул, сказал бойко:

— Федот Петрович, это — мой друг Сакар Ликанов, он сирота, его богатый Тимош к себе взял вроде как заместо сына, работать заставляет, а в школу не отпустил, Сакар сам потихоньку ушел, теперь боится, что Тимош за это станет его бить.

Учитель ласково провел рукой по волосам Сакара, сказал с улыбкой:

— То, что хочешь учиться и пришел в школу, это хорошо. А Тимоша не бойся, я сам с ним поговорю, он не посмеет тебя тронуть. После уроков я вместе с тобой пойду к тебе домой. Хорошо?

Сакар кивнул.

Очень понравилось Сакару в школе. Все понравилось: и парта, за которой он сидел, и черная блестящая доска, на которой учитель писал буквы и цифры белым мелом.

Над доской висел портрет Ленина. Сакару казалось, что Ленин именно на него смотрит добрыми, слегка прищуренными глазами.

После уроков Федот Петрович, как и обещал, пошел вместе с Сакаром в Шойдур.

Сакар боялся, что Тимош станет спорить с учителем, может быть, даже накричит на него, но Тимош повел себя на удивление тихо.

Он, не возражая ни слова, слушал Федота Петровича, который говорил о том, что советская власть открыла дорогу к учению всем детям, что сам Ленин призывает молодежь учиться и что не пускать мальчика в школу — значит идти против законов советской власти.

Тимош, как показалось Сакару, испугался. Не взглянув на Сакара, он сказал сквозь зубы:

— Пусть учится. Я — ничего...

Но едва Федот Петрович вышел за дверь, Тимош напустился на мальчика:

— Экий ты неслух! Убежал без разрешения, да еще учителя привел. Нашел себе защиту! Ишь, как он тут про советские законы пел!.. Эх, зря я, видно, тебя пригрел. Недаром говорится: чем выкормить сироту, лучше выкормить ягненка; от ягненка хоть шерсть будет, руки-ноги согреешь. А будет ли мне от тебя какой прок?

БОЛЕЗНЬ ОНИСЫ

Однажды утром Сакара разбудил жалобный стон.

Мальчик слез с полатей, подошел к печке, на которой спала Ониса.

— Тетя Ониса, ты чего?

— Ой, голова шибко болит,— глухо проговорила Ониса.— Не знаю, что такое сделалось...

Сакар растерялся. Тимоша в это время не было дома, он уехал по своим торговым делам и должен был вернуться только на другой день.

— Что же делать-то? — спросил Сакар.— Может, чаю тебе вскипятить?

— Ох, не знаю... Ну, поставь, что ли, самовар. Да сходи к соседке, нет ли у нее какой травы... Скажи, мол, у матери всю голову разломило. Она даст...

Сакар поставил самовар и побежал к соседке. Дождавшись, пока закипит самовар, он заварил траву, как научила его соседка, и подал Онисе на печку дымящуюся паром кружку.

Он подождал, покуда она выпьет отвар, спросил с надеждой:

— Ну как, полегчало?

— Вроде полегчало.

— Тогда я в школу пойду,— сказал Сакар.— Может, еще чего надо?

— Нет больше ничего не надо. Что-то меня в сон клонит. Иди, я спать буду.

В школу Сакар прибежал, когда урок уже начался.

— Ты почему опоздал? — строго спросил Федот Петрович.

— Тетя Ониса заболела, а Тимоша дома нету,— ответил Сакар.— Я ее травой отпаивал. Голова у нее шибко болит.

— Скажи Тимошу, пусть свезет жену в больницу, там ей лекарства дадут.

— Скажу,— пообещал Сакар.

К вечеру Онисе стало хуже.

Сакар снова заварил ей траву, но она отвела кружку дрожащей рукой:

— Убери, тошно мне, ничего в рот нейдет. Дай лучше холодной воды, жар у меня, губы сохнут.

Ночью Ониса бредила, и встревоженный Сакар всю ночь не сомкнул глаз.

Утром он не пошел в школу.

В полдень вернулся домой Тимош. Узнав о болезни жены, он обеспокоился, но все же первым делом запер в большой сундук маленький, окованный медью сундучок с деньгами, а уж потом заглянул на печку.

— Неможется, жена? — участливо спросил он.— Голова что ли болит?

Ониса отозвалась слабым голосом:

— Ох, помираю, видно...

— Ничего, сейчас я тебя вылечу,— успокоил ее Тимош.— Травы заварю.

— Не надо... Меня уж Сакар поил давеча травой, не хочу больше.

— Тогда надо помолиться как следует перед иконой, авось, господь бог пошлет тебе исцеление.

Тимош зажег тонкую свечку и поставил ее на божницу перед иконой, сам опустился на колени.

— И ты,— повернулся он к Сакару,— тоже помолись за здоровье матери.

— Учитель сказал: надо ее в больницу свезти, — отозвался Сакар.

— Много он понимает, твой учитель! — пробурчал Тимош.— Век прожили, по больницам не езживали. Делай, что тебе говорят, вставай вот тут, рядом со мной, на колени и говори: «Господи, пошли доброго здоровья моей матери». Ну!

Сакар опустился на колени и зашептал подсказанные ему слова.

Утром Ониса, которая всю ночь металась в жару, сказала робко:

— Отец, может, вправду, в больницу меня свезешь? Горит у меня все нутро, сил моих больше нет...

— Погоди, я к тебе сейчас Орину приведу, она тебя живо на ноги поставит,— пообещал Тимош.

Орина — известная в Шойдуре ворожейка, к тому же она родня Тимошу.

— И то верно! — обрадовалась Ониса. — Надо было ее с самого начала позвать, не догадалась я... Сходи, сходи за ней, Тимош, пусть придет поскорее.

Тимош оделся и ушел. Вскоре он вернулся с Ориной.

Сакар в это время собирался в школу. Он ушел и не видел, как ворожила Орина.

Когда вернулся из школы, по хмурому лицу Тимоша он догадался, что Оринина ворожба не помогла. Ониса снова была в бреду.

Сакар боялся рассердить Тимоша, но ему было жалко больную, поэтому он снова сказал:

— В больницу надо.

К его удивлению, на этот раз Тимош не стал на него кричать, он вообще ничего не ответил, а лишь молча покачал головой.

На другой день, видя, что жена не приходит в сознание, Тимош проговорил как бы через силу:

— Видно, впрямь, придется ехать в больницу. Иди, Сакар, запрягай Сивку.

В кантонной больнице Онису посмотрел врач, выписал лекарство.

Ониса быстро пошла на поправку.

Как-то раз она стала рассказывать зашедшей навестить ее соседке, какое хорошее лекарство дали ей в больнице.

Тимош, покосившись на Сакара, проворчал:

— Не лекарство тебе, жена, помогло, а дошла до бога

наша молитва, и Орине надо сказать спасибо, видно, она как следует поворожила, вот ты и выздоровела.

— Истинно, — подтвердила соседка.— Оринина ворожба — дело верное, а больничных лекарств я бы и в рот не взяла, кто их знает, что в них намешано.

Ониса не стала спорить, согласно закивала головой:

— Да, да, Орина мне помогла, хоть и не сразу... А лекарство — это уж так просто, хоть вреда от него не приключилось, и то ладно.

«Какие же вы еще темные!» — хотелось сказать Сакару, но он только махнул рукой и сел учить уроки.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Несколько дней спустя Федот Петрович собрал ребят в одном классе и сказал:

— Ребята, в ближайшее воскресенье к нам в гости приедут пионеры из Кугенерской школы. Они покажут нам представление. Объявите об этом в своих деревнях, пусть и взрослые, кто захочет, приходят смотреть представление.

Ребята разошлись по домам, взволнованные новостью. Многие из них ни разу в жизни не видели никакого представления, только слышали от учителя, что в городах есть театры, где выступают артисты. А тут будут выступать ребята, их сверстники.

— Вот интересно посмотреть, как они будут выступать, пионеры,— говорил Пагул по дороге домой.

Сакар спросил:

— А что это такое — пионер?

Пагул удивленно присвистнул.

— Не знаешь? Хотя откуда тебе знать? А нам Федот Петрович рассказывал про пионеров. Пионер — всем ребятам пример, так Федот Петрович сказал. Они сами хорошо учатся и помогают обучать неграмотных. Пионеры честные и смелые, ничего не боятся.

«Был бы я пионером, я бы не боялся Тимоша»,— подумал Сакар.

Наступило воскресенье. В школе собралось много народу: тут и школьники, и взрослые. Все ждут начала представления, все с нетерпением поглядывают в конец коридора, где устроена сцена. Она отгорожена занавесом, перед которым расставлены скамейки для зрителей.

Наконец, занавес раздвинулся.

На сцену вышел мальчишка не старше Сакара с красным галстуком на груди. Смело, громко и четко, как какой-нибудь учитель, он сказал:

— Начинаем концерт учащихся Кугенерской школы! Первым номером нашей программы выступит хор. Он споет пионерскую песню, слова для которой сочинил поэт Александр Жаров, а музыку — композитор Сергей Дешкин.

Девочки и мальчики, все, как один, в пионерских галстуках, стройно запели в два десятка звонких голосов:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы, пионеры,—
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
Всегда будь готов!..

— Какая хорошая песня, правда? — шепнул Сакару Пагул.

Сакар молча кивнул в ответ, он, не мигая, смотрел на сцену, боясь что-нибудь пропустить.

Ведущий объявил:

— Русская народная песня «Коробейники»! Исполняет шумовой оркестр.

Заиграл оркестр.

Приглядевшись, Сакар с удивлением заметил, что

только один парень играл на балалайке, остальные — кто на чем: на пиле, на гребенке и даже на самоварной трубе. И очень хорошо играли!

Потом пионеры разыграли маленькую пьеску про деревенского богатея и батрака. Мальчишка, изображавший богатея, очень смешно надувал щеки и выпячивал живот, по которому то и дело себя похлопывал. Зрители, глядя на него, покатывались со смеху.

Сакар смеялся вместе со всеми. Легко и радостно было у него на душе, ему казалось, что он смеется над Тимошем, над его братом Элексеем — и они уже не казались ему такими страшными, как раньше.

Больше всего понравились Сакару пирамиды. Пионеры под команду высокой светловолосой девочки — «Делай — раз! Делай — два! Делай — три!» — становились группами, подняв руки, вскакивали на плечи друг другу и замирали. Получалось очень красиво.

На следующий день в школе только и было разговоров, что о вчерашнем концерте, о том, какие молодцы пионеры.

Поэтому, когда Федот Петрович заговорил с ребятами о том, что в их школе пора создать пионерскую организацию и спросил, кто хочет вступить в пионеры, поднялось много рук.

Поднял руку и Сакар.

Прием в пионеры проходил накануне Октябрьского праздника. Один за другим вставали ребята перед строем и давали пионерскую клятву.

Вздрагивающим от волнения голосом произносил Сакар слова клятвы:

— Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира...

Гордо, с красным галстуком на груди шагали Сакар и Пагул со сбора домой.

Дома Сакара словно холодной водой из ушата облили.

— Это что еще за удавка? — взглянув из-под насупленных бровей, спросил Тимош.

Он протянул было руку к галстуку, но Сакар проворно отскочил в сторону и, зажав концы галстука в кулак, смело сказал, глядя Тимошу в глаза:

— Не тронь! Это пионерский галстук. Я теперь пионер!

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Однажды, когда Сакар был у Пагула, в избу вошла мать Пагула тетка Анна и, разматывая теплый платок с головы, горестно вздохнула:

— Ходила в село в лавку, купила кое-что. Сдается мне, что Элексей обсчитал меня. Пагул, сынок, сочти-ка, ты ведь ученый.

— Давай сочту,— сказал Пагул.

Тетка Анна присела на лавку возле двери и, загибая пальцы, принялась перечислять:

— Значит так... Взяла я у него соли на пятак, спичек на семишник да мыла на пятак с семишником. Дала ему пятиалтынный, думала, сдачи хоть сколько даст, нет — ничего не дал. Вот мне и думается...

— Погоди, мама, погоди,— остановил ее Пагул.— Давай считать по-теперешнему. Соль — пять копеек, спички — две копейки, мыло — семь копеек. Всего — четырнадцать копеек. Ты дала ему пятнадцать, стало быть, он должен был дать тебе копейку сдачи.

— Ничего не дал,— повторила тетка Анна. — В расчете, мол. Ну, я и пошла. Хватает у Элексея совести обманывать людей! И так кругом нехватки, каждая копейка на счету... Знает, что я, темная, сосчитать быстро не могу, вот и пользуется.

Пагул сказал укоризненно:

— Я тебе, мама, сколько раз говорил: давай выучу те-

бя всему — и читать, и писать, и считать, а ты все только отмахиваешься.

Тетка Анна отмахнулась и на этот раз:

— Где уж мне учиться! Поздно...

Сакар горячо возразил:

— Ничего не поздно, тетя Анна. Вон Кости Рожкин только в армии выучился читать. Федот Петрович, наш учитель, ведет в Шоръяле кружок ликбеза. И мы, пионеры, помогаем ему учить взрослых грамоте. Ты бы тоже ходила в кружок, всему бы выучилась.

Тетка Анна вздохнула:

— Видно, придется.

Она положила мыло на полку у печки, убрала мешочек с солью и, утирая глаза кончиком платка, вышла в сени.

Сакару было очень жалко тетку Анну. Он решительно сказал Пагулу:

— Вот что, пойдем-ка сейчас в село, скажем Элексею, что стыдно обманывать неграмотных, пусть отдаст копейку!

— Пошли!

Они надевали полушубки, когда в избу вернулась заплаканная тетка Анна.

— Далеко ли? — спросила она.

— Пойдем с Сакаром в село, — ответил Пагул.— Скажу Элексею, мол, не дал матери сдачи копейку, отдавай.

Тетка Анна покачала головой:

— Чего зря лапти трепать! Попало собаке в пасть, обратно не вытащишь. Не ходите!

Но ребята были уже за дверью.

До села дошли быстро, мороз подгонял, только снег под лаптями поскрипывал.

Пока шли, бойко говорили о том, как стребуют с Элексея копейку, но, подойдя к дверям лавки, немного оробели. Как сказать взрослому мужику: «Ты, мол, обманщик?»

Войдя в лавку, друзья остановились у дверей.

В лавке в это время был всего один покупатель — дед Корий.

— Свешай мне, Элексей, два фунта соли,— попросил дед Корий.— Да возьму, пожалуй, осьмушку чаю...

Подавая Элексею деньги, старик сказал:

— В прошлый раз, как моя старуха покупала у тебя керосин, ты не додал ей две копейки.

— Быть того не может! — отрезал Элексей.

— Было, было, точно тебе говорю. Дал ты ей сдачи гривенник, а надо было двенадцать копеек.

Элексей хитро прищурился:

— Что ж она мне сразу не сказала?

— Да она считать-то не умеет! Это уж потом, как она домой воротилась, внук сказал, что семишника не хватает. Грех тебе, Элексей, старуху обманывать.

Элексей засмеялся:

— Я никогда не обманываю! Может, твоя старуха по дороге потеряла деньги. Этак вас много найдется, каждый придет да будет с меня деньги требовать! Нет, шалишь, не на такого напали. Небось, знаешь пословицу: «Что с воза упало, то пропало?»

Пагул и Сакар молча переглянулись и пошли вон из лавки.

Вскоре на крыльцо вышел дед Корий. Вид у него был сердитый и обиженный.

— Не отдал? — спросил Пагул.

Старик плюнул под ноги.

— Разве ж он отдаст, жулик проклятый! Ну да ничего, отольются волку овечьи слезы. А вы, ребята, чего ж никакого товару не купили?

Пагул ответил, хмуро покосившись на дверь лавки:

— Мы не покупать приходили.

— Тогда зачем же?

— Хотели спросить с Элексея денег, он моей матери сегодня не додал.

— Много ли?

— Копейку.

— Ах, прохвост! Хоть копейку, да прижмет! И ведь

знает, кровопиец, как дорог бедному человеку каждый грош! Чего ж вы не спросили?

Пагул пожал плечами:

— Что толку, дедушка? Уж если тебе не отдал, со мной бы он и говорить не стал.

— Это так, — согласился старик.

Все трое зашагали по дороге в Шойдур.

Старик долго молчал, погруженный в свои мысли, потом сказал со вздохом:

— Обманывает нас Элексей теперь, будет обманывать и впредь. И ничего ты с ним не поделаешь, нет на него никакой управы.

— Я знаю, что надо делать! — сказал Сакар.— Надо про него в газету написать! Я как раз недавно читал заметку, что в Олыксоле торговец Микале обвешивает и обсчитывает покупателей. Небось, теперь этому Микале не поздоровится. Вот и про Элексея надо написать, ославить его на весь кантон, пусть все знают, что он выделывает.

— Хорошо бы, — согласился старик. — Может, в другой раз поостережется людей обманывать. Да только кто писать-то станет?

— Я напишу! — сказал Сакар.

Дед Корий удивился:

— Ты? А сумеешь?

Сакар немного смутился, но ответил решительно:

— Попробую.

Придя домой, он, не откладывая, сел писать письмо в газету. Он подробно описал, как Элексей обсчитал тетку Анну и старуху Кория.

Он писал до глубокой ночи, старательно обдумывая каждое слово. В конце концов Тимош, свесив с печи голову, прикрикнул на него:

— Хватит тебе керосину попусту жечь! Гаси лампу да ложись спать.

Наутро Сакар встал пораньше, чтобы до школы переписать письмо набело.

В школе он показал его Пагулу.

Пагул прочел, похвалил:

— Толково написано. Только не надо бы тебе подписываться своим именем. Сам подумай, если письмо напечатают в газете, Тимош тебя со света сживет. Да и сам Элексей спасибо не скажет. Надо подписаться каким-нибудь выдуманным именем, пусть тогда Элексей гадает, кто про него написал...

Сакар зачеркнул в письме свою фамилию и поставил подпись — Кожеран.

Отослав письмо в редакцию, Сакар с нетерпением ждал, напечатают его или не напечатают. Он теперь приходил в школу пораньше, чтобы успеть до начала уроков просмотреть газету «Йошкар кече», которую выписывал Федот Петрович.

И вот в разделе «Почтовый ящик» он прочел:

«Товарищ Кожеран! Твое письмо про то, что продавец Э. Пирков обсчитывает покупателей, получено, но для выступления газеты в нем содержится мало материала. Пиши нам еще».

Сакар едва дождался, когда в школу придет Пагул. Он отозвал друга в сторонку, и с торжественным видом протянул ему газету:

— На, читай! Вот тут, в «Почтовом ящике»!

Пагул прочитал.

— Вот здорово! — воскликнул он. — Теперь этому Элексею хвост прижмут, больше не будет людей обсчитывать, небось, теперь побоится. Ты, Сакар, молодец. Глядишь, станешь селькором.

— Что такое селькор?

— Селькор — сельский корреспондент, тот, кто пишет в газету про разные деревенские дела.

Сакар смущенно улыбнулся:

— Какой я селькор, я же только одно письмо написал,— возразил он.

— Лиха беда — начало, — задорно подмигнул Пагул.— Я бы вот не сумел написать так складно, как у тебя получилось.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Прошло четыре года. Сакар закончил четырехклассную Шоръяльскую школу, и перед ним встал вопрос: «Что делать дальше?»

Федот Петрович сказал ему:

— Тебе непременно надо учиться. Ты парень толковый, кончил у меня одним из первых, так что учись.

Легко сказать: «учись». Сакар и сам рад бы учиться, да только где? Поблизости нет ни одной школы, где бы учили больше четырех классов. Воп Пагул два года назад кончил школу, с тех пор работает в хозяйстве отца, а ведь тоже хотел бы учиться.

Разве в город куда податься? Боязно... Нигде не бывал Сакар дальше своего кантона.

Все же он решил поговорить про дальнейшую учебу с Тимошем. Но тот и слушать не стал:

— Хватит, выучился! Шутка сказать — четыре года дурака валял. Видно, понравилось? Нет уж, больше никакого тебе ученья не будет. Я вон меньше твоего учился, а живу, слава богу, получше многих, сам знаешь. Пусть русские учатся, марийцу все равно большим ученым не стать, а ковыряться в земле можно и без науки.

Сакар вспыхнул:

— Неправда! Это раньше считали, что марийцу наука не нужна. Теперь все народы равны, все могут одинаково работать и учиться.

В разговор вступила Ониса:

— Взрослый парень, жениться пора, а все про какуюто учебу толкуешь. Слушать тошно.

— Верно говорит жена,— поддержал Онису Тимош.— Надо не об учебе, о хозяйстве подумать. Пора бы тебе в разум войти. Ведь ты и впрямь почти жених.

Сакар покраснел, какой он жених! Но ему невольно представилась Орик, ее круглое, румяное, как утренняя заря, лицо, ее смеющиеся карие глаза, ее голос, нежный, как гусельный напев.

Орик и Сакар одногодки, вместе учились в школе, но девочка и четырех классов не смогла закончить: тяжело заболела мать, пришлось бросить школу. С тех пор Сакар редко видит Орик.

Но часто думает о ней.

Сакар сам почувствовал, что покраснел, когда Тимош назвал его женихом. Он испугался, как бы Тимош и Ониса не заметили его смущение, но тут, к счастью, в сенях послышались чьи-то шаги.

В избу шумно ввалился Элексей.

Его глаза, как обычно, воровато шныряют по сторонам, а большой вислый нос, красный от пьянства, кажется, постоянно что-то вынюхивает.

Первое время после того, как Элексея помянули в газете, он ходил тихий и какой-то пришибленный, по постепенно он оправился от испуга, сумел даже пролезть в сельуполномоченные и теперь снова чувствовал себя, как рыба в воде.

— Как живете-можете? — громко спросил Элексей, потирая руки, как с мороза.

— Живем, слава богу,— ответил Тимош.— Проходи, брат, садись поближе.

— Жить надо уметь! — изрек Элексей и, вытащив из кармана бутылку водки, подмигнул брату.

Ониса быстро собрала на стол. Братья выпили и разговорились о своих делах.

— Торговля у нас с тобой, брат, идет как по маслу,— Элексей показал большой палец: — Вот так! Ты когда снова яйца в Казань повезешь?

— Думаю на той неделе поехать.

— Гляди, привези оттуда побольше всяких товаров. Больше товаров, нам с тобой больше барыша.

— Тс-с! — Тимош покосился на Сакара и шепнул брату: — Не болтай при нем лишнего...

Чего там — не болтай! Сакар и так уже давно догадывается, что Тимош ездит в Казань не столько для того, чтобы продавать яйца, сколько для того, чтобы привезти оттуда товары, которые Элексей потом продает в селе, надо думать, по спекулятивным ценам. Вот он и толкует про большие барыши.

«Верно тогда дед Корий говорил, что ты жулик», — неприязненно глядя на Элексея, подумал Сакар.

Тимош перехватил этот взгляд, проговорил сладким голосом:

— Сакар, сынок, сходил бы ты за водой. Нечего тебе тут сидеть да наши с братом разговоры слушать. Лучше делом займись, кадка-то, небось, пустая...

В кадке было еще много воды, но Сакар понял, что Тимош просто хочет выпроводить его из избы, чтобы без помехи обсудить с Элексеем их темные делишки. Не сказав ни слова, Сакар взял ведра и пошел на родник.

В последнее время он полюбил ходить за водой, ему не надо было и напоминать. Он ходит на родник, надеясь встретить здесь Орик и перекинуться с ней словом. Иной раз это ему удается, и тогда парню кажется, что птицы на деревьях, растущих возле родника, поют громче и что веселее звенит тугая прозрачная струя.

Набрав полные ведра, Сакар долго стоял, поджидая, но никто не появился на тропинке, ведущей к роднику. Тогда Сакар подхватил ведра и пошел к дому.

Вечерело. У пожарного сарая уже собираются на гулянье парни и девушки. Проходя мимо них, Сакар заметил Пагула, оставил ведра на тропинке и подошел к нему.

— Пагул! — он обнял друга за плечи. — Что-то тебя вчера весь день не видно было. Где пропадал?

Пагул обернулся.

— Здорово, Сакар! Я в Кугенер ходил.

— Зачем?

— Мне сосед Йогор сказал, что в Кугенере открываются курсы столяров. Ходил узнать, не примут ли. Я за тобой зашел было, да Тимош турнул меня, мол, нету дома твоего дружка. Вот я и пошел один.

Сакар так и впился в Пагула взглядом. Спросил нетерпеливо:

— Ну и что?

— Принимают. Давай вместе поступим, а?

— Не знаю...— растерянно ответил Сакар.

— Выучишься на столяра, чем плохо? Год — и ремесло в руках, а там видно будет. И от дома не так далеко, всего пятнадцать верст.

Сакар усмехнулся:

— Мне-то как раз чем дальше от дома, тем лучше. Я тут даже подумал, не податься ли в город. Кости Рожкин говорил, что там есть какая-то совпартшкола. Может, примут, как ты думаешь?

— Туда направление нужно. В эту школу направляют только комсомольцев и партийцев, и то по строгому отбору, самых достойных. Нет, я твердо решил учиться на столяра и тебе советую.

— Ладно, я подумаю.

— Думай, да не долго: на той неделе надо отправляться. Эчан тоже решил поступить на эти курсы, втроем и пойдем, если надумаешь.

СЧАСТЛИВЫЙ ГОД

По выбитой дороге, поднимая лаптями пыль, весело переговариваясь, бодро шагают три парня. Звонче всех звучит голос Сакара, он рад-радехонек, что хоть на год вырвался из ненавистного дома Тимоша.

— Удивительно, как это тебя Тимош отпустил,— говорит Пагул.

Сакар отвечает с улыбкой:

— Отпустил за милую душу. На столяра, говорит, учиться — это не то, что в школе время попусту терять, мне, говорит, свой столяр очень даже в хозяйстве пригодится, так что валяй, сынок, учись.

В разговор вступает Эчан:

— Выучусь на столяра, буду делать столы, стулья, шкафы и кровати, стану их на базаре продавать, вот деньги-то заработаю!

— Погоди деньги считать,— смеется Сакар, вскидывая на плечо холщовую сумку с едой.— Сначала выучись.

— Выучусь! Меня отец с малых лет к топору приучил, я и сейчас немного столярничать умею.

Пагул обнимает товарищей за плечи:

— Станете столярами, не забудьте тогда мне спасибо сказать. Если бы не я, вы бы и знать не знали, что такие курсы есть на свете.

Так, со смехом и шутками, незаметно отшагали пятнадцать верст.

Кугенер — большое село на высоком берегу Немды. Издалека бросается в глаза бывший монастырь. Рядом с ним двухэтажное кирпичное здание.

— Вон тот дом в два этажа — это и есть столярные курсы,— сказал Пагул, указывая на кирпичное здание.— А в монастыре теперь детдом. Рядом с ним — школа. Помните, к нам из этой школы пионеры с концертом приезжали?..

Ребята перешли мост и стали подниматься по склону. Подошли к часовне.

— Эту часовню поставил над родником купец Рощин,— Пагул потянул дощатую дверь, кивнул приятелям: — Давайте-ка зайдем, напьемся, я тут в прошлый раз пил, очень вкусная вода. Раньше говорили — святая.

Холодная родниковая вода оказалась на редкость вкусной. Ребята напились, умылись, и усталости как не бывало.

Когда проходили мимо детдома, остановились поглядеть на детдомовцев, которые на лужайке гоняли ногами кожаный мяч.

Ребята весело играют, гомонят, все чисто одеты, и не скажешь, что это сироты.

Пагул подтолкнул Сакара локтем, сказал, кивнув в сторону детдома:

— Вот куда тебе надо было определиться, как отец помер. Жил бы — горя не знал.

Сакар грустно кивнул:

— Я и то смотрю, хорошо бы мне тут жилось, да ведь кто же знал про этот детдом? Я был маленький, сестра Марпа без понятия. Тимош тогда взял меня к себе вроде бы из милости, и весь разговор.

К зданию, где помещались курсы, Сакар подошел с бьющимся сердцем.

— Ну как не примут! — сказал он, опасливо поднимаясь на крыльцо следом за Пагулом.

Но их приняли, показали классы и мастерские, каждому дали койку в общежитии.

Так для Сакара началась новая жизнь.

Учились много, но все же оставалось еще свободное время, и Сакар пристрастился ходить в библиотеку-читальню. Никогда еще не видел он столько книг, сколько стояло на длинных полках в библиотеке.

«Вот бы прочитать все эти книги!» — думал Сакар.

Он принялся читать жадно, неотрывно, книгу за книгой.

Однажды Сакар и Пагул шли по улице. Навстречу им попался молодой красивый мужчина с портфелем в руке. Он шел не спеша.

Пагул сказал негромко:

— Смотри! Знаешь, кто это?

— Нет. А кто?

— Шабдар Осып, писатель.

— Писатель? Настоящий писатель?

Сакар был так поражен, что, остановившись, долго смотрел вслед мужчине.

Через несколько дней в Кугенерской школе состоялся концерт самодеятельности. Детдомовцы — ученики старших классов, пели, плясали, читали стихи. Сакар из зрительного зала смотрел на своих сверстников и с горечью вспоминал годы, прожитые у Тимоша.

Сакару понравились и песни, и пляски. Но самое большое впечатление на него произвело выступление Шабдара Осыпа, который читал свои стихи.

Вечером, лежа в постели, Сакар повторял про себя запоминающиеся строчки из стихотворения Шабдара:

Лету, солнцу, утру
Радуйся, душа!
Сторона родная,
Как ты хороша!

«Может, попробовать самому написать стихотворение?» — пришла ему неожиданная мысль.

Сакар радовался, что вырвался из дома Тимоша, но он очень скучал по Шойдуру. И ему захотелось выразить в стихах свою тоску по родной деревне.

Он долго ворочался, думая об этом. С тем и заснул.

Утром проснулся, когда на улице только-только начало светать. Ребята еще спали. Сакар тихонько оделся, присел к подоконнику и, грызя карандаш, стал сочинять стихи.

Оказалось, это — непростое дело, он с трудом написал четыре строчки, а дальше ни с места!

Начали просыпаться ребята, Сакар поскорее спрятал исчерканный листок в тумбочку, ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что он пишет стихи.

На следующий день он сказал Пагулу:

— Знаешь, я стихотворение про наш Шойдур написал.

— Ну? — удивился Пагул.— Не врешь?

— Слушай.

И Сакар прочел:

Шойдур называется наша деревня,
Где детство мое протекло.
Люблю я родную деревню,
Хоть много там слез пролито.

— Здорово! — одобрил Пагул. Знаешь что, покажи этот свой стих Шабдару.

— Ой, что ты! Я боюсь!

— Чего бояться-то? Покажи — и все!

Однажды, когда Сакар сидел в библиотеке и читал газету, он услышал знакомый голос. Поднял глаза, с библиотекарем разговаривал Шабдар. Взяв с полки какую-то книгу, Шабдар пошел к выходу.

Сакар вскочил с места и негромко окликнул:

— Осып Архипович!

Шабдар оглянулся, посмотрел вопросительно.

Сакар смешался, но отступать было поздно и он сказал, запинаясь:

— Осып Архипович, я... я вот тут... я стих написал.

Шабдар подошел, заглянул в глаза.

— Написал стихи? Интересно! Покажи.

Сакар из кармана штанов достал сложенный вчетверо листок, протянул Шабдару.

Пока тот читал, Сакар с волнением следил за выражением его лица.

Кончив читать, Шабдар спросил:

— Как тебя зовут?

— Сакаром.

— Вот что, Сакар. То, что ты стремишься писать, это хорошо. Но стихи у тебя получились не очень удачные. Это твое первое стихотворение?

Сакар кивнул.

Шабдар продолжал задумчиво:

— Трудно сказать, сможешь ли ты в дальнейшем писать хорошие стихи. Для того, чтобы стать настоящим поэтом, нужен талант. Может быть, он у тебя и есть, но для того, чтобы он проявился, нужно очень много рабо-

тать. И, конечно, нужно как можно больше читать, учиться на лучших образцах поэзии. Ты еще что-нибудь писал?

— Написал письмо в газету.

— Напечатали?

— Нет, ответили, что мало материала, и велели еще писать.

— Ну что ж, это уже кое-что. Вот тебе мой совет: старайся получше узнать жизнь, характеры людей, и обязательно пиши. Пиши о том, что хорошо знаешь, о том, что тебя по-настоящему волнует. Чтобы тема твоих заметок была бы не надуманной, а жизненно-важной.— Шабдар положил руку на плечо парня.— Ты меня понимаешь?

— Понимаю,— ответил Сакар. Он осмелел: Шабдар говорил с ним так доброжелательно, что он решил с ним посоветоваться: — Осып Архипович, я давно задумал написать в газету о том, что многие из наших деревенских, когда заболеют, вместо того, чтобы идти к врачу, идут к знахарке. Это как — важная тема?

— Безусловно, важная. Но только постарайся, чтобы в твоей заметке были не просто общие слова, покажи на конкретном примере, какой вред приносит людям вера в знахарство. Когда напишешь, покажи мне, если захочешь. Ну, Сакар, желаю тебе успеха!

Шабдар ушел. Сакар был так взволнован разговором с писателем, что, выйдя из библиотеки, не пошел в общежитие, а отправился в лес. Ему хотелось побыть одному, чтобы еще и еще раз, во всех подробностях, припомнить слова, сказанные ему Шабдаром.

Тихо в осеннем лесу, даже птиц почти не слышно. Но вот на елку неподалеку от пенька, на котором сидел Сакар, опустилась синица. Она часто-часто вертит головой, словно ищет что-то или любуется своей зеленой грудкой; голосок у нее тоненький и звонкий:

— Тинь-тинь-тинь...

Сидя в лесу, Сакар хорошенько обдумал свою заметку

о знахарях. Он решил, как советовал Шабдар, привести в ней конкретный случай.

Этот случай произошел с ним самим.

Однажды Сакар полез за яблоками, упал с дерева, и то ли сильно ушиб, то ли вывихнул ногу, в общем, нога сильно разболелась.

Тогда еще жива была мать, и она повела Сакара к знахарке — тетке Орине.

Хмурая подслеповатая тетка Орина вытащила из-за печки шерстяной пояс, связала его узлом и приложила к колену, начала ворожить. Потом взяла ножницы и стала кидать их на пол так, что они втыкались острыми концами в половицу. При этом она приговаривала:

— Помоги нам перебороть семьдесят семь чертей, семьдесят семь врагов и одну злую болезнь. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Тут она три раза плюнула на больное колено и сильно потерла его ладонью.

— Вот и все! — объявила она.— Завтра к вечеру нога заживет.

Мать обрадовалась. Она поблагодарила знахарку, отдала ей несколько яиц, большой кусок коровьего масла и и повела сына домой.

Но назавтра Сакару стало хуже, колено еще больше распухло и покраснело, он не мог наступить на ногу и громко плакал от боли.

— Надо ехать к фельдшеру,— решил отец.

Фельдшер осмотрел ногу и дал какую-то примочку. Две недели спустя Сакар уже бегал с мальчишками по деревне и снова лазил на деревья.

Сакар описал в своей заметке этот случай и еще несколько других, хорошо ему известных. Написал и про болезнь тетки Онисы.

Волнуясь, Сакар понес эту заметку Шабдару. Тот прочел, похвалил:

— Неплохо! И по содержанию интересно, и написано

живо, так что польза от такой корреспонденции, думаю, будет несомненная. Оставь ее мне, я сам пошлю в газету. Ты как подписываешься? Кожеран? Правильно сделал, что взял себе псевдоним, пусть наши недруги не знают имен селькоров, которые разоблачают их в печати.

Вскоре корреспонденцию Сакара про вред лечения у знахарей напечатали в газете. Он был очень рад и горд. Шабдар поздравил его от души, а Пагул сказал:

— Теперь ты стал настоящим селькором.

С тех пор Сакару не раз случалось разговаривать с Шабдаром, и каждая такая встреча была для парня настоящим праздником.

Но к радости Сакара примешивалась и грусть. Учеба на курсах подходила к концу. Еще немного, и ему придется возвращаться домой.

За этот год он привык чувствовать себя вольной птицей. Он с интересом занимался в классе, с удовольствием работал в мастерских. Никто на него тут не кричал, никто не попрекал куском хлеба. Наоборот, ему частенько доводилось слышать одобряющие слова мастера:

— Покажи-ка, как ты сделал табуретку? Молодец! Очень хорошо, просто замечательно.

«Как, оказывается, приятно, когда тебя не ругают, а хвалят!» — думал Сакар.

И вот наступило время прощания с Кугенером. Сакар прощался с товарищами, с учителями, с Шабдаром; он расставался со всеми, кого успел полюбить за этот первый в его жизни счастливый год.

СНОВА В ДЕРЕВНЕ

Ониса и Тимош, казалось, были искренне рады тому, что Сакар вернулся домой.

Впервые в жизни не на людях, а с глазу на глаз Тимош говорил с приемным сыном, улыбаясь и ласково заглядывая ему в лицо:

— Вот ты и ремеслу выучился, сынок. Это хорошо. От твоего отца остался знатный столярный инструмент, теперь твоим будет. Наше хозяйство приведешь в порядок.

— В избе рамы подгнили,— вступила в разговор Ониса,— пару новых табуреток неплохо бы сделать. Ты ешь, ешь, сынок, я тебе еще супу подолью. Небось, там, на курсах-то этих, не приходилось мясного супу похлебать, небось, все на сухомятке держали?

— Нет, там нас неплохо кормили,— ответил Сакар,— горячее каждый день было.

Ониса села напротив Сакара и, подперев щеку рукой, разглядывала его.

— Совсем взрослым парнем стал,— сказала она,— за зиму вон как вытянулся, не узнать.

На другое утро Сакар собрался было в соседнюю деревню Шоръял, где была изба-читальня.

Но Тимош не отпустил его, сказал, досадливо скривив губы:

— Или еще не начитался? Мать вчера говорила, что ты взрослым парнем стал, а у тебя, как я погляжу, по-прежнему одни пустяки на уме. Весна на дворе, надо упряжь готовить, скоро в поле.

Пришлось Сакару остаться дома, смазывать дегтем гужи и чересседельники, готовить новые постромки.

В сумерки, когда на деревню стал опускаться вечер, Сакар пошел в березняк.

На ветках берез уже появились первые нежно-зеленые листочки.

«Значит, сок в стволах уже забродил»,— подумал Сакар. Ему вспомнилось, как пять лет назад они с Пагулом пили тут березовый сок. Много воды с тех пор утекло, многое и в жизни, и в них самих изменилось. Тогда Пагул разговаривал с ним немного свысока, как с несмышленышем, ведь он, Пагул, учился в школе, а Сакар только еще мечтал о ней. Теперь все по-другому. Правда, Пагул уже

вступил в комсомол, зато Сакар стал селькором, и Пагул относится к нему как к равному, как будто друг не младше его на целых два года.

Весенний ветерок тихо трепал волосы, гладил щеки. Сакару не хотелось идти домой. В такой теплый ласковый вечер тянет погулять. Но что-то не слышно было песен молодежи, ниоткуда не доносилось ни гармошки, ни волынки, и Сакар, побродив немного между берез, отправился спать.

Утром Тимош стал собираться в поле посмотреть, как подсыхает земля.

— А я схожу в Шоръял,— решительно и смело заявил Сакар.

Тимош хмуро кивнул:

— Иди, раз уж тебе так хочется. Только долго не шатайся, придешь — будем телегу чинить.

Дорога, ведущая в Шоръял, местами уже подсохла. Озимые поля по бокам дороги — как зеленые лоскуты разных оттенков: у кого земля лучше, на том поле и всходы гуще, а есть такие полоски, где озимь взошла вовсе реденькая, с проплешинами.

Высоко в небе, перекрывая другие птичьи голоса, заливался звонкой песней жаворонок.

Радостное время года — весна. Земля глубоко и свободно дышит после зимней спячки, над ней поднимаются легкие испарения, в лучах солнца будто переливается над озимью прозрачный шелк.

Дорога петляет сначала вдоль реки, потом мимо лесочка и снова выбегает на поля.

Изба-читальня размещалась в простой крестьянской избе, хозяева которой умерли в голодный год. Вечерами тут всегда бывает людно, одна изба-читальня приходится на несколько окрестных деревень. Здесь проводятся собрания партячейки, комсомольские собрания, люди приходят за много километров, чтобы взять книгу, почитать газету.

Сакар пришел с раннего утра, наверное, поэтому в избе-читальне не было никого, кроме избача.

Избачом в Шоръяле с самого открытия избы-читальни работает молодая женщина-марийка Нина Петровна, она же — секретарь комсомольской ячейки.

Нина Петровна приветливо встретила парня:

— Сакар пришел! Здравствуй, здравствуй! Что-то тебя давно не было видно. Где пропадал?

Нина Петровна одета по-марийски. На ней белое, вышитое красным и черным узором платье, только на ногах у нее вместо обычных для крестьянских женщин лаптей с черными онучами легкие парусиновые туфли.

— Я всего второй день как из Кугенера,— отозвался Сакар, беря со стола свежую газету.— Учился там на столярных курсах.

— Закончил?

— Да.

— Что дальше думаешь делать?

Сакар пожал плечами:

— Не знаю. Учиться хочу.

— Погоди-ка! — вспомнила Нина Петровна.— Тут в газете было напечатано про вашу шойдурскую ворожею и подписано «Кожеран». Я слышала, что Кожеран — это ты. Правда или нет?

— Правда.

Нина Петровна рассмеялась:

— В деревне секретов не бывает,— сказала она и, посерьезнев, добавила: — Ты поосторожнее, Сакáр, быть селькором — дело опасное.

— Это Осып Шабдар мое письмо в газету отправил,— Сакар не удержался, чтобы не похвастаться своим знакомством с известным писателем.

Нина Петровна с большим интересом принялась расспрашивать о Шабдаре, о жизни Сакара в Кугенере, об учебе, о прочитанных им книгах.

— Ты, как я погляжу, парень начитанный, грамотный,

неплохо разбираешься в обстановке,— сказала Нина Петровна.— Пора тебе подумать о комсомоле.

Сакар ответил смущенно:

— Я и так уж думаю, да не знаю, подхожу ли я для комсомола...

— Кому же как не селькору и активисту быть комсомольцем! — ободряюще улыбнулась Нина Петровна.— Возьми вот Устав РКСМ, внимательно прочти и запомни. Если что будет непонятно, спросишь у меня или у вашего шойдурского коммуниста Кости Рожкина. И еще вот что,— продолжала она,— карт Карпиш собирается провести моленье в священной роще. Надо отговорить мужиков от моленья.

— Как раз вчера вечером я слышал, Тимош говорил жене, что, мол, пора готовиться к моленью. Он хочет отдать в жертву барана.

— Тимошу-то что! — вздохнула Нина Петровна.— У него скота много, один баран для него ничего не значит. Зато бедняк приносит в жертву иной раз последнюю овцу или гуся. Никакого толку бедным людям от этих жертв и молений нет, одно разорение. Постарайся растолковать это односельчанам.

Нина Петровна достала с полки книгу, спросила:

— Ты читал рассказ Шкетана «Божий грех»?

— Читал.

— Понравилось?

— Хороший рассказ.

— Вот, возьми,— она протянула книгу Сакару,— почитай рассказ мужикам в своей деревне. Еще я дам тебе брошюру на ту же тему — о вреде языческих пережитков среди марийцев.

Взяв обе книги, Сакар зашагал обратно в Шойдур.

Возле избы деда Кория на завалинке сидело несколько стариков и женщин. Сидели, о чем-то неспешно переговаривались.

Сакар подошел, поздоровался.

Заметив у него под мышкой книги, дед Корий сказал с улыбкой:

— Ты, Сакар, видать, теперь без книжки и на улицу не выходишь?

Сакар присел на завалинку рядом с дедом Корием, положил книги на колени.

— Это книги из Шоръяльской избы-читальни, взял вот домой почитать.

— Почитал бы нам что-нибудь,— попросил дед Корий, с уважением глядя на книги.

— Это можно! — с готовностью отозвался Сакар и раскрыл брошюру.— Слушайте!

Все придвинулись к нему поближе, и Сакар медленно и четко, чтобы до каждого из его слушателей дошло, принялся читать:

— «Марийский народ веками жил в темноте и невежестве. Вся надежда у него была лишь на бога. От бога ждал он для себя счастья, здоровья, изобилия. Многие марийцы ходили, да и сейчас еще ходят в церковь и на мольбище. Бедняки приносят богу в жертву скотину и птицу, отчего становятся лишь еще беднее».

— Верно написано в твоей книжке, сынок! — воскликнул дед Корий.— Я вот всю жизнь хожу на мольбище в священную рощу, да только богу, как видно, не угодны мои жертвы, не слышит он моих молитв.

— Так ведь нет никакого бога,— сказал Сакар.— Его русские попы и марийские карты выдумали для того, чтобы дурачить темный народ.

— Эй, парень, не ругал бы ты бога возле нашего двора! — прикрикнула на Сакара пожилая женщина с красными, изъеденными трахомой глазами, которые она то и дело вытирала концами грязного платка.— Лучше уходи отсюда со своей чертовой книгой! Не то бог услышит твои слова и вконец на нас рассердится, что мы такие слова слушаем. А нам и так живется не сладко. Уходи от греха!

— Зря ты, тетя Мария, книгу мою кляпешь,— возразил Сакар.— Она правду говорит. Ты и в церкви, и на мольбище молишься богу, а глаза у тебе видят все хуже и хуже. Разве не так? Не молиться тебе, тетя Мария, надо, а лечиться, да не у ворожеи, а у доктора.

В разговор вступил смуглый сухощавый мужик:

— Я тоже чуть не ослеп. Заболел трахомой, пошел лечиться к Орине. Она мне присоветовала ходить в Кугенер и промывать глаза тамошней святой водой. Сколько я ни ходил в кугенерскую часовню, сколько ни промывал глаза, ничуть мне не легчало, даже хуже сделалось. В конце концов пошел в больницу, там меня вылечили.

Сакар раскрыл вторую книжку и сказал:

— Послушайте рассказ нашего марийского писателя Шкетана про нашу жизнь да про то, что божьи люди — карты — делают. Рассказ называется «Божий грех».

— Читай, Сакар, читай. Послушаем.

Сакар прочел рассказ от начала до конца, никто слова не проронил. Когда кончил, тогда заговорили все разом, перебивая друг друга:

— Интересная история!

— Видно, что правду человек рассказал.

— Все, как есть в жизни...

Когда Сакар собрался уходить, дед Корий сказал:

— Сынок, может, когда еще придешь с такой же интересной книжкой, почитаешь нам?

— Ладно,— пообещал Сакар.

Отойдя от стариков, Сакар встретил Пагула.

— Ты откуда с книгами? — спросил Пагул.

— Из Шоръяла. Нина Петровна дала. Смотри! — Сакар показал другу Устав РКСМ.

— Решил вступать? Правильно, пора! — Пагул похлопал Сакара по плечу.— Скоро в Шойдуре можно будет организовать свою ячейку.

Дома Сакара встретили бранью.

— Где ты весь день шатаешься? — накинулась на него Ониса.— Кто за тебя работать будет?

— Гляди, сколько книг притащил, вот возьму их, да в печку,— пригрозил Тимош.

Сакар промолчал, положил книги на полати, у своего изголовья.

Тимош поворчал еще немного, потом приказал:

— Пошли в сарай, надо телегу починить.

Сакар отрезал себе ломоть хлеба и, жуя на ходу, пошел в сарай.

Видя, как сноровисто работает Сакар, Тимош перестал хмуриться, принялся напевать что-то себе под нос и под конец даже не удержался от похвалы:

— Да-а, ничего не скажешь, научили тебя на твоих курсах топор в руках держать. Ловко ты с ним управляешься. Любо-дорого поглядеть.

Телега была готова, когда в сарай заглянул Элексей. Он поманил Тимоша и что-то зашептал ему на ухо, показывая глазами на Сакара.

Пошептавшись, братья ушли в избу.

Сакару не хотелось идти за ними. Он нашел себе работу. В углу сарая валялся старый скворечник. Сакар починил его и повесил на черемуху возле сарая. В другом скворечнике, который висел на шесте, прибитом к воротам, уже жили скворцы. Сакар любил скворцов и надеялся, что старый скворечник не будет пустовать.

Когда Сакар вошел в избу, Элексея уже не было. Тимош сидел за столом и, не отрывая взгляда от миски, хлебал суп. Он был мрачнее тучи.

Ониса налила супу Сакару. Он быстро управился с едой и сел к окну с книгой.

Тимош несколько раз бросал на парня косой взгляд, наконец не выдержал:

— Опять с книжкой? — рявкнул он.— Делом займись, дармоед! Чем книжку листать, лучше бы лапти сплел,

вон лыко надрано. Сев начнется, не до лаптей будет. Босиком тогда что ли будем ходить?

Но Сакар уже был не тем вечно испуганным мальчонкой, каким он жил все эти годы в доме Тимоша. Он не бросился тут же исполнять приказание, а спокойно поглядел на Тимоша и сказал:

— Немного почитаю, потом за лапти возьмусь. Весь вечер впереди.

Тимош поднялся из-за стола, прошелся по избе, остановился перед ходиками, резко дернул за цепочку, поднимая гири, и проговорил, не глядя на Сакара:

— Послушай, с чего это ты взялся писать в газету всякую ерунду?

Сакар поднял голову от книги:

— Какую ерунду?

— Говорят, ты написал про Орину, что она своей ворожбой обманывает людей.

Сакар молчал.

— Что молчишь-то? Отвечай: писал или нет?

— Писал. Ну и что?

— Ведь она нам родня! Ее позоришь, и нас с ней заодно. Какой черт толкал тебя писать в газету? Писарь нашелся! Эх, не надо было пускать тебя в школу. Выучил на свою голову. Чтоб больше этого не было. Слышишь? Только попробуй еще раз написать в газету — руки оторву!

Тимош еще долго бушевал и ругался, но Сакар с удивлением и радостью почувствовал, что совсем его не боится.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Семик — самый веселый деревенский праздник, весенние полевые работы закончены, летняя страда еще не началась, можно отдохнуть и повеселиться.

Деревня загодя готовится к празднику, в редком доме не гонят самогон. Кто пристроился с самогонным аппа-

ратом в бане, кто в летней кухне-кудо. Кажется, что вся деревня пропахла крепким спиртовым духом.

Иной бедняк из последнего пуда муки гонит этот проклятый самогон и, даже не дождавшись праздника, напивается до бесчувствия, гонит из дому голодных детей и жену, буянит и дерется.

Как-то под вечер с нижнего конца деревни раздался истошный крик:

— Пожар! Горим!

Горела баня. Хозяин, упившись, спокойно спал неподалеку на травке, в то время как из предбанника валили густые клубы дыма.

Соседи кое-как потушили огонь, хорошо, кто-то вовремя заметил дым и поднял тревогу, не то могла бы случиться еще бо́льшая беда.

«Верно говорят, что пьянство не доведет до добра»,— подумал Сакар и послал в газету письмо, что пора, мол, кончать с таким безобразием.

Накапуне праздника в деревню приехал из кантона милиционер Гришин.

Сакар как раз шел по улице, Гришин увидел его и подозвал:

— Тебя-то мне и надо, Ликапов. В газете получили твое письмо, сообщили в милицию, я приехал навести у вас порядок. Сходи-ка, Сакар, за Кости Рожкиным да Пагула позови, он ведь комсомолец, пойдем вместе по дворам злостных самогонщиков. Вы будете понятыми.

Обход начали с дома Йогора, Пагулова соседа. Хозяин, по всему видать, был с похмелья, лицо опухшее, волосы всклокочены, рубаха на груди порвана. Увидев в своей избе милиционера и понятых, Йогор растерялся, мутные глаза испуганно забегали, язык словно отнялся.

— Ну, хозяин, принимай гостей, выставляй угощение,— усмехнулся Гришин.

Йогор взглянул затравленно, но попытался улыбнуться и развел руками:

— Рад бы угостить, да нечем.

— Как же так? — спросил Кости Рожкин.— Только вчера ты похвалялся на улице, что у тебя наготовлено сивухи — на всю деревню хватит. Ведь говорил?

— Не помню,— буркнул Йогор и отвернулся.

Гришин нахмурился:

— Будем искать.

Йогор пожал плечами с притворным равнодушием:

— Ищите. Найдете — ваше счастье.

Самогон после долгих поисков все-таки нашли, бочонок был спрятан в сарае за поленницей дров.

Гришин вынес бочонок во двор, выдернул пробку и стал лить самогон на землю.

Йогор метнулся к нему с ковшом в руке, закричал не своим голосом:

— Постой! Плесни в ковш маленько, чего ж добру зря пропадать? Пожалей ты меня, ради бога, хоть полковшика опохмелиться оставь!

Но милиционер не поддался ни на какие уговоры. Он вылил на землю весь бочонок до капли и объявил:

— Теперь пойдем в избу, составим акт.

Когда уходили со двора, Йогор в бессильной злобе погрозил вслед понятым кулаком, но сказать что-нибудь при милиционере поостерегся.

До вечера обошли несколько дворов. Везде, где находили, самогон безжалостно выливали на землю, на самогонщиков составляли акт.

Идти понятым в дом Тимоша Сакар отказался наотрез, сказав:

— Он мне тогда жизни не даст.

— Не бойся, я тебя в обиду не дам, пойдем,— принялся было уговаривать его Гришин, но, подумав, согласился: — Впрочем, лучше мы и вправду пойдем к нему без тебя. Я слышал, что тебе и так живется у Тимоша не больно сладко. Надо будет с ним поговорить.

— Не надо! — попросил Сакар.— Он тогда еще больше на меня разозлится.

В этот вечер Сакар нарочно долго просидел у Пагула, надеялся, что дома тем временем улягутся спать. Но когда он чуть не в полночь вернулся домой, оказалось, что Тимош не спит, даже не ложился. Похоже, он нарочно поджидал Сакара.

— А-а, явился, антихрист проклятый, продажная шкура! — встретил он парня руганью.— Я тебе покажу, как с милиционерами якшаться!

Он замахнулся, норовя ударить Сакара в лицо, но тот увернулся от удара, выскочил в сени, оттуда — в сарай. Забравшись на сеновал, он зарылся в душистое сено и вскоре крепко заснул.

Наутро к Тимошу пришел Элексей, злой и опухший с похмелья.

— Ну, брат,— сказал он,— выкормил ты гаденыша на свою да и на нашу шею.

— Ох, не говори, брат,— сокрушенно вздохнул Тимош.— Прямо не знаю, что с ним делать. Ведь мне через него, проклятого, стыдно на деревне показаться. Теперь мне соседи, тот же Йогор, станут глаза колоть, мол, твой парень у нас в избе понятым был. Тьфу, что ни говори, а такого сраму в нашей семье еще никогда не бывало.

Элексей подлил масла в огонь:

— Погоди, дальше-то еще хуже будет, по всему видать. Вот напасть так напасть! Он теперь вовсе советским активистом заделался. Гляди, еще в комсомол запишется, с него станет. Главное, наловчился, сукин сын, в газету писать, оттого и силу за собой чувствует. Выходит, это он тогда про меня написал, а мы все гадали, что за Кожеран за такой. А это — сынок твой приемный! На меня, на твоего родного брата, руку поднял! Вот тварь неблагодарная!

— Прямо не знаю, что и делать,— повторил Тимош.— То ли избить его покрепче, чтоб одумался, то ли уговорить как-нибудь, чтобы бросил он свои затеи. Чего ему, спрашивается, не хватает? Сыт, одет-обут...

Элексей скрипнул зубами от злости:

— Убить его мало!

Тимош отошел к печке, возле которой стоял на полу и пускал к потолку кудрявые клубы пара поспевший самовар. Он переставил самовар на стол, сказал угрюмо:

— Верные твои слова, брат: убить его мало! Своей бы рукой убил, и рука бы не дрогнула...

ПРАЗДНИК

Наступил праздник. С самого утра по деревне поплыли густые запахи блинов, топленого масла, жареного мяса. В праздник даже бедняк последний грош на ребро ставит, недаром марийская пословица говорит: «В праздник и нищий становится богачом».

У Тимоша полна изба гостей. Все одеты по-праздничному. Мужчины в новых лаптях, в белых вышитых рубашках, и штаны на них не домотканые, а из фабричной материи. Про женщин и говорить не приходится, они похожи на цветы в своих нарядных одеждах. Платья красиво вышиты, по подолу блестящие разноцветные ленты в несколько рядов, на груди и на поясе серебряные монеты. Идет женщина, все на ней позванивает, все блестит-переливается — любо-дорого посмотреть.

Сидят Тимошевы гости за столом, а стол ломится от угощения. Чего-чего тут только нет! Гора слоеных блинов, лепешки, ватрушки, мясо вареное, мясо жареное, творог, сметана, в бутылях и бочонках брага и самогон. Хотя накануне милиционер отобрал у Тимоша несколько четвертей самогона, все-таки еще кое-что оказалось припрятанным так надежно, что Гришин не сумел найти.

Тимош радушно угощает гостей, громким голосом запевает песню:

Ой, вы, гости дорогие,
Пейте, ешьте, веселитесь!

Гости дружно подхватывают песню.

Хотя все окна в избе распахнуты настежь, в избе жарко, душно.

Сакар, поев, вышел из-за стола, сел на лавку поближе к открытой двери.

— Сынок,— крикнул Тимош.— Ты чего там у двери пристроился? Иди сюда! Пусть мои гости видят, какого ладного парня я вырастил. Садись за стол, поешь как следует да выпей с нами.

— Я уже поел, а пить не стану, ты же знаешь, я не пью,— ответил Сакар.

Тимош потянулся к четверти, плеснул из нее в мутный граненый стакан и со стаканом в руке, слегка покачиваясь, подошел к двери.

— На, выпей немного,— он протянул стакан Сакару.— Ты уже не маленький. Пей!

Гости с любопытством наблюдали эту сцену.

Сакара смутило общее внимание, но он решительно отвел рукой протянутый стакан.

Глаза Тимоша недобро сверкнули:

— Не ломайся, коли тебя отец угощает! Пей! Пей, кому говорят!

— Не буду!

Сакар вскочил с лавки и выбежал за дверь.

Тимош, криво улыбаясь, вернулся к столу.

— Видали, каков у меня сынок? Ох, упрямая башка. Пока был маленьким, слушался, а вырос — совсем от рук отбился. Ну да ничего, я за него возьмусь, он у меня будет знать, как своевольничать.

Очутившись за воротами, Сакар постоял немного, а потом решил сходить на верхний конец деревни, где гуляла молодежь. Вскоре среди других девичьих голосов парень различил голос Орик, и сердце его застучало.

Он нагнал небольшую толпу, которая с веселыми песнями шла серединой улицы. Впереди важно выступал дед Макар со своей волынкой в руках. Вот он заиграл удалую плясовую, и ноги людей, кажется, сами пустились в пляс.

Из ворот одного дома вышла молодая, нарядно одетая женщина, крикнув звонко:

— Ой, соседи дорогие, заходите к нам в гости! Милости просим!

И вся толпа, продолжая петь и приплясывать, свернула к ней во двор.

Так уж издавна ведется у марийцев: во время праздника зазывать к себе как можно больше гостей. Гости повеселятся в одном доме, поедят и выпьют, после чего идут на улицу, а там уж снова зазывают их в другой гостеприимный дом, опять их угощают и просят петь и плясать, сколько душе угодно. И так продолжается три — четыре дня, все время, покуда длится праздник.

Но не одним только весельем отмечены деревенские праздники.

Вот из распахнутых окон избы слышится отчаянный вопль, и на улицу выбегает пожилая костлявая женщина. Платье на ней порвано, волосы растрепались. Следом за ней выскакивает на крыльцо пьяный муж.

— Убью, стерва! — кричит он, размахивая кулаком.— Убью! Ты зачем от меня самогонку спрятала?

Пьяного хватают несколько рук и держат, покуда он не утихомирится.

А тут где-то по соседству слышится крик и грубая ругань, как видно, назревает драка, пьяные мужики что-то не поделили между собой. Соседи бегут их разнимать.

В хлевах мычит голодная скотина. Пастух сегодня тоже напился и не погнал стадо на пастбище. Так всегда бывает в праздник: хозяин — сыт, скот — голоден.

На лужайке, на верхнем конце деревни, веселится молодежь. Среди девушек, похожих в своих белых платьях на белых лебедей, Сакар сразу увидел Орик.

Он подошел к парням, заговорил с Пагулом, а сам то и дело украдкой поглядывал на Орик.

Сакару самому казалось удивительным, что еще год назад он постоянно искал случая увидеться с Орик, поговорить с ней, он даже к роднику за водой ходил по нескольку раз на дню, потому что надеялся встретиться там

с Орик. А теперь все почему-то изменилось: ему хочется увидеть девушку, да боязно чего-то, поговорил бы с ней, да слова нейдут...

САКАРА ПРИНИМАЮТ В КОМСОМОЛ

В этот вечер комсомольцы четырех окрестных деревень собрались в Шоръяльской избе-читальне на комсомольское собрание. Пришел и коммунист Кости Рожкин.

Нина Петровна, секретарь ячейки, открывая собрание, сказала:

— Первый вопрос сегодняшнего собрания — прием в комсомол Сакара Ликанова. Мы знаем Сакара как активиста. Он парень грамотный, деятельный, к тому же селькор. Недавно он помог милиции разоблачить злостных самогонщиков в своей деревне и тем самым проявил сознательность. Я думаю, что он достоин быть принятым в ряды комсомола. Кто хочет высказаться по данному вопросу?

Поднялся Сергей Климушкин, комсомолец из деревни Родники.

— Мне что-то не понятно. Тут говорят, что Ликанов — активист, селькор, а я слышал, что его отец — первый богач в Шойдуре, то есть чуждый элемент. Как же так? По-моему, прежде, чем принимать богатого сынка в комсомол, нужно хорошенько разобраться, место ли ему в комсомоле.

На Сакара будто горячим варом плеснули.

Но тут со своего места вскочил Пагул, обращаясь к Сергею, он сказал:

— Слышал звон, да не знаешь, где он! Тимош Пирков не отец Сакару, а опекун. Сакар у него, считай, в батраках с малых лет живет, с тех самых пор, как умер его родной отец Васлий Ликанов.

Сергей виновато заморгал:

— Я же не знал... Люди говорили... Если так, тогда другое дело.

Сакар благодарно взглянул на Пагула. А тот рассказал о Сакаре и свое выступление закончил словами:

— Я считаю, что Сакар Ликанов достоин быть комсомольцем!

За то, чтобы принять Сакара в комсомол, проголосовали единогласно.

Когда предоставили слово Сакару, он встал, и, волнуясь, сказал:

— Я всеми силами буду стараться оправдать имя комсомольца. Обещаю бороться со всеми, кто мешает нам идти вперед, обещаю отдать всю свою жизнь на благо народа.

После собрания Кости Рожкин горячо поздравил Сакара, пожал ему руку и сказал:

— Ну вот, теперь откроем в Шойдуре свою комсомольскую ячейку.

На следующий день дома за ужином Тимош долго кренился, наконец не выдержал, стукнул деревянной ложкой по столу так, что она чуть не треснула, и заговорил, сверля Сакара своими колючими глазками:

— Говорят, ты в комсомол записался? Так или нет, отвечай!

Сакар твердо выдержал взгляд Тимоша и ответил, гордо вскинув голову:

— Да, я вступил в комсомол!

Тимош грохнул по столу кулаком:

— А меня спросил?

Сакар сдвинул брови.

— Я уже не маленький, сам знаю, что делать! Быть комсомольцем — большая честь, и я...

Но Тимош не дал ему договорить.

— Че-есть! — передразнивая Сакара, протянул он.— Ишь ты! Что ж ты теперь, начальником каким-нибудь станешь или как? — ехидно спросил Тимош.

Сакар ответил как мог спокойно:

— Начальником не начальником, а на общественной работе должен теперь больше, чем раньше, стараться, мне товарищи оказали доверие.

— Старайся-старайся, может, голову сломишь,— проворчал Тимош.— Слыхал, небось, недавно в кантоне убили одного такого прыткого? Тоже, вроде тебя, все в газетку писал. Гляди, как бы и тебе не досталось, народ вас, активистов, не любит.

Сакар отодвинул пустую миску, вышел из-за стола, вытер руки о холщовую тряпку и ответил, пристально взглянув Тимошу в глаза:

— Народ-то любит. Вот богачи, враги советской власти, те, действительно, нас, активистов, не любят, это я твердо знаю.

Тимош в ответ промолчал и отвернулся.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Как-то раз Кости Рожкин, вернувшись из кантона, сказал Сакару:

— Сходи завтра с утра в Ернур. Секретарь канткомола тебя вызывает.

Красив летом Марийский край! Всюду зеленеют леса и поля, луга пестрят цветами. Серебряными лентами сверкают речки под лучами жаркого солнца. Птицы радуются солнцу, зелени, цветам и с утра до вечера поют-заливаются на разные голоса, словно своими песнями славят милые, родные места.

Сакар легко шагает по полевой дороге, весело глядит вокруг и негромко напевает песню, которую впервые услышал в семик. Эту песню пела Орик, теперь ее мотив часто звучит у него в ушах.

Сзади послышался скрип телеги. Сакар оглянулся, его нагоняла пустая подвода. Бородатый старик сидел на телеге, свесив ноги, понукал лошадь. Поравнявшись с парнем, он приостановился, спросил:

— Далеко ли, сынок?
— В Ернур.
— И я в Ернур. Садись, подвезу.
Сакар сел на телегу позади старика. Разговорились.
— Откуда идешь? — спросил старик.
— Из Шойдура.
— Та-ак... Чей же там будешь?
— Кргори Васлия.
— Знавал я Кргори Васлия в прежние годы. Хороший был мужик, душевный. Жалко, молодым помер. И мать у тебя, сказывали, померла?
Сакар грустно кивнул.
— Да-а, судьба тебя, парень, не помиловала. С кем же ты живешь? Небось, у сестры?
— У Тимоша Пиркова живу, — нехотя ответил ему Сакар.— Знаешь его?
— Как не знать Тимоша! Богач, вся округа знает.— Старик кашлянул, почесал за ухом и, изучающе посмотрев на Сакара, спросил: — Погоди-погоди, парень, не ты ли пишешь в газету? У нас в деревне мужики сказывали, мол, приемыш Тимоша против богатых пишет. Так это ты что ли?
— Я.
— Пиши, пиши, — одобрил старик.— Этих мироедов поприжать надо. Вот, говорят, будет такое время, когда не станет ни богатых, ни бедных, все будут равны. Как думаешь, правда это или нет?
— Правда. — Сакар вытянул из сена травинку и задумчиво покусывал ее. — Правда, дед. Для того революцию делали, чтобы все были равны.
— Хорошо бы! И то, правду сказать, нам, беднякам, в последнее время легче стало. Говорят, в некоторых деревнях бедняки вместе собрались и организовали коммунию. Вот бы поглядеть, что это за коммуния за такая, как там люди живут! А то еще говорят, в тех коммуниях землю пашут не лошади, а какие-то машины.

— Такая машина зовется трактором.

— Что ж, в самом деле, трактором пашут? — недоверчиво спросил старик.

— Пашут,— подтвердил Сакар.

— Без лошади?

— Без лошади.

— Как же так?

— Да вот так. Керосин его везет.

— Керосин? Тот, что в лампе горит?

— Тот самый.

— Чудно! — сказал старик, потом спросил, прищурившись:

— А ты откуда все это знаешь?

Сакар улыбнулся:

— Книги читаю, газеты. Там написано.

— Вот что значит грамота! — воскликнул старик, вздохнул и до самого Ернура не проронил больше ни слова, лишь задумчиво дергал вожжами.

В Ернуре Сакар быстро отыскал здание кантисполкома, где помещался и канткомол.

В небольшом кабинете его встретил секретарь канткомола Кириллов. Это был невысокий, светловолосый, еще совсем молодой человек с приветливым взглядом больших серых глаз. Сакара он встретил радушно, усадил против своего стола на стул и начал расспрашивать:

— Ну, как тебе живется?

— Живу... — неопределенно ответил Сакар и не мог удержаться от вздоха, потому что ему вспомнился очередной тягостный разговор с Тимошем, происшедший накануне. Тимош никак не мог примириться с тем, что его приемный сын стал комсомольцем. Он без конца упрекал Сакара в черной неблагодарности, грозил выгнать из дому. А вчера снова принялся кричать, что Сакар у него только даром хлеб ест. Он хотел было заставить Сакара заняться с ним на пару спекуляцией, но Сакар отказался наотрез. Вот Тимош и раскричался...

— Что-то ты невеселый,— Кириллов покачал головой.— Выкладывай, что у тебя случилось?

— Ничего не случилось,— ответил он и даже попытался улыбнуться.

Но улыбка, как видно, плохо ему удалась, потому что Кириллов вышел из-за стола, подошел к парню и, положив руку ему на плечо, спросил озабоченно:

— Чего ты от меня таишься? Я же чувствую, что-то у тебя неладно. Что такое, говори! Может быть, я смогу тебе помочь.

После короткого молчания Сакар заговорил, комкая в руке кепку:

— Невмоготу мне жить у моего опекуна Тимоша Пиркова. День-деньской на него работаю, а он только и знает, что куском попрекать. Прежде ругал за то, что я учился, теперь, что селькором стал и вступил в комсомол. Совсем от него житья не стало. У них с братом Элексеем один разговор: «Убить тебя мало!» Прямо не знаю, что делать.

Кириллов в волнении прошелся по кабинету, потом сказал, стиснув кулаки:

— Да-а, Пирков и другие такие Пирковы нам хорошо известны. Понятное дело, что тебе, Сакар, живется нелегко. Но ты уж потерпи немного. Ты слыхал про совпартшколу?

Сакар кивнул.

— Хочешь учиться?

У Сакара радостно блеснули глаза.

— Хочу! Очень хочу!

— Как только представится возможность, пошлем тебя на учебу.

— Вот бы!..

Кириллов, видя, как загорелся парень, улыбнулся довольной улыбкой.

— Пошлем, Сакар. Обязательно пошлем, обещаю тебе. А сегодня я тебя вызвал вот для чего: через несколько дней к нам в Ернур прибудет первый трактор. В честь

этого события устраиваем митинг. Так вот, нужно, чтобы ты выступил на митинге.

Сакар испугался:

— Я? Я не сумею.

— Сумеешь! Просто скажешь о своем впечатлении. Ведь трактор — это великая преобразующая сила, он перевернет всю жизнь деревни. Знаешь, как говорил об этом Ленин? Он говорил: если бы мы дали крестьянам сто тысяч тракторов, то они сказали бы :«Мы за коммунию!»

— Об этом я в газете читал,— сказал Сакар.

— Вот об этом и скажешь. Это тебе комсомольское поручение. Ну как, договорились?

— Договорились.

Выйдя от Кириллова, Сакар зашел в магазин, купил тетрадку, карандаш и зашагал обратно в Шойдур.

ЯД В ТОЛОКНЕ

В это самое время в Шойдуре в доме Тимоша оба брата — Тимош и Элексей — сидели за столом друг против друга и в который раз говорили о Сакаре.

— Вчера снова с ним ругался, — сказал Тимош.— Раньше бывало, я его ругаю, кричу на него, он только отмалчивался, теперь стал зубы показывать. Чего только не наслушался я от него вчера: и такой-то я, и сякой, и злой, и жадный. Только, говорит, деньги умеешь хорошо считать, только о них и думаешь. А все из-за чего вышло? Я ему говорю: поедем, мол, со мной по деревням яйца скупать и в Казани перепродавать, вдвоем-то оно сподручней, барышу больше будет. А он мне в ответ: я, говорит, не спекулянт и никуда с тобой не поеду. Да и тебе, говорит, не советую, потому что ваши с Элексеем темные делишки не доведут вас до добра. Так прямо и сказал!

Глаза Элексея элобно сверкнули.

— Вот сволочь! — выругался он. — Погоди, брат, до-

ждемся, что напишет он про наши с тобой махинации с казанскими товарами в газету, тогда нам обоим крышка! Говорил я тебе, убить его мало!

Тимош вспылил:

— Что толку от твоего говоренья? «Убить! Убить!» Как его убьешь?

Элексей воровато повел глазами по сторонам и ответил, понизив голос:

— Очень просто: отравить! У меня есть мышьяк. Подсыпать ему в кашу, и пускай лопает. Околеет, ни один лекарь не дознается, от чего...

Как ни тихо говорил Элексей, Ониса, гремевшая ухватом у печки, услышала его слова, запричитала:

— Ой, Элексей, что ты такое говоришь? Грех-то какой! Чего вы на парня взъелись? Что такое он вам сделал, что вы ему смерти желаете?

— Молчи! — цыкнул на нее Тимош.— Сын он тебе, что ли, чтобы так об нем убиваться? Он-то, небось, нас не пожалеет! Выкормили на свою голову, не знаешь, чего ждать, в своем доме собственной тени боишься.

Ониса попыталась возразить:

— Так ведь он...

Но Тимош снова ее оборвал:

— Кому сказано, молчи! Что ты смыслишь своим бабьим умом? Ничего ты не смыслишь, поэтому лучше помалкивай. Знай свои горшки да ухваты и в мужские дела не суйся. Не то — смотри у меня.

Ониса испуганно замолчала.

Элексей сходил домой и немного погодя вернулся с пакетом мышьяка.

Тимош, принимая от него пакетик, спросил, не поднимая глаз:

— Как с ним управляться-то?

— Замешай вон хоть в толокно,— увидев на лавке миску с толокном, посоветовал Элексей.— Ну, я пошел, у меня дела, — и он юркнул в дверь.

Когда Сакар вернулся домой, его удивило, что Тимош встретил его без обычной ругани.

— Садись поешь, небось, проголодался,— сказал Тимош и, строго взглянув на жену, приказал: — Тащи на стол миску с толоконной кашей, чего стоишь!

Ониса поставила перед Сакаром миску, отошла к печке и замерла там, не сводя с него глаз.

Сакар, проголодавшись с дороги, с аппетитом съел толокно, потом налил себе чаю из стоящего на столе самовара. Он не допил стакана, как Тимош кивнул Онисе и вышел из избы. Ониса поспешно засеменила за ним.

После чая Сакар вдруг почувствовал острую боль в животе. Сначала он крепился, думая, что пройдет, потом прилег на лавку, но когда резь в желудке сделалась нестерпимой, он вышел во двор и, согнувшись, держась руками за живот, пошел к Пагулу.

Тетка Анна кормила кур во дворе.

— Ой, Сакар, что это с тобой сделалось? — увидев парня, испуганно воскликнула она. — Захворал что ли? На тебе лица нет!

— Умираю! — простонал Сакар.— Живот схватило, сил моих нет.

— Что ел-то?

— Толокна только поел да чаю два стакана выпил, больше ничего. Ой, как ножом режет!

На лбу Сакара выступил холодный пот.

— Погоди, сынок, я тебя сейчас молоком отпою,— сказала тетка Анна.

Она быстро спустилась в погреб и достала большой горшок с молоком.

В это время из дому, увидев Сакара в окно, выбежал Пагул...

Поздно вечером пришла Ониса.

— Анна, не у вас ли наш Сакар? — спросила она. —

Как ушел после обеда, так до сих пор нету. Я его по всей деревне ищу, с ног сбилась. Куда он мог подеваться?

— У нас он, — ответила тетка Анна.— Вон на лавке лежит, чуть дышит. Думала, помрет.

Ониса всплеснула пухлыми руками:

— Да что ж такое с ним приключилось? С утра был здоровехонек, в кантон зачем-то ходил, вернулся веселый такой. Когда ж это он захворал? — Она подошла к Сакару, наклонилась над ним.— Что болит-то, сынок?

— Живот болит, — простонал парень.— Сейчас-то уже полегчало, а то думал — конец пришел. Спасибо тетке Анне, спасла меня.

— А меня отец за тобой послал. Поди, говорит, приведи сына, чего, мол, ему дома не сидится?.. Пошли, Сакар, домой, чего тебе тут, у чужих людей, лежать?

Сакар отрицательно покачал головой.

— Не дойду я. Ноги не держат, и все тело болит. Иди одна, я тут еще полежу. Они мне не чужие, — он благодарно взглянул на Анну и Пагула.

Когда Ониса вернулась домой, у Тимоша сидел Элексей.

— Ну? — разом спросили братья и впились в нее двумя парами маленьких черных глаз.

— У Пагула отлеживается. Чуть живой, но, кажется, оклемался, — с облегчением сказала Ониса.

Элексей вскочил и со злобой плюнул под ноги, а Тимош сокрушенно покачал головой, сказав:

— Ни черта его не берет!

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Центр кантона — старинное село Ернур. Село утопает в зелени, среди деревянных изб попадаются каменные дома в один и в два этажа. Это дома бывших торговцев.

Посреди села большая площадь. Сегодня она запружена народом, все ждут прибытия первого трактора.

Сакар пришел в Ернур спозаранок, одетый как на праздник. На нем холщовая, вышитая Марпой рубаха, на вороте с двух сторон нашиты две блестящие серебряные монеты. На ногах у него новые лапти, которые он сам сплел.

День теплый, солнечный. Все с нетерпением смотрят на дорогу, идущую в Краснококшайск — главный город Марийской области.

Издалека донесся глухой грохот, раздались крики:

— Едет! Едет!

Толпа побежала навстречу трактору. Железная махина все ближе, ближе, и вот уже ее грохот заглушает взволнованные людские голоса.

Тракторист, молодой загорелый парень в кожаной фуражке, сидит на своем сидении, крепкими руками держит руль и улыбается.

В толпе слышны возгласы:

— Трактор! Гляди, Онтон, трактор!

— О господи! Да как же это он сам-то едет?

— Сатана его толкает!

— Не сатана, а горючее! Эх, вы, темнота!

— Вот бы мне на тракториста выучиться!

— Я те выучусь! Машина-то эта от черта! Вот погодите, прогневится на нас бог, что землю портим, перестанет хлеб родиться.

— Ерунду говоришь, дед! Нам побольше бы таких тракторов, тогда все с хлебом будем.

Когда трактор остановился посреди площади, люди обступили его плотным кольцом. Каждый норовил потрогать машину рукой.

Начался митинг. Первым, поднявшись на трактор, выступил с речью председатель кантисполкома товарищ Кельманов.

— Приход в Ернур трактора — большое событие в жизни нашего кантона,— сказал он.— Этот трактор — первый, за ним придут и другие.

После него взял слово секретарь канткомола Кириллов.

Потом слово дали Сакару. Он поднялся на трактор, его и без того румяное лицо еще больше покраснело, глаза возбужденно блестели. Волнуясь, он начал говорить:

— Товарищи! Все вы знаете, как трудно бедняку пахать землю. А почему? Потому, что у бедняка или вовсе нет лошади, или его лошаденка такая тощая да слабосильная, что мужику то и дело приходится помогать ей, толкать соху изо всех сил. А сил у голодного мужика и так не много. И вот теперь в деревню пришел трактор. Это первый трактор, но скоро советская власть даст нам много железных коней, и наша жизнь неузнаваемо изменится. Товарищ Ленин видел в тракторе большую силу, будущее нашей деревни. Пройдет немного времени, и трактора запашут все то плохое, что еще осталось от старой жизни и поднимут новые пласты жизни, жизни светлой и радостной. Да здравствует трактор!

Сакару долго хлопали.

После митинга трактор, сопровождаемый толпой, двинулся за околицу, выехал в поле и принялся пахать землю.

Отовсюду слышались восхищенные голоса:

— Гляди-ка!

— Эка силища!

— Не то, что у моей Буланки...

— Верно этот парень из Шойдура говорил, всю жизнь надрывались на пахоте, а с таким-то железным конем и горя знать не будешь.

Сакар, как на крыльях, летел в родную деревню. По дороге он думал о том, что сегодня же напишет в газету про первый трактор.

Его радость померкла, как только он увидел Тимоша, услышал его суровый голос:

— Где опять шатался?

Сакару, все еще переполненному волнующими впечатлениями, не хотелось ссориться с опекуном, поэтому ответил миролюбиво:

— Был в Ернуре на митинге, туда трактор пригнали. Потом трактор поле пахал. Вот это сила, ты бы только поглядел! Этот трактор...

— Будет тебе о тракторе трещать! — оборвал его Тимош. — Работать самим надо, а не на трактор какой-то надеяться.

Сакар хотел было возразить, но лишь безнадежно махнул рукой и ничего не сказал.

— Собирайся скорей,— приказал Тимош. — В ночное поедешь.

В НОЧНОМ

Как и всякий деревенский мальчишка, Сакар с самого раннего детства полюбил ездить в ночное.

Он собирался недолго, сунул в карман кусок хлеба, прихватил старый азям, чтобы укрыться под утро, когда станет свежо, вот и готов. Вскочил на одну лошадь, другую взял на повод.

Открывая ворота, Тимош напутствовал парня:

— Смотри у меня, не проворонь лошадей! Говорят, в Чодраяле с ночного коня увели. Небось, цыгане... Так что гляди в оба!

— Ладно.

Кони паслись на широкой лесной поляне. У опушки кто-то уже разложил костер, и люди стали собираться вокруг него. Больше всего тут мальчишек, подростков и молодых парней, но есть и несколько стариков.

К одному из них, широкоскулому, белобородому деду Макару, подсел Пагул.

— Дед Макар, волынку-то прихватил или нет? — спросил он, кивнув на холщовый мешок старика.

— Взял, взял волынку, сынок, — улыбнулся старик.— Я без нее ни на шаг.

— Вот хорошо! — обрадовался Пагул.— Будет волынка — будет весело.

Светлый вечер сменила темная ночь, на небо высыпали яркие звезды.

Ребята просят деда Макара:

— Дедушка, сыграй!

Старик солидно откашливается, неспешно достает из торбы свою волынку.

— Чего вам не терпится? — притворно удивляется он.— Ночь-то еще впереди!

Но ему, видно, и самому не терпится, тут же надувает пузырь волынки и начинает играть.

Над поляной льется протяжная марийская мелодия, даже самые непоседливые мальчишки притихают, вслушиваясь в торжественный и грустный мотив.

Дед Макар отнимает волынку от губ, спрашивает, лукаво подмигнув:

— Сейчас свадебную сыграю. Будете плясать?

Все оживляются:

— Будем, будем! — отвечают сразу несколько голосов.— Играй, дедушка Макар, веселее.

Лихо, задорно играет волынка, молодые ноги сами просятся в пляс.

Первым в круг вышел Пагул и начал плясать, как настоящий дружка на свадьбе. За ним, не выдержав, пустился в пляс Сакар. Друзья долго плясали под подбадривающие хлопки в ладоши увлеченно наблюдавших за ними зрителей. Потом их сменили другие парни.

Наконец, волынщик устал и опустил волынку.

— Вот вы, молодые, не учитесь играть на волынке,— сказал дед Макар.— Старики перемрут, кто вам тогда играть станет? Надо самим учиться.

— Научи меня, дедушка, — просит Пагул.

Дед Макар принялся учить парня. В это время остальные, немного отойдя от костра, затеяли борьбу.

Сакару досталось померяться силой со старшим сыном Элексея — Ондреем.

Борьба вроде игры, но Ондрей набросился на Сакара с нешуточной злобой. С самого детства невзлюбил он приемыша своего богатого дяди.

Ондрей толстый, здоровый, но и Сакар не из слабых: не высок, зато широк в плечах, и руки у него рабочие, крепкие.

Оба парня охватили друг друга, пыжатся изо всех сил, каждому хочется повалить другого. Долго ни один, ни другой не мог взять верх. В конце концов Сакар изловчился, резко дернул на себя своего противника и бросил его на землю.

Ондрей скривился то ли от боли, то ли от обиды, но тут же вскочил на ноги и полез на Сакара с кулаками.

— Сейчас получишь! — закричал он.

Пагул кинулся Ондрею наперерез.

— Ты чего в драку лезешь? Сакар тебя честно поборол, а ты, если не умеешь бороться, не берись!

Все ребята приняли сторону Сакара.

Ондрей опустил кулаки и проворчал, бросив на Сакара косой взгляд:

— Ты меня еще попомнишь!

Все вернулись к костру.

— Не пора ли вам, ребятушки, спать? — спросил дед Макар.— Посмотрите лошадей да ложитесь, время позднее. А я посижу, покараулю.

Ребята дружно зашумели:

— Нет, спать еще не хочется!

Кто-то попросил:

— Дедушка Макар, расскажи сказку.

Старик покачал головой:

— Я бы рассказал, да у меня все сказки длинные, полночи будете слушать, завтра утром вас не добудишься.

— Добудишься! Расскажи! Расскажи! — просят ребята.

Дед Макар, довольный, улыбается в бороду.

— Расскажу я вам сказку про солдата-лекаря,— начал дед Макар и стал рассказывать.

Однажды занемогла царская дочь: тает, сохнет день ото дня, словечка вымолвить не может.

Призвал царь заморских лекарей. Наехали лекари со всех концов, навезли три воза лекарств. Но не помогли царевне ни заморские лекари, ни их лекарства.

Тогда старик водовоз, который возил на царскую кухню воду с реки, посоветовал царю:

— Надо солдат поспрошать, они люди бывалые, может, кто из них и возьмется, вылечит твою дочь.

Собрал царь на площади свое войско и спрашивает:

— Эй, солдаты, кто из вас возьмется и вылечит мою дочь? Кто вылечит, тому пожалую большую награду.

Один солдат выступил из рядов и говорит:

— Ваше царское величество, дозвольте, я попробую.

— А сумеешь ли? — спрашивает царь.

— Сумею или нет — не знаю, а попытаться надо, не пропадать же девке, — отвечает солдат.

Повели солдата во дворец. Глянул он на царевну и сразу понял, что болезнь у нее не простая, что тут без нечистой силы не обошлось.

— Чтобы вылечить твою дочь,— говорит солдат царю,— требуется мне десять рублей.

— И ста рублей не жаль, только вылечи,— отвечает царь, и приказал он выдать из казны десять рублей.

Взял солдат деньги, пошел на базар, купил карман орехов, потом зашел к самому лучшему в городе кузнецу.

— Смастери мне,— говорит солдат кузнецу,— железного человека с пружиной, чтобы он руками мог двигать. И еще отлей полсотни чугунных орехов.

Выковал ему кузнец железного человека, отлил полсотни чугунных орехов. Насыпал солдат в один карман простых орехов, в другой — чугунных, погрузил железного человека на телегу и привез в царский дворец.

Железного человека он поставил в комнате, через которую был ход к больной царевне, а сам завалился на кровать, лежит и орехи щелкает.

Наступила ночь. Вдруг слышит солдат: кто-то стучится в дверь.

Солдат спрашивает.

— Кто там?

Голос из-за двери отвечает:

— Гости пришли.

— Гостям всегда рад,— сказал солдат и открыл дверь.

Вошел в комнату черт, рогатый, с хвостом. Этот черт каждую ночь царевну пугал, от такого страху царевна занемогла.

— Ты, солдат, зачем сюда пришел? — спрашивает черт.

— А ты сам-то зачем пожаловал? — закричал солдат.— Что тебе здесь надо? Вот я тебе покажу!

Поплевал солдат на ладони, засучил рукава.

Оробел черт и говорит:

— Потише, потише, солдат.

— Не могу потише! — кричит солдат.— Когда я сердит, мне все нипочем, да я сейчас сам не знаю, что с тобой сделаю!

Совсем перепугался черт.

— Ну, успокойся, успокойся! — просит солдата.

— Не могу успокоиться,— отвечает солдат.— Давай в шашки сыграем, тогда, может быть, успокоюсь.

Договорились играть так: кто проиграет — тому щелчок в лоб.

Начали игру. Солдат играет, а сам достает из кармана по орешку и грызет.

— Дай, солдат, орехов погрызть,— просит черт.

— Погрызи,— говорит солдат, и отсыпал черту пригоршню чугунных орехов.

Положил черт чугунный орешек в рот, а разгрызть не может.

А солдат знай себе скорлупу выплевывает и над чертом посмеивается:

— Эх ты, вздумал со мной в шашки тягаться, а сам ореха разгрызть не можешь!

Играли, играли, наконец солдат выиграл.

— Ну, теперь держись, — говорит солдат черту.— Разобью тебе лоб! — Продолжил рассказ дед Макар, а ребята слушали с большим интересом. Старик говорил дальше:

— Запер солдат за ним дверь, лег и заснул.

Утром приходит царь:

— Как дела, солдат?

— Ничего, спасибо.

Прошел царь к дочери, та уж совсем от страха опомнилась и говорить начала.

Дал царь солдату двадцать пять рублей и говорит:

— За такую твою услугу я даю тебе отпуск от службы, гуляй, солдат, сколько хочешь..

— Тут и сказке конец,— сказал дед Макар.— Ну, а теперь спать, ребятушки. Глядите, край неба светлеет, скоро заря.

Ребята, как только положили головы, так сразу и уснули сладким сном.

Задремал, сидя у костра, и дед Макар.

Лишь одному Ондрею не спится, злость на Сакара не дает ему заснуть. Вот он поднял голову, прислушался.

Тихо все, только соловей поет в ольшанике и откуда-то из-за реки отвечает ему коростель.

Парень встал, крадучись, как кошка, подошел к костру, выхватил из тлеющих углей головешку и, подойдя к Сакару, спавшему под елкой, сунул головешку ему под бок.

После этого Ондрей так же неслышно прокрался на свое место под липу и стал ждать, когда на Сакаре загорится азям. Ждал-ждал, да незаметно для себя и заснул.

Немного погодя всех переполошил отчаянный крик:

— Ой! Ой! Горю! А-а!

Все повскакали на ноги. Смотрят, Сакар, как безумный, размахивая руками, скачет под елкой, а на спине у него дымится азям.

Первым опомнился от неожиданности и подбежал к Сакару Пагул.

— Не мечись ты! — прикрикнул он на друга.— Снимай-ка скорей!

Он стянул с Сакара тлеющий азям, кинул на траву и плеснул на него из ведра.

Ребята обступили Сакара.

— И как это ты загорелся?

— От костра-то далеко лежал, и ветра нет.

Ондрей тут же вертится:

— Искра, видать, упала,— сказал он.— А то с чего бы ему загореться?

Сакар пристально взглянул на Ондрея и догадался.

— Это ты поджег! — выкрикнул он.

— Не болтай, дурак! Не поджигал я!

Но глаза у него воровато забегали и выдали его с головой.

— Врешь, Ондрей,— сказал Пагул.— Ясное дело: ты поджег, хотел отомстить Сакару за то, что он повалил тебя.

— И грозился, — сказал кто-то из ребят.

Пагул сказал со смехом:

— Ребята, давайте, чтоб в другой раз ему неповадно было, сунем ему уголек в портки!

— Давайте! Давайте! — закричали ребята.

Ондрей завыл от страха и кинулся бежать.

Его проводили дружным смехом.

— Эк напугали парня! — укорил ребят дед Макар.— Он, может, просто пошутить хотел.

— Так ведь и мы просто шутим.

Кто-то принес охапку сухого хвороста, подбросил в затухающий костер, и он разгорелся с новой силой. Спать

уже никому не хотелось, все изрядно продрогли и теперь были рады погреться у огня.

Вскоре совсем рассвело, в лесу на разные голоса запели птицы.

Ребята погнали коней в деревню.

НА ПОЛИТЗАНЯТИЯХ

Сакар лежал на возу с сеном, опрокинувшись на спину, и задумчиво глядел в высокое чистое небо.

На душе у него было хорошо и спокойно, сенокос позади, этот воз сена последний, и Тимоша нет дома, он снова поехал в Казань, несколько дней никто не будет Сакара ругать.

А еще Сакар думал о том, что недавно на краю Шойдура в пустующем доме открыли школу и сегодня в этой новой школе его будут ждать односельчане. Каждую неделю по поручению комсомольской ячейки он проводит с ними политзанятия.

С наступлением вечера Сакар, прихватив книгу, отправился на политзанятия.

По дороге он зашел к Кости Рожкину, чтобы почитать газету, ознакомиться с новостями. Тимош не разрешил Сакару выписать газету, поэтому читать он приходит к Кости или к новому, недавно приехавшему в деревню учителю.

Кости как раз сидел с газетой у окна. Увидев вошедшего парня, он сказал, нахмурившись, ткнув пальцем в заметку на первой полосе:

— Прочти-ка!

Сакар стал читать:

«Комсомолец Семенов был одним из активистов Ернурского кантона. Молодой избач и селькор не мирился с подлыми делами местных богатеев, смело разоблачал

их. Бандитская пуля из обреза оборвала жизнь нашего товарища...»

Сакар поднял глаза от газетного листка, спросил, растерянно глядя на Кости:

— Как же так? Ведь мы совсем недавно виделись с ним в Ернуре. Еще поговорили обо всем так хорошо, ведь он тоже селькор...

— Был селькором, за это его и убили,— стиснув зубы, проговорил Кости.— Ты, Сакар, не забывай, что на тебя тоже кое-кто в деревне зубы точит.

Сакар кивнул:

— Знаю: Тимош с братцем. Элексей еще больше на меня озлобился с тех пор, как узнал, что недавно я снова написал про него в газету. Ведь он, оказывается, незаконно назначен сельуполномоченным от нашей деревни, его выборы богачи подстроили, потому что им нужно было своего человека протащить.

— Об этом многие в деревне говорят,— подтвердил Кости. — Но как же Элексей узнал, что ты написал про него? Я что-то такой заметки в нашей газете не читал. Видно, тут что-то не так.

— Ее еще не напечатали. А узнал как? Они с Тимошем, когда меня дома не было, вытащили мои тетрадки, а у меня там был черновик этого письма в редакцию.

— Ох, гляди, Сакар, как бы тебе не поплатиться за свою смелость, с такими, как Элексей, шутки плохи. И потом, все знают, что ты и есть Кожеран. Ты бы хоть каким-нибудь другим именем подписывался, польза та же, а тебе все-таки безопаснее. И черновики свои прячь подальше...

Помолчали. Потом Сакар сказал:

— Ну, мне пора идти на политзанятия.

— Погоди, я тоже пойду, послушаю, о чем там у вас разговор сегодня пойдет.

— Пошли.

В последнее время на политзанятия стало приходить

много народу. Сначала собирались только мужики, теперь среди слушателей Сакара есть девушки и даже несколько замужних женщин.

Правда, хотя они сидят и внимательно слушают, но сами обычно отмалчиваются.

Сегодня речь зашла о том, что в Шойдуре всего три комсомольца: Пагул, Эчан и Сакар.

— Надо вовлекать в комсомол больше молодежи, надо вовлекать девушек,— говорит молодой красный командир Павел. Он приехал на побывку к родителям и сегодня пришел на политзанятия посмотреть и послушать, как налаживается новая жизнь в его родной деревне.

Девушки не сводят восхищенных глаз с его ладной фигуры в паутюженном командирском обмундировании. Павел повернулся к ним, спросил:

— Вот вы, девушки, почему не вступаете в комсомол?

Девушки засмущались, стали улыбаться и переглядываться, но ни одна не раскрыла рта, чтобы ответить.

За них ответил Пагул:

— Они своих дедов да бабок боятся. Те их пугают: комсомольцы, мол, антихристы, они идут против бога. Хорошо хоть, что стали на политзанятия приходить. Тайком, небось...

В разговор вдруг вступает Лыстамбий, жена Йогора.

— Ясное дело, тайком. Мой Йогор грозится, будешь на эти сборища ходить, убью, говорит. Я уж сказала ему, что иду, мол, тетку проведать, а сама — сюда. Сакар интересные книжки читает, охота послушать.

— Я твоего Йогора сегодня после полудня встретил,— сказал Кости.— Идет по деревне, шатается. Спрашиваю, откуда, мол, такой веселый? Он говорит: Элексей угостил. Йогор — бедняк, с какой стати Элексею его угощать? Понятно, для того, чтобы переманить на свою сторону. Ведь на сходке, когда выбирали сельуполномоченного, богачи подстроили так, что народ выбрал Элексея.

— А ты, Кости, куда смотрел? — спросил Павел.

— Меня в ту пору как раз не было, я в больнице лежал, вот Элексей и обвел людей вокруг пальца, это он умеет, его учить не надо.

В это время со звоном разбилось оконное стекло, и на стол, едва не опрокинув керосиновую лампу, упал увесистый камень.

Все вскочили.

Павел, Сакар и Пагул выбежали на улицу. Но того, кто кинул камень, и след простыл.

СХОДКА

Летний вечер. Тихо в деревне. Сенокос кончился, страда еще не началась. Рожь на полях только еще вызревает, вот поспеют хлеба, тогда люди будут работать от зари до зари, а сейчас можно отдохнуть.

По Шойдуру бегают мальчишки, стучат в оконные переплеты:

— Эй, хозяин! На сходку!

Народ собирается возле караульного сарая. Сидят на длинных лавках, на траве. Перед лавками — стол, за столом с важным видом сидит Элексей, всем своим видом показывая, что он, сельуполномоченный, всей деревне голова.

Вначале речь зашла о том, что сейчас, в разгар лета, нужно быть осторожнее с огнем. Третьего дня в Нуръяле сгорело три дома.

— Будем по очереди караулить деревню,— говорит Элексей.— И пусть каждый хозяин держит возле своего дома бочку с водой и противопожарный инвентарь.

Когда с этим вопросом было покончено, Элексей сказал, бросив недобрый взгляд на Сакара:

— Соседи, мы должны положить конец безобразиям, которые творит наш односельчанин. Это из-за него многих из вас оштрафовали за самогонку, это он мутит воду, ут-

верждая, что меня неправильно назначили сельуполномоченным, это он хочет помешать моленью в священной роще.

«Так и есть! — подумал Сакар.— Они с Тимошем добрались до моих тетрадок. Тимош-то не шибко грамотный, а вот Элексей, как видно, прочел все до строчки».

Сходка возмущенно зашумела:

— Это кто ж такой?

— Кто против всех идет?

Элексей выждал, когда возмущение достигло предела, и ткнул пальцем в Сакара:

— Вот кто! Это он пишет про своих соседей в газету, продает их ни за грош!

Все головы повернулись к парню.

Вперед выступил седобородый карт Карпиш. Он в удивлении развел руками и, обращаясь к Сакару, заговорил тихим увещевающим голосом:

— Как же ты, сынок, мог пойти против всех? Для того ли научили тебя грамоте, чтобы ты вредил своим соседям? Для того ли взял тебя маленьким в свой дом наш почтенный Тимош? Так-то ты отблагодарил его? Какой тебе прок от твоих писаний? Вот написал ты против моленья в священной роще. Что, если власти теперь возьмут и запретят нам молиться в священной роще? Сам подумай, каково это будет! Ведь бог разгневается на всех нас. Из-за тебя одного будет страдать вся деревня. Одумайся! Эх, жаль, нет в живых твоего родного отца, он бы выдрал тебя как следует, тогда бы ты знал, как на своих односельчан кляузы писать!

— Да что там выдрал! — сжал кулаки Элексей.— За такие дела надо вешать вниз головой, и весь разговор.

Карпиш продолжал вкрадчиво:

— Истинно говорю тебе, сынок: одумайся! Ведь если ты и дальше будешь идти один против всех, народ выгонит тебя из деревни.

— Зачем же гнать сироту? — крикнул кто-то из толпы.

Карпиш пригладил волосы, ответил степенно:

— Зачем, спрашиваешь? Вот погоди, прогневается бог и нашлет на всех нас какую-нибудь страшную кару, тогда узнаешь, зачем...

Народ взволнованно зашумел.

Элексей поднял руку:

— Не галдите все разом. Говорите по одному. Я так прямо скажу: гнать его из деревни в три шеи, потому что ничего доброго мы от него все равно не дождемся. Мой брат,— он указал рукой на Тимоша,— мой брат пожалел сироту, взял к себе в дом, вырастил, выкормил, а он теперь на своих же кидается...

Карпиш покачал головой:

— Ты, Сакар, должен за Тимоша вечно бога молить, что он, по доброте своей, пожалел тебя. А ты? Неблагодарный ты, вот что я тебе скажу. Ты же, Тимош, тоже в ответе, зачем допустил, что твой приемыш против всей деревни пошел.

Тимош всплеснул руками:

— Да разве ж я знал, что он из оглобель выскочит? Думал доброе дело сделать, а вот поди ж ты, что получилось.— Он подошел к Сакару и дернул его за рукав.— Ты слушай, слушай, что тебе умные люди говорят! Они тебя плохому не научат.

Вперед вышел пожилой мужик, спросил, в недоумении пожав плечами:

— Что-то я в толк не возьму, что плохого в том, что парень пишет в газету? Пусть себе пишет, коли умеет. За что вы на него накинулись?

Элексей закричал на мужика:

— А-а, так ты его защищать вздумал? Хочешь, чтоб он и про тебя какую-нибудь пакость написал, да?

Мужик снова пожал плечами:

— Зачем он про меня писать станет? Я никому ничего плохого не сделал. А вот ты, Элексей...

Но Элексей не дал ему договорить:

— Выходит, и ты против народа идешь? Погоди, дай срок, доберемся и до тебя! — Он повернулся к Сакару:— Ну, отвечай народу, отвечай, чтоб все слышали, будешь ты еще писать в газету всякую ерунду?

Сакар шагнул вперед, встал рядом с заступившимся за него мужиком, ответил громко:

— Я никогда не писал ерунды, чего зря говорить! Я писал правду. Писал и буду писать!

Народ зашумел как растревоженный улей.

— Чего напустились на сироту? Тут разобраться надо, может, его писания нам на пользу.

— Если правду пишет, за что ж его ругать?

— Против Тимоша с Элексеем и против Карпиша идти, тут смелость нужна.

— Ясное дело, молодец парень!

Услыхав эти выкрики, Элексей поспешно сказал:

— Сход окончен, можете расходиться.

— То-то! Испугался! — торжествующе крикнул дед Корий.

Люди пошумели еще немного и стали расходиться. Пожилые пошли домой, молодежь — за околицу.

Пошел за околицу и Сакар.

Домой он вернулся поздно, уже начало светать.

Тимош спал на лежанке у печки, но когда скрипнула дверь, он поднял голову от подушки. Лицо у него было красное, глаза мутные и опухшие. Сакар понял, что Тимош сильно напился с вечера.

— Селькор пришел! — хрипло сказал Тимош и, встав с лежанки, близко подошел к парню. Дыша ему в лицо сивушным перегаром, он проговорил: — Сволочь! Перед всей деревней опозорил! Задушу, как котенка, будь ты проклят! — Он размахнулся и с силой ударил Сакара по скуле.

Сакар отлетел к двери.

Тимош кинулся следом, хотел ударить еще раз, но Сакар успел выскочить в сени и захлопнуть дверь перед его носом.

Эту ночь Сакар переночевал у Пагула.

— Оставайся у нас совсем,— сказал ему Пагул.— Все равно тебе теперь у Тимоша житья не будет.

— У вас у самих тесно,— ответил Сакар.— А что у Тимоша мне больше не жить, это уж точно.

— Куда же ты денешься?

— Поживу пару дней у Марпы, а там видно будет,— ответил Сакар и наутро ушел в соседнюю деревню, где жила его сестра.

НОВЫЙ ЗАМЫСЕЛ ТИМОША

Погостив у Марпы, Сакар собрался домой.

Марпа проводила его до околицы. Открывая ему полевые ворота, она сказала, с тревогой заглядывая брату в глаза:

— Сакар, ты бы не связывался с богачами. Изведут они тебя, у меня все сердце по тебе изболелось.

— Не бойся, сестра, ничего они мне не сделают,— успокоил ее Сакар.— Пусть они боятся. И потом... я надумал уйти от Тимоша.

Марпа всплеснула руками:

— Ой! Где же ты жить станешь?

— Свет не без добрых людей, кто-нибудь приютит, на улице не останусь.

Брат и сестра простились, и Сакар зашагал по полевой дороге, вдыхая медвяный запах отцветающей ржи. Тут и там, словно синие глаза, смотрели из ржи васильки.

Три дня не был Сакар в родной деревне, а уже соскучился. Кажется, что и деревня соскучилась по нему и теперь два ряда домов по двум сторонам улицы, словно любящие руки, протянулись к нему, чтобы обнять после разлуки.

Подойдя к дому Кости Рожкина, Сакар свернул во двор.

Небольшая серая собачонка со звонким лаем кинулась ему под ноги.

— Шарик, Шарик,— позвал он ее ласковым голосом.— Ты что, не узнал что ли?

Собака замолчала и завиляла хвостом.

— А-а, Сакар! — обрадовался Кости, завидев парня.— Входи, входи, что-то тебя не видно было эти дни.

— Я у Марпы был, от Тимоша спасался.

Сакар рассказал Кости о том, что случилось на сходке и после нее.

— Слышал, слышал, — отозвался Кости. — Жаль, меня на этой сходке не было. Элексей нарочно подгадал собрать народ, когда меня вызвали в кантисполком. Ну ничего, мы еще поговорим с ним.— Кости помолчал немного, потом сказал: — Знаешь что, уходи-ка ты совсем от Тимоша. Живи у меня, места хватит.

— Вот спасибо!— обрадовался Сакар.— Я уж и то думал попроситься к кому-нибудь в деревне, лишь бы не жить больше у Тимоша. Меня, правда, Пагул давно к себе зовет, да у них без меня тесно. Мне бы только до осени перебиться.

— А что осенью? — заинтересовался Кости.

— Осенью я, наверное, учиться в город поеду. В канткомоле обещали послать на учебу в совпартшколу.

— Хорошее дело, — одобрил Кости.

Сакар поднялся:

— Надо к Пагулу сходить.

— Так ты приходи почевать, не стесняйся,— напомнил Кости.

— Приду,— пообещал Сакар.

На улице, не прошел он и десяти шагов, как повстречал Тимоша.

Первой мыслью Сакара было свернуть куда-нибудь в проулок, чтобы разминуться с опекуном.

«Небось, снова начнет ругаться, кричать на всю дерев-

ню», — подумал Сакар, но решил никуда не сворачивать, чтобы Тимош не подумал, что Сакар его боится.

К удивлению Сакара, Тимош изобразил на лице приветливую улыбку и воскликнул:

— Сыно-ок! Где ж это ты пропадаешь? Мы с матерью тебя обыскались. Ты, никак, на меня обиделся? Зря, зря, сынок. Нам с тобой нельзя обижаться друг на друга, мало ли чего не случается между своими. Пойдем-ка домой.

Сакар так растерялся от неожиданности, что беспрекословно пошел следом за Тимошем.

Ониса тоже встретила его с приветливой улыбкой. Засуетилась, собирая на стол.

— Где ж ты был, сынок? — спросила она.

— У сестры гостил,— нехотя отозвался Сакар.

— Садись за стол, поди проголодался,— пригласила она.— Мы с отцом недавно отобедали, каша еще не простыла.

Она встала у печки и, спрятав руки под передник, смотрела, как ел Сакар. Он и вправду проголодался.

Тимош пристроился в сторонке и починял старый хомут, от которого резко пахло конским потом и дегтем.

Некоторое время все молчали, потом Тимош кашлянул, потер рукой подбородок и, как будто бы между прочим, сказал:

— Гляди, мать, как наш сын вырос, поглядишь, душа радуется, мужик да и только.

Он выразительно глянул на Онису.

— И не говори, отец! В плечах раздался, и смотрит так серьезно, ну прямо как взрослый. Одно слово — жених!

— Верное твое слово: жених! — подхватил Тимош и испытующе посмотрел на Сакара.

Но Сакар продолжал молча есть и ничего не ответил. Тогда Тимош спросил без всяких обиняков:

— Может, и в самом деле женим тебя, Сакар? Что ты на это скажешь?

Сакар усмехнулся:

— Помните, когда после школы я говорил, что учиться хочу, вы не пускали меня, мол, тебе не учиться, а жениться пора. Теперь снова?

— Ну, что тот разговор поминать!— сказал Тимош с добродушной улыбкой.— Тогда это только так, шутки ради, говорилось. Теперь же ты и впрямь жених. Раньше парни помоложе тебя женились. Мы с матерью уже стары, пора тебе брать хозяйство в свои руки. И матери помощница по дому нужна.

Сакар снова усмехнулся, но на этот раз ничего не ответил.

Тимош начал злиться:

— Чего зубы скалишь? Мы тебе дело говорим, о твоей же пользе заботимся.

«Знаю я, о чьей пользе ты заботишься,— подумал Сакар.— Думаешь взять меня не мытьем, так катаньем. Мол, женится парень, увязнет по уши в хозяйстве, тогда забудет про газету и про комсомол. Нет, меня на эту приманку не поймаешь».

— Женись, женись, сынок,— заговорила Ониса.— Мы с отцом уж и девушку для тебя высмотрели — дочку Семена из Энгерумбала. Девушка красавица, что ягодка спелая, и богатого отца дочь.

Сакар положил ложку:

— Да вы что, серьезно?

— Куда серьезней! — выкрикнул Тимош, и по его злобному виду Сакару стало ясно, что он угадал намерения своего опекуна.— Другие хотят жениться, да им не разрешают, тебя же упрашивают, а ты морду воротишь.

Сакар встал из-за стола, сказал решительно:

— Думаете женитьбой меня к своему хозяйству привязать, руки-ноги мне опутать? Не выйдет, не надейтесь!

С ненавистью глядя в лицо приемного сына, Тимош прошипел:

— Тебя, стервеца, не женить, тебя удавить надо!

Утром, только еще начинало светать, Тимош растолкал Сакара.

— Пойдешь за дровами,— приказал он.

Дорога в лес идет через поле. Хотя раннее утро, но уже чувствуется, что день опять будет жарким. Который день в небе ни облачка, земля потрескалась от жары.

Какая-то пичуга на опушке леса явственно выводит:

— Пи-и-ить! Пи-и-ить!

Может, ей и в самом деле хочется пить?

Рожь стоит высокая, в ее тени, у корней, еще сохранилось хоть немного влаги. А вот низким яровым приходится плохо, земля под ними сухая, как зола. Если не будет дождя, пропадут яровые.

Когда Сакар возвращался в дервню с дровами, он увидел, что над священной рощей поднимается дым от костра.

«Моленье идет», — догадался Сакар.

Он привязал лошадь к дереву и пошел к небольшой рощице, островком стоявшей среди поля.

Несколько мужчин и женщин, среди них Тимош с Онисой, были заняты приготовлением к моленью.

Над двумя кострами висят котлы с водой, на подставках из березовых жердей расставлены деревянные чашки с блинами и творогом.

Всеми приготовлениями руководит карт Карпиш. Он в белом шерстяном кафтане, который надевает только на моленье да по большим праздникам.

Вот жена Элексея поставила перед картом гуся, предназначенного в жертву. Лапы гуся связаны лыком.

Карпиш деревянным ковшом зачерпнул из бадьи воды и, приговаривая слова молитвы, стал лить воду гусю на спину. Гусь, радуясь воде, расправил крылья.

— О великий боже, — взывал Карпиш.— Прими в жертву Элексеева гуся.

И Элексеиха, стоя рядом, шепотом произносила молитву.

После второго ковша гусь сложил крылья и отряхнулся.

— Гусь хорошо отряхнул воду! — торжественно возвестил Карпиш.— Значит, бог принимает жертву.

Гуся тут же разделали, тушку кинули в кипящий котел.

Перед Карпишем стоял уже другой крестьянин, он пригнал в жертву барана.

И снова Карпиш лил воду из деревянного ковша до тех пор, пока баран не стряхнул воду.

— Жертва угодна богу! — провозгласил карт.— Радуйся, Петр, бог принимает твою жертву.

Вскоре над рощей поплыл вкусный запах вареной баранины.

Сакар по прошлым годам знает, как наварист и вкусен бывает суп, который варится на моленье, ведь в него кладут зараз столько мяса!

Сегодня в роще только два костра, и людей собралось не так много, потому что сегодня не большое моленье, когда собираются жители всех окрестных деревень, а малое, в священную рощу пришли только шойдурцы для того, чтобы попросить у бога дождя и пообещать, что осенью они выйдут на большое моленье.

Когда мясо сварилось, Карпиш с помощью нескольких мужиков вытащил баранью тушу на большое деревянное блюдо и разрезал ее на куски.

Люди опустились на колени, Карпиш черпнул ковшом из кипящего котла и, подняв лицо к небу, начал молиться:

— Великий боже, смилуйся над нами, пошли дождя!

К вечеру на западе начали собираться тучи.

Нет в деревне человека, кто не смотрел бы на них с надеждой. На закате солнца послышались глухие раскаты

грома, будто где-то далеко-далеко выстрелили из большой пушки. Вскоре над Шойдуром повисла иссиня-черная туча, подул сильный ветер, поднял пыль, пригнул деревья. И хлынул долгожданный дождь!

Как огненные стрелы, падали на землю молнии, поминутно гремел гром, дождь лил как из ведра.

Тимош, стоя у окна и любуясь бурными потоками дождя, проговорил, обернувшись к Сакару, который стоял у другого окна и тоже смотрел, как идет дождь:

— Вот ты говоришь, что бога нет. Есть, есть бог! Видишь, помолились как следует, и дождь пошел.

— Он и без вашего моленья пошел бы,— ответил Сакар и усмехнулся.

Тимош безнадежно махнул рукой:

— Э-э, что с тобой, антихристом, говорить...

Дождь шел недолго, но успел хорошо смочить землю. По улице бегут бурливые ручьи. Ребятишки, радостно визжа, шлепают босыми ногами по теплым лужам.

Сакар смотрел на них и думал, что они, когда вырастут, уж не станут просить дождя у бога.

Утром, когда взошло солнце, все вокруг казалось не таким, как вчера, все умылось, все блестело на солнце, и весело, беззаботно распевали на разные голоса птицы.

«ЭТО ТЫ ВИНОВАТ!»

У караульного сарая толпится народ. Объявлена сходка, говорят, из кантона приехал какой-то начальник по фамилии Степанов.

Люди гадают:

— Для чего собирают?

— Скоро уборка, так, может, насчет хлебных поставок?

Народу собралось пока что немного, идет неторопливый разговор:

— Кости, скажи-ка ты нам, что такое коммуна? — спрашивает дед Корий.

Кости охотно объясняет:

— Коммуна — это такое хозяйство, в котором работают сообща, как одна семья. Доходы члены коммуны делят поровну, потому что все у них общее: и земля, и крестьянский инвентарь, и лошади.

— И жены, — ехидно добавляет Йогор.

— Не болтай! — обрывает его середняк Петр.

С тех пор, как Йогора поймали с самогоном, он не перестает злиться на деревенских активистов. Частенько бывает теперь Йогор у Элексея, и тот щедро угощает его водкой, хотя Йогор бедняк, а Элексей богач и до последнего времени никакого приятельства они не водили.

Кости продолжает:

— В будущем все крестьяне станут работать сообща. Так нам легче будет построить новую, хорошую жизнь.

— Языком легко строить! — не унимается Йогор.

Но мужики дружно одергивают его, всем интересно послушать про будущую жизнь.

— Хорошо, если будет так, как ты рассказываешь,— обращаясь к Кости и задумчиво поглаживая свою седую бороду, говорит дед Корий.— А то вот взять меня, всю жизнь гнул спину на богатых, ни одного светлого дня не видел...

Когда все собрались, Элексей как сельуполномоченный открыл сходку.

Слово взял товарищ Степанов, приехавший из канткома партии. Он высокий, плотный, в военной гимнастерке, на правой руке у него недостает двух пальцев — память гражданской войны.

Он рассказал об успехах советской власти в Марийском крае, о тракторах, полученных крестьянами, об организации ТОЗов, о коммунах. Переходя к делам, касающимся непосредственно Шойдура, Степанов сказал:

— Как же так у вас получилось, товарищи, что сельуполномоченным от вашей деревни выбран не бедняк или середняк, а один из самых богатых людей деревни Элексей Пирков?

4 Заказ 1412

Лицо Элексея пошло красными пятнами, он вскочил с места и закричал:

— Я не навязывался! Меня народ выбрал!

Вперед выступил Петр.

— Ты нас на обман взял. Сулил, что будешь об нашей пользе радеть, а на поверку вышло — только своим помогаешь.

Петра поддержало много голосов:

— Правильно Петр говорит!

— Кабы знали, что так будет, не поднимали бы за Элексея руки.

— В таком случае, надо сельуполномоченного переизбрать,— сказал Степанов.— Вместо Пиркова поставить человека, который действительно будет отстаивать интересы крестьян — бедняков и середняков.

— Пусть Кости Рожкин будет сельуполномоченным,— предложил дед Корий.— Он сам из бедняков, в партии состоит, и человек хороший, и грамоту знает.

— Элексей-то пограмотнее вашего Кости будет! — выкрикнул Йогор.

— Правильно! — подал голос середняк Микале.

— Какое там правильно! Гнать Элексея в шею!

— Гнать!

— Давайте проголосуем,— предложил Степанов.

За Кости Рожкина поднялось большинство рук.

Элексей отыскал глазами в толпе Сакара, погрозил ему кулаком:

— Это ты виноват! По твоему письму в газету вся эта заварушка затеялась. Ну, смотри, Сакар, это тебе даром не пройдет! Вы все... — он погрозил кулаком односельчанам,— вы все меня еще попомните...

— Потише, потише, Пирков, — остановил его Степанов. — Не грози, никто тебя не боится.

После сходки Степанов подозвал к себе Сакара.

— Видишь, Ликанов, не зря ты писал в газету про Пиркова, результат налицо. Ты комсомолец?

— Да.
— Много у вас в деревне комсомольцев?
— Пока только трое.
— Надо, Ликанов, активнее вовлекать молодежь в комсомол, ведь комсомол — первый помощник партии, вы — наша надежда.
Когда Степанов собрался в обратный путь, на дворе было уже темно.
— Остался бы переночевать, товарищ Степанов,— сказал Кости.— Сам знаешь, опасно ехать ночью одному.
— Знаю, да надо ехать,— ответил Степанов.— Ты, товарищ Рожкин, за меня не беспокойся, со мной надежный друг,— и он похлопал себя по карману, в котором лежал револьвер.
Степанов вскочил в седло и ускакал. Вскоре цокот копыт затих вдалеке.

ПОЖАР

Крепким сном спит Шойдур. Только за околицей, на верхнем конце деревни, слышны голоса — это гуляет молодежь, не спится ей в такую хорошую летнюю ночь. Да и коротка она, эта ночь, кажется, еще не все песни перепеты, не все пляски сплясаны, а уже на востоке заалела заря.
Но что это? Почему и на западе небо вдруг озарилось красным светом?
— Пожа-а-ар!
Парни и девушки бросились на нижний конец деревни, где как будто горел громадный костер.
— Пожар! Пожар!
Во всех домах раскрылись окна, тревожно захлопали двери.
— О господи! Сгорим!
— У кого загорелось-то?
— Ой, горе! Бежим скорей!

У караульного сарая забил колокол. Тут уж все, даже те, кто крепко спал и не слышал криков, проснулись, стали выбегать на улицу.

— У кого горит?

— У Кости Рожкина хлев горит! Того гляди, огонь на избу перекинется! Заливать надо!

— Тащите ведра!

Кости, его жена Ведасий и дети растерянно мечутся по двору.

Подоспевшие соседи плещут в огонь воду из ведер.

— Разве такой огонь из ведра зальешь! — безнадежно говорит Кости.

Ведасий плачет:

— Хоть бы избу спасти! Кости! Куда мы денемся с ребятишками? Ой, беда!

Кости приставил к избе лестницу, обернулся к парням и заметил:

— Ребята, надо крышу водой поливать, упадет искра — сгорит изба, как лучина.

Сакар и Пагул взобрались на крышу избы. Другие парни, стоя на лестнице, подают им полные ведра, Сакар и Пагул выливают воду на крышу, пустые ведра кидают вниз, где их подхватывают девушки. Люди стоят цепочкой от дома Кости до пруда.

Огонь, словно огромный чудовищный зверь, жадно поедает сухие бревна. Вот рухнула сгоревшая крыша хлева, столб огня взметнулся в небо, разлетелся тысячью искр.

— Избу спасите! — кричит Ведасий.

Нестерпимый жар жжет лицо и руки, но Сакар с Пагулом поминутно льют и льют воду.

К Ведасий подошла Орик.

— Корову-то выгнали из хлева? — спросила она.

— Кости вывел, — ответила Ведасий.— Хорошо, что успел, не то сгорела бы корова. Ой, господи, да что ж это такое? Не иначе подожгли нас. С чего бы ему загореться? Подожгли, подожгли!

В это время подъехала пожарная машина из Шоръяла. Стали качать воду из пруда и поливать избу.

Сакар и Пагул слезли с крыши. Оба с ног до головы перемазаны копотью.

Даже после того, как, зашипев, погасла последняя головешка, люди толпились возле Костиного двора, обсуждали происшествие. Все пришли к дружному мнению, что сам по себе хлев никак не мог загореться, что это поджог.

— Шутка дело! — возмущался дед Корий. — Ведь эдак вся деревня могла бы сгореть. Спасибо, ветра не было. И кто это на такое страшное дело решился?

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

Радостный возвращался Сакар из Шоръяла в родную деревню: сегодня на почте ему вручили письмо из канткомола. В письме говорилось, что Сакар Ликанов направляется на учебу в совпартшколу.

«Сбывается моя мечта!» — думал Сакар, шагая по полевой дороге.

Хлеб на полях уже убран, большие скирды издали похожи на огромные колокола.

Сакар шел и думал о том, что теперь, наверное, не скоро увидит это поле, через две недели он уедет далеко-далеко, будет жить и учиться в большом городе, для него начнется новая жизнь.

Своей радостью он хотел прежде других поделиться с Пагулом, но не застал его дома.

Обычно, когда Сакар подходил к избе Тимоша, у него сразу же портилось настроение. Но на этот раз его радость была так велика, что она не померкла даже тогда, когда он увидел самого Тимоша. Тот только что вернулся из Казани и сидел за самоваром.

— Чего сияешь? — подозрительно спросил он, как только Сакар переступил порог.

— Учиться в город посылают,— улыбаясь, ответил Сакар.

Тимош поставил блюдечко с чаем на стол. Его лицо расплылось в довольной улыбке.

Да и как ему было не улыбаться! Он давно уже понял, что приемный сын не его поля ягодка, что не быть Сакару ни кормильцем Тимошу на старости лет, ни толковым наследником. Последнее время Тимош только и думал о том, чтобы парень подался куда-нибудь на сторону, лишь бы с глаз долой. А уж если в город уедет, и того лучше, тем более на государственный счет. Только вот с одежонкой у парня, правду сказать, плоховато. Тимош никогда не баловал его обновами, да дома-то оно и ни к чему. А в город, что ни говори, в холщовых домотканых портках не поедешь, придется кое-какую одежку ему купить...

Все это Тимош подумал про себя, вслух сказал:

— Ну что ж, езжай, учись. Я тебя вырастил, выкормил, вот еще приодену малость для города, и больше ничего с меня не спрашивай.

Он хотел добавить: «И позабудь дорогу к моему порогу», но решил не ссориться на прощанье, уж очень он был доволен, что избавится, наконец, от Сакара.

— Завтра поедем в Параньгу на базар,— сказал Тимош.— Продам твою корову, она уж все равно старая стала, молока от нее не жди, вот тебе и деньги на одежу.

Сакару стало жаль Пеструшки, да что поделаешь? Он кивнул согласно:

— Ладно.

Вечером Сакар снова пошел к Пагулу. На этот раз тот был дома. Сакар громко сказал с порога:

— Еду учиться в совпартшколу!

— Поздравляю! — Пагул хлопнул Сакара по плечу, но тут же нахмурился: — Ты знаешь, что я сегодня услышал?

— Что такое?

— Утром приходил ко мне Йогор. Пьяный, плакал,

каялся. Оказывается, это он поджег Рожкиных. А подучил его Элексей, он ведь в последнее время все поил Йогора, вот он и попал к Элексею в кабалу.

— Ну?

— Я хотел сообщить в милицию, а Йогор, протрезвев, от своих слов отказался. Как тут быть?

— Сегодня же напишу об этом в газету! — воскликнул Сакар.— Этого так оставлять нельзя, необходимо до конца разоблачить Элексея.

Когда Сакар собрался уходить, он вспомнил:

— Тимош завтра в Параньгу на базар едет и меня с собой берет, хочет мою корову продать, мне одежду купить. Может, поедешь с нами?

— Поехал бы, да денег нет. А без денег что там делать?

— Давай лаптей сплетем, продадим, вот тебе и деньги.

Пагул махнул рукой:

— Много мы с тобой за один вечер наплетем! Нет уж, езжай без меня.

В ПАРАНЬГЕ

Параньга — большое татарское село. По воскресным дням здесь шумит-гудит базар. Торгуют скотом, шерстью, мукой, овсом, тут же продается и покупается много всякой всячины.

Вот пожилой татарин громко расхваливает свой товар: ленты, бисер, цветные шелковые нитки. Около него толпятся молодые марийки.

А рядом веселый молодой парень, задорно постукивая легкой палочкой по выставленным в ряд горшкам, зазывает покупателей:

— Бери, налетай! Горшки мои хоть и глиняные, а крепче чугунных! Спешите, покупайте, последние продаю!

Сакар в первый раз попал на такой большой базар. Все

тут ему интересно, даже возле татарина с галантерейным товаром остановился, вспомнив, как любила мать, чтобы одежда была украшена шелковыми лентами, вышита яркими цветными нитками.

Но Тимош не дал Сакару поглазеть на множество выставленных товаров, сразу же повел в тот ряд, где торгуют скотом.

Вскоре нашелся покупатель. Немного поторговались и ударили по рукам.

Больно сжалось сердце Сакара, когда Тимош отвязал Пеструшку от задка телеги и отдал веревку покупателю. Тот отсчитал деньги. Жалобно замычав, корова нехотя пошла за чужим человеком. Сакар проводил ее взглядом.

На толкучке Тимош купил для Сакара брюки и толстовку, сапог подходящих не нашли. Тимош утешил:

— Не все сразу. Учиться не завтра едешь, а в деревне в лаптях походишь.

Поехали домой. Телега покачивалась на выбитой дороге, как детская зыбка. Незаметно для себя Сакар, разомлевший на солнце, крепко заснул.

Тимоша тоже клонило в сон. Чтобы не заснуть, он соскочил с телеги и пошел рядом, держа вожжи в руках. Временами он взглядывал на Сакара и вновь и вновь радовался, что скоро избавится от него.

Вдруг телегу сильно тряхнуло на ухабе. Сакар промычал что-то во сне, повернулся на другой бок. Из кармана его синего домотканого кафтана выглянул белый уголок.

Тимош потянул за уголок, в его руках оказался листок бумаги.

«Опять письмо! Неужто снова в газету? — подумал Тимош.— О чем же он на этот раз пишет?»

Тимош сел на телегу и склонился над письмом, торопясь прочитать его, пока не проснулся Сакар.

Но буквы на листке были написаны все какие-то мелкие, неразборчивые, поэтому ему не удалось прочесть письма, только и разобрал два слова: Элексей Пирков.

«Эге, про брата какую-то кляузу настрочил,— смекнул Тимош.— Ну, погоди, гаденыш, вот ужо Элексей прочтет, что ты тут написал».

Тимош с ненавистью смотрел на сладко спавшего парня.

«Хоть бы ты скорей провалился на свою учебу, век бы тебя больше не видать», — подумал он.

Подъезжая к своей деревне, лошадь прибавила шагу. Телегу начало сильней кидать из стороны в сторону, Сакар проснулся.

Он сразу заметил, что Тимош почему-то смотрит на него волком, но подумал беспечно: «Пусть его, скоро я с ним распрощаюсь. Уеду в город, а уж там я вольная птица!»

Своего письма Сакар не хватился.

После ужина он пошел к околице на гулянье, пел и плясал с парнями и девушками до утренней зари. Ему все время хотелось отозвать Орик в сторону и о многом сказать ей, но он так и не решился...

УЛЕТАЮТ ЖУРАВЛИ

Тимошу за ужином кусок не шел в горло. Он не мог дождаться, когда Сакар уберется из дому на гулянье.

Едва за парнем закрылась дверь, как Тимош побежал к брату.

— Его дома нету,— сказала Элексеиха.— Из села еще не вернулся.

— Как только вернется, пусть сразу же, не мешкая, ко мне придет,— наказал Тимош.— Так и скажи: мол, важное дело есть.

Вскоре пришел Элексей. Войдя в избу, он спросил, с тревогой глядя на Тимоша:

— Случилось что?

Тимош достал из кармана листок.

— Может, и случилось. На-ка, сам прочти, я его руку не разбираю.

— Опять?!

Элексей схватил листок, молча пробежал его глазами и побледнел.

— Ну, что там такое? — нетерпеливо спросил Тимош.— Говори скорей, не томи!

Тогда Элексей прочел вслух:

— «Товарищ редактор! Помогите разобраться вот в каком деле. В нашей деревне Шойдур Ернурского кантона недавно случился пожар, сгорел хлев сельуполномоченного коммуниста Кости Рожкина. Житель нашей деревни Йогор Антропов признался одному нашему комсомольцу, что его подпоил и заставил поджечь Рожкина богатый крестьянин нашей деревни Элексей Пирков. Но потом, протрезвев, Антропов от своих слов отказался, потому что боится Пиркова. Товарищ редактор, посоветуйте, что нам делать, как вывести на чистую воду настоящего поджигателя? Селькор Ликанов».

Кончив читать, Элексей скомкал листок, его глаза затравленно забегали.

— Вот сволочь! — выругался он.— Разнюхал! И как этот дурак Йогор проболтался? Ну, я ему теперь покажу, пьянице проклятому!

— Погоди, не об Йогоре сейчас речь,— оборвал его Тимош.— Ты лучше о себе подумай, как тебе теперь быть? Хорошо, я выкрал у Сакара письмо, только он ведь завтра хватится его, не найдет, так другое такое же напишет да отправит, вот тебе, брат, и тюрьма!

Элексей взревел:

— Ну уж нет! Пусть лучше твой волчонок до завтра не доживет! Я его сегодня же, вот прямо сейчас, своими руками задушу! Где он? Спит?

— На гулянье ушел.

— Ничего, придет! — зловеще сказал Элексей.— Пусть только заявится, тут ему и конец.

Тимош поскреб в затылке, сказал нерешительно.

— Так-то оно так...

Элексей усмехнулся:

— Никак тебя, брат, сомненье берет? Может, жалко стало дорогого сыночка?

— Что ты, что ты! — отмахнулся Тимош.— Какой он мне сын! Взял на свою голову, не чаю отделаться. Да только он, вроде, в скором времени в город учиться уезжает. Вот и пусть бы его...

Элексей весь затрясся от ярости:

— А обо мне ты подумал? Он — учиться, а мне — в тюрьму, так что ли? Или, может, надеешься уговорить его, чтобы не писал в газету про пожар?

Тимош покачал головой:

— Разве он послушает? Ни за что! По-своему сделает.

— То-то и оно! — воскликнул Элексей.— Его добром не уломаешь, нечего на пустые разговоры время терять. Тут так: или мы его, или он нас.

— Уж лучше мы его...

— Давно бы надо было,— повторил Элексей.

В окошках посветлело, когда скрипнули ворота, и во дворе раздались осторожные шаги.

Элексей переглянулся с братом, схватил с шестка чугунный пест и вышел в сени.

Наружную дверь он запер с вечера.

Скрипнули половицы крыльца, кто-то подергал дверь, потом негромко постучал.

— Кто? — спросил Элексей.

— Это я, Сакар.

Легонько скрипнула дверь. Вслед за тем послышался глухой удар, короткий крик, и как будто тяжелый мешок свалился на пол.

Элексей вернулся в избу.

— Все, готов! — свистящим шепотом сказал он.

Ониса, дремавшая на печке, подняла голову, спросила испуганно:

— Что ты наделал, Элексей? О господи, я думала, вы только так, постращаете, а вы...— Она заплакала.

— Молчи! — прикрикнул на нее Тимош.— Распустила нюни, не до тебя сейчас.— Он повернулся к брату.— Куда мы его денем?

— Давай, покуда не рассвело, отнесем задами к лесу, бросим возле тропинки, утром кто-нибудь пойдет, увидит,— сказал Элексей.

Он подошел к горевшей на столе керосиновой лампе, при свете ее внимательно оглядел свои руки, нет ли на них крови, и хмыкнул:

— Чисто сработано.

Хоронили Сакара с почестями. На похороны пришли комсомольцы из соседних деревень и из кантона.

Ониса поминутно всхлипывала, Тимош с Элексеем тоже утирали глаза, громко вздыхали:

— Хоть и не родной, а все равно жалко, на глазах вырос, и вот поди ж ты... И у кого только рука поднялась на такого молодого, такого красивого парня...

— Мешал он кому-то,— пристально взглянув на братьев, отозвался Пагул.

Орик стояла молча, из глаз ее текли слезы.

Над раскрытой могилой молодого селькора один за другим говорили товарищи:

— Дорогой друг! Ты пал от руки злодеев, врагов советской власти. Мы никогда не забудем тебя.

— Ты любил жизнь и боролся за то, чтобы она стала светлее и лучше. Мы никогда не забудем тебя.

— Твоя кровь, Сакар, пролита не даром. Ты останешься в наших сердцах как образец честного и мужественного комсомольца. Мы никогда не забудем тебя.

Когда все разошлись, у могилы, засыпанной живыми цветами, остались стоять двое — Пагул и Орик. Глотая

слезы, они еще долго стояли и смотрели на могильный холм, на красную звездочку, венчавшую его.

Наконец, Пагул проговорил:

— Клянусь тебе, Сакар, мы найдем твоих убийц, и они сполна ответят за свое злодеяние.

В это время в небе послышался протяжный тоскливый крик.

Парень и девушка подняли головы, и Орик сказала печально:

— Улетают журавли...

ИДЕТ МАЛЬЧИШКА ПО ДОРОГЕ

Памяти моей матери

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уже почти год идет война.

А небо сегодня такое светлое, такое голубое, будто его кто-то нарочно вымыл, как перед праздником. Солнце словно улыбается ясной широкой улыбкой. Высоко-высоко, теряясь в сверкающей голубизне, звонко и весело заливаются жаворонки.

Но я голоден, и мне ничто не мило.

Я вижу небо, солнце, слышу песню жаворонка. Но не они привлекают мое внимание: я остановился среди гона и смотрю на Сапана, которому мать принесла обед.

Сапан с чугунком на коленях сидит на краю поля в ре-

денькой прозрачной тени зеленеющей березки. В одной руке у него деревянная обгрызенная ложка, в другой — кусок хлеба. Он с аппетитом хлебает зеленоватый суп, вылавливая скользкие капустные листья и облизывая ложку. Потом маленькими кусочками откусывает хлеб и долго-долго жует. Я смотрю на него и не могу оторваться. Чувствую — неудобно так смотреть ему в рот, надо бы отвернуться, а не могу.

Но я все-таки пересилил себя, отвернулся и пошел в овраг нарвать травы для Томаса — лошади, на которой я бороню.

Вот кому сейчас хорошо — это лошадям. Есть трава, и они сыты.

Я рву траву и нет-нет да и суну в рот сочный молодой листок щавеля. Во рту приятно кислит, но разве травой наешься!

Когда мать Сапана собралась уходить, я попросил:

— Тетя Онисья, скажи там дома, чтобы принесли чего-нибудь поесть...

— Ладно, скажу, сынок,— ответила тетя Онисья и пошла по склону оврага, неся в руке узелок с пустым чугунком и позвякивая украшениями на кистях шымакша[1].

Далеко-далеко, до самого горизонта, уходит вспаханное поле. Один на другой громоздятся тяжелые, вывернутые плугом рваные пласты земли. Если наклонишься и посмотришь на них снизу, то они кажутся целыми горными хребтами с гладкими блестящими обрывами и глубокими пропастями.

С одной стороны от меня боронят Сапан, Япык, Онтон и маленький Петюк, с другой — Алик. Вдали, у леска, виднеются лошади двух приятелей — Миклая и Кориша. Миклай и Кориш старше всех нас и поэтому держатся

---

[1] Шыма́кш — марийский национальный женский головной убор.

вместе. Нам-то всем по тринадцать-четырнадцать лет, Миклаю — пятнадцать, а Коришу уже шестнадцать.

Какое жаркое сегодня солнце! Я с трудом передвигаю ноги, идя за бороной, то и дело спотыкаюсь о комья земли. Они почему-то все чаще и чаще попадаются под ноги.

Вдруг слышу за спиной тоненький голосок Нинки, моей младшей сестренки:

— Вить, я тебе поесть принесла.

Услышав эти слова, я сразу остановил Томаса и обернулся. Сестренка протягивает мне что-то завернутое в старую чистую рубаху.

В свертке оказались две большие теплые картофельные лепешки. Я впился зубами в чуть сыроватую вязкую мякоть.

Наверное, нет ничего на свете вкуснее картофельных лепешек! Правда, они испечены из картошки, всю зиму гнившей в поле и превратившейся в крахмал, но, честное слово, по вкусу они ничуь не хуже овсяных блинов.

Нинка стоит рядом и робко смотрит мне в рот. Наконец она не выдерживает и тихонько говорит:

— Вить, оставь мне немножко...

— Разве ты дома не ела?

— Ела, но мамка дала всего один кусочек...

Ничего не поделаешь, как-никак родная сестренка — жалко ее. Я разломил оставшуюся лепешку пополам, половину отдал Нинке, половину съел сам.

После еды стало веселее. Теперь я бодро шагал за бороной и на ходу то напевал, то насвистывал песни.

— Эй, ребята! — крикнул Миклай.— Покурим?

— Покурим,— отозвался Япык.— Да и коням пора дать отдых.

Япыг отпряг свою Серку и пустил пастись по меже. Остальные сделали то же самое. Я не поленился, принес Томасу охапку сочной, немятой травы из оврага.

Мы все восемеро сели на краю поля на траву. Подмигнув и пригладив рукой жесткие кудрявые волосы,

Миклай достал из кармана плоскую баночку из золотистой жести, открыл крышку и похвастался:

— Сегодня курева хватит, а вот бумаги маловато.

— У меня есть,— сказал Алик, вынимая из фуражки свернутую гармошкой газету.

— А у меня — трут. Не трут — порох,— говорит Япык.

Миклай с силой ударил кресалом по кремню, колючие искры посыпались во все стороны. Несколько искр попало на трут, и он затлел.

Мы свернули цигарки и задымили, будто паровозы.

Вдруг Алик подавился дымом и закашлялся. Он сделался красным, как кумач, на глазах показались слезы. Он что-то хочет сказать, но у него ничего не получается, и вместо слов выходит какое-то кваканье. Алик квакает, кашляет, а мы смеемся.

— Эх, ты! Разве так затягиваются? Смотри, как надо! — сказал Миклай. Он затянулся, потом, вытянув губы вперед, выпустил дым ровной сизой струйкой.— Учись. А то табак зря переводишь.

Миклай таскает табак у своей бабки. Та ругает его: «Не кури, мал еще, легкие испортишь», но он все ее слова пропускает мимо ушей.

С цигаркой во рту Миклай совсем похож на взрослого парня, и мы, когда курим, чувствуем себя взрослыми.

Алик откашлялся, потянул еще два раза и отбросил окурок далеко в сторону.

— Ничего,— ободрил его Миклай,— научишься.

Я тоже бросил окурок и сплюнул жгучую горькую слюну. За мной и Япык с Онтоном выбросили свои цигарки и Сапан, а Петюк даже и не курил — только измусолил папиросу.

Теперь мы сидим и ждем Миклая с Коришем, которые, докурив одну цигарку, свернули по второй.

— Сегодня поиграем в войну после работы? — спросил Алик.— Я захватил веревку для стремян.

— Что ж, поиграем,— согласился Сапан.

Алик вскочил с места и, подхватив валявшуюся на земле палку, взмахнул ею как саблей:

— Эскадрон! В атаку! За Родину! Бей фашистов!

— Много ты побьешь их своей саблей,— усмехнулся Миклай.— На лошади против танков не попрешь. Нынче твоему эскадрону на войне делать нечего.

— Вот и есть что! А как же Доватор воевал под Москвой? — горячо возразил Алик и с увлечением принялся рассказывать про то, как воевали под Москвой кавалерийские части генерала Доватора.

Я тоже думаю, что танки — танками, а кавалерия — кавалерией. Одно другому не мешает. Для партизан кони, может быть, даже нужнее, чем танки.

Отдохнув, мы снова стали боронить. Я шел за бороной и думал о Доваторе.

Мне представлялось огромное поле — повсюду рвутся спаряды, все вокруг окутывает дым, бегут солдаты, стреляют, кричат «ура-а», и я несусь во весь опор на моем верном Томасе с блестящей шашкой в руке: «Вперед! Смерть фашистским захватчикам! У-ра-а!» Мне весело, и война в моем воображении представляется совсем не страшной. «Взяли бы меня на фронт,— думаю я.— Уж я бы показал, как кавалерии нечего делать на войне...»

Я замечтался и не заметил, как оставил огрех.

— Виктор, не видишь, что ли? — окликнул меня Сапан.— Огрехи оставляешь.

Я резко дернул правую вожжу, но Томас упрямо тянется влево, к пахучим кустикам полыни.

Уже близится вечер! Я обернулся, посмотрел назад. Уходящее за горизонт пробороненное поле кажется огромным листом тетради, расчерченным аккуратными частыми линейками. Любо-дорого посмотреть! Потом взглянул на солнце, которое, став больше и краснее, клонилось к западу.

Я заметил, что и Алик с Сапаном тоже нет-нет да и поглядят на солнце.

— Четыре пальца осталось,— сказал Сапан, сощурившись и прикидывая на пальцах вытянутой руки расстояние между солнцем и горизонтом.— Скоро домой.

Он улыбается, улыбаюсь и я. По правде сказать, я устал, и опять захотелось есть.

Наконец солнце коснулось горизонта.

— Шабаш! — громко крикнул Миклай.

— По ко-оням! — подхватил Алик.

Мы вмиг распрягли лошадей, распустили постромки. Я перебросил концы постромок через спину Томаса, связал их у него под животом, потом, подпрыгнув, забрался на коня и уперся в них ногами, как в стремена. Тут ко мне подскакал Алик и осадил своего Буяна, чуть не столкнувшись со мной.

С криком, размахивая палками и нещадно колотя пятками в тощие бока лошадей, мы поскакали по редкому леску. Когда-то здесь был густой еловый лес, потом его вырубили, и теперь вырубка заросла молодыми березками и осинками.

Мы промчались через всю вырубку, сшибая на ходу палками, как саблями, тонкие ветки. Повернули обратно и промчались еще раз.

Потом Алик остановился и поднял руку:

— Ребята, так играть неинтересно. Носимся как угорелые, и всё. Давайте сыграем в войну по-настоящему.

— А как? — спросил Петюк.

— Разделимся на два отряда и будем воевать отряд против отряда.

— Правильно! — закричал Миклай и замахнулся блестящей, очищенной от коры палкой на Сапана.— Сейчас я тебя зарублю!

Сапан пригнулся и подставил навстречу удару свою палку-саблю.

— Это мы еще посмотрим!

Завязалась самая настоящая схватка. Лошади топта-

лись на месте, задевая друг друга боками, а Сапан с Миклаем размахивали саблями.

Мы окружили их и, не спуская глаз, следили за боем.

Вот Миклай начал теснить менее поворотливого Сапана.

— Сапан! Сапан! Не поддавайся! — кричат одни.

— Миклай, вперед! — кричат другие.

Миклай уже несколько раз задел палкой Сапана, а один раз так вытянул по спине, что Сапан даже охнул.

— Ах, ты так!.. Ты так! — сквозь зубы бормочет Сапан и, не обращая внимания на сыплющиеся на него удары, упрямо старается стукнуть Миклая по голове.

— Стойте! Стойте! — закричал Алик.— Так вы всерьез подеретесь!

— Стой, Миклай! — поддержал Алика Кориш.— Еще не хватает, чтобы вы друг другу головы разбили. Потом отвечай за вас.

Миклай и Сапан нехотя разъехались.

— Воевать будем четверо на четверо,— сказал Алик.— Как дотронешься до противника саблей, так считается, что он ранен. В первый раз — легко ранен, во второй — тяжело, а в третий — убит. Понятно?

— Понятно! Понятно! — закричали мы.— Давай играть!

В наш отряд вошли Алик, я, Сапан и Петюк, а Миклай, Кориш, Япык и Онтон — наши противники.

Отряды разъехались в разные стороны: мы — к ельнику, они — к оврагу за осинник.

Укрывшись в елках, мы устроили военный совет.

— Я знаю Миклая, он обязательно придумает какую-нибудь хитрость,— говорит Алик.— Только и мы не лыком шиты. Будем действовать по всем правилам военной науки. Предлагаю такой план действий...

— Ну давай,— говорю я,— только скорей...

— У Миклая отряд сильнее нашего,— начал Алик.

— Конечно,— сказал Сапан,— у нас Петюк, а у них Кориш.

— Миклай будет стараться ударить в лоб,— продолжал Алик,— значит, нам надо уклониться от атаки, обойти его и ударить с тыла. Виктор останется здесь, в ельнике, и будет отвлекать на себя внимание противника, а мы объедем вырубку стороной и, когда Миклай пойдет в атаку на Виктора, выскочим сзади.

Алик, Сапан и Петюк ускакали, я остался в ельнике.

Сначала все было спокойно. Потом вижу — на другой стороне поляны шевельнулись кусты: их разведчик, понял я. Я, как будто ничего не замечаю, стронул Томаса с места и высунулся из-за елки. Разведчик меня увидел и быстро пополз обратно, только ветки над ним закачались.

Через несколько минут слышу — скачут. На поляне показался вражеский отряд в полном составе: Миклай, Корыш, Япык и Онтон.

— Ура-а! — закричал Миклай.— Мы вас обнаружили! Выходите драться!

«Эх, только бы наши успели! — притаившись в ельнике, думаю я.— Только бы успели!»

— Эй, вы, выезжайте на поляну! — кричит Миклай.— Струсили?

Я молчу.

— Все равно выгоним вас из леса! — кричит Миклай.

Тут я увидел за его спиной Алика, Сапана и Петюка, скачущих по вырубке. Миклаю и его отряду наших не видно.

— Это мы струсили? — громко крикнул я и ударил Томаса в бока.— В атаку! Ура-а!

Я поднял саблю и помчался навстречу Миклаю.

Вижу, Миклай скачет ко мне, а остальные что-то медлят. Наверное, они заранее договорились, кому с кем сражаться, и теперь ждут, когда из леса покажутся Алик, Сапан и Петюк.

— Алик, Сапан, Петюк, за мной!— скомандовал я.

Моя хитрость удалась: Кориш ударил пятками коня и помчался за Миклаем, Япык и Онтон — за ним.

Мы встретились с Миклаем на самой середине поляны. Я почувствовал, как моя сабля ткнулась в него, и в тот же момент ощутил, что и его сабля коснулась моей руки.

— Ты ранен, ранен! — закричал Миклай.

— И ты ранен!

— Я не ранен!

— Ранен! — крикнул я и еще два раза подряд ударил Миклая по плечу.— Теперь убит!

— Сам ты убит!

Кориш, Онтон и Япык подскакали к нам и окружили меня. Но в это время сзади их послышалось громкое «ура», и наши противники даже не успели повернуть коней, как все оказались сраженными.

— Мы победили! — объявил Алик.

— Победили! Победили! — радовался Петюк и кричал громче всех.— Мы победили!

— Чего разорался, победитель? — сердито оборвал его Миклай.— Сопли сначала утри.

— Все равно мы победили! — не унимался Петюк.

Миклай схватил его за рукав и дернул изо всех сил. Петюк взмахнул другой рукой и полетел прямо под ноги лошадям.

— Ой, мамочка! — испуганно закричал Петюк, и в следующую минуту послышался его отчаянный рев.

Мы все очень испугались: ведь лошадь могла ненароком зашибить его и даже ударить копытом в висок.

— Что с тобой? — бросился к Петюку Алик.— Вставай скорее!

— Ой, мамочка!— причитал Петюк.— Ой, больно! Ой, мамочка!..

Правда, скоро выяснилось, что Петюк только ушибся и ревел просто от страха, но настроение у нас было испорчено и играть мы больше не стали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Частенько, собирая после ужина посуду со стола и отворачиваясь от наших голодных глаз, мать вздыхает:

— Всю нашу жизнь порушил Гитлер проклятый. Мы-то ладно, живем в тихом месте. А каково нашему отцу?.. Может, и не вернется...— Она смахивает набежавшую слезу и вздыхает еще глубже.— Там-то, на фронте, ни дома, ни крыши... И постель и перина — сырая земля. Да и еда, небось, не каждый день бывает...

Мы слушаем мать и тоже вздыхаем.

Бои на фронте усиливаются. Я читаю в газетах все, что пишут о войне, читаю о подвигах наших героических солдат, о партизанах, о том, что не только взрослые бесстрашно борются против врага, но и дети. Иной раз я думаю с сожалением: «Жаль, что я живу не в прифронтовой полосе. Жил бы я там, где идет война, я бы тоже помогал Красной Армии или партизанам».

Думаю, думаю... и о чем только не передумаю!

Вот я становлюсь невидимым, пробираюсь в Берлин и убиваю Гитлера. Потом представляю себя партизаном. Я действую храбро, умело. Летят под откос вражеские поезда, взрываются склады с боеприпасами — это все дело моих рук. Меня представляют к награде и доверяют мне командование отрядом...

В конце концов после таких размышлений я решил пробраться на фронт.

Одному, конечно, ехать на фронт не годится, дорога дальняя, трудная, надо искать товарища. Кого позвать с собой? Об этом я долго не думал: конечно, Алика.

Со дня на день я собирался поговорить с ним, да все не было удобного случая.

Сегодня с утра моросит дождь и я сижу дома, плету себе про запас лапти.

Мать глянула в окно и говорит:

— Теплый дождик, грибной... Виктор, лапти вечером доплетешь, а сейчас сходил бы грибов поискал...

Я с радостью отложил недоконченный лапоть и мигом собрался в лес. По пути зашел за Аликом.

Когда мы подошли к лесу, дождь почти перестал. Мы идем, разговариваем о том о сем. Больше всего, конечно, о войне.

— Я бы хотел стать летчиком,— говорит Алик.— Вот был такой герой летчик Виктор Талалихин...

— Знаю, читал. Это тот, который своим ястребком протаранил немецкий бомбардировщик...

— Жалко, что он погиб. Правда?

— Правда.

Я остановился и взял Алика за руку.

— Ты что? — Он посмотрел на меня вопросительно.

— Ты мне друг?

— Друг.

— Слушай, я тебе как другу говорю. Я ухожу на фронт. Хочешь, идем вместе!

Алик недоверчиво засмеялся.

— Ты это серьезно?

— Не веришь? Думаешь, шучу? Если боишься, так и скажи. А я один все равно уйду. Вот увидишь, совершу какой-нибудь подвиг.

Алик перестал смеяться, а я, видя, что он колеблется, быстро заговорил:

— Возьмем с собой хлеба, картошки напечем.

— Мать не пустит...

— А мы не скажемся.

— Значит, убежим?

— Убежим!

— В тот же день хватятся, сообщат в милицию, и нас вернут.

Тут уж я задумался.

— А знаешь, мы скажем, что пошли в город, в гости. У меня в Йошкар-Оле тетка живет.

— У меня тоже там есть родственники.

— Вот и здорово!

После того как мы решили бежать на фронт, нам уж было не до грибов, и мы не столько глядели под елки, сколько говорили о предстоящем побеге, о фронте.

Мы условились бежать через две недели.

— Смотри, не проговорись! — предупредил я Алика.

— Ну что ты! Разве я не понимаю?..

Мать удивилась: чего это я вдруг захотел к тетке. Но я сказал, что, мол, хочу посмотреть город — в городе-то я никогда не был.

Алик так же сказал своей матери. Нас отпустили.

И вот настал назначенный день. Мы с Аликом сложили в холщовые сумки хлеб, картошку; кроме того, мать дала мне десяток вареных яиц.

Мать стала подробно объяснять, как найти в городе тетку, но я все ее объяснения пропустил мимо ушей: зачем мне это, когда я вовсе не к тете собираюсь.

«Прощай, мама, теперь мы не скоро увидимся,— думал я.— Если бы ты знала, куда мы едем...»

— Да ты запиши адрес,— говорила мать.

— Не надо, я так запомнил,— отмахнулся я.

Мать с Нинкой проводили нас до околицы, дальше мы с Аликом зашагали одни. Когда деревня скрылась за лесом, мы остановились, достали из мешков самодельные пистолеты и переложили их в карманы: оружие всегда должно быть под рукой.

Мы вышли на шоссе. Слышим, догоняет машина. Алик поднял руку, но машина не остановилась. Вторая тоже не остановилась, и третья. Мы прошли километра два с половиной, когда нас нагнала еще одна машина. Тогда мы оба замахали руками.

На этот раз шофер попался добрый и посадил нас в кузов.

Ух и весело же мчаться на машине! Бегут мимо поля,

мелькают перелески, вот позади осталась какая-то деревня. Ветер свистит в ушах.

— Здóрово! — кричу я Алику.

— Здóрово! — кивает он мне в ответ.— Обязательно пойду в летчики!

— А я буду кавалеристом или танкистом!

...Я знаю, Алик давно уже решил стать летчиком. Мы и подружились-то с ним из-за самолета. Случилось это еще в пятом классе, до войны.

Как-то раз я сделал самолет. Из полена вытесал фюзеляж, из доски выпилил крылья, гвоздем прибил жестяной пропеллер, потом приладил свой самолет на крыше сарая. Когда дул ветер, пропеллер вертелся.

— Посмотри-ка, какой я самолет сколотил,— похвалился я Алику.— Вон как пропеллер вертится, того гляди, улетит.

А ветер в тот день был сильный, и пропеллер вертелся, аж гудел.

Алик посмотрел немного и отвернулся.

— Хороший,— говорит,— самолет, только не летает.

— Так он же не настоящий! — возразил я.

— Все равно, можно сделать, чтоб летал. Ты слышал про летающие модели?

— Слышать-то слышал, а вот как их делают, не знаю.

— А я видел в школьной библиотеке книжку, в ней рассказывается, как делать летающие модели самолетов. Я ее возьму, и давай сделаем с тобой такой самолет, чтобы летал.

— Давай! — обрадовался я.

На другой день Алик принес книгу. Каких только там не было самолетов! И без мотора — такой самолет называется планер, и с моторами — с резиновым и с бензиновым. Мы выбрали самолет с резиновым мотором. Конечно, лучше бы построить с бензиновым, но у нас не было моторчика и достать его было невозможно. Резины у нас тоже не было, но ее все-таки достать легче.

Алик перерисовал из книжки все чертежи на лист бумаги.

— Я,— говорит,— буду авиаконструктор, а ты — мой помощник.

Толковый он парень, Алик, сразу понял, что к чему, и мы в тот же день начали строить модель.

Через неделю летающая модель была почти готова, оставалось только поставить мотор. Но резины у нас все еще не было. В сельпо она не продавалась, в райцентре тоже.

Правда, в нашей деревне у одного мальчишки была резина, как раз такая, какая нам нужна, но, как говорил дедушка: «Есть-то есть, да не про нашу честь».

Резина была у Миклая, уж не знаю, откуда он ее достал. Просить у него было бесполезно — не даст, такого другого жмота по всей деревне не сыщешь.

Однажды вечером я сидел возле своего дома, вижу — идет Алик и ведет с собой Миклая.

— Ну, что у вас за модель? Показывайте, — насмешливо сказал Миклай.— Эта, что ли?

Он взял нашу модель в руки, повертел ее, посмотрел.

— Вообще-то похоже на самолет. Только полетит ли?

Уловив в голосе Миклая зависть, я довольно улыбнулся, а Алик говорит:

— Полетит, конечно. Только у нас нет резины. Я слыхал, у тебя есть.

— Есть. А вам-то что?

— Дай нам.

— Ишь какие хитрые! А вы мне дадите позапускать ваш самолет?

— Дадим.

Миклай нахмурился и засопел. Он долго молчал, наконец проговорил:

— Ладно, будет вам резина.

Он сбегал домой и принес моток крепкой черной резины. Мы быстро приладили ее к модели и пошли за деревню на выгон пробовать, как она летает.

Пока мы шли по деревне с белокрылым самолетом, за нами увязалась целая толпа.

Пришли на выгон. Алик закрутил пропеллер и подбросил самолет вверх. Самолет сначала как будто бы начал падать, но потом выровнялся и пошел вверх.

— Летит! Летит! — кричали ребята.

Самолет пролетел весь выгон и у леса плавно опустился на землю.

— Молодец, Алик, ты — настоящий авиаконструктор! — сказал я.

— Так мы же вместе делали,— ответил Алик.— Значит, ты тоже молодец.

— А резина чья? — вмешался Миклай.— Моя. Без резины ваш самолет не полетел бы. Значит, я тоже имею право на самолет. Давай теперь я буду запускать — как договорились.

Без резины наш самолет, конечно, не полетел бы. Но мне очень не хотелось отдавать нашу модель в руки Миклаю.

— Давай-давай,— торопит он,— а то отберу резину.

Ничего не поделаешь, пришлось дать.

Мы договорились, что модель будет находиться у всех нас по очереди: день — у Алика, день — у меня, день — у Миклая.

До самой темноты мы запускали самолет, а потом Миклай унес его к себе домой.

На следующий вечер мы с Аликом, как сговаривались, пришли на выгон, чтобы опять запускать модель. Миклая там не было. Мы долго ждали его, но он так и не пришел.

Целую неделю Миклай не отдавал самолет, а потом отдал без резины и с поломанным крылом...

За то время, пока строили модель, мы с Аликом крепко подружились. Так и дружим до сих пор.

...На краю Йошкар-Олы возле большого деревянного моста шофер остановил машину и ссадил нас.

— Ну, герои, приехали. Знаете, куда идти?

— Знаем.

— Вы зачем в город-то? Посмотреть?

Мы с Аликом переглянулись.

— Да так, в гости... Спасибо, дяденька.

Мы перешли мост и очутились на длинной улице, по обеим сторонам которой стояли большие каменные дома, а вдоль домов тянулись дощатые тротуары.

Какая-то бабушка показала нам, как пройти к вокзалу.

Мы идем, смотрим вокруг. И я и Алик впервые видим такие большие дома. Я нахлобучил фуражку поглубже на голову, чтобы не свалилась, и иду, задрав голову. Алик, заглядевшись на что-то, споткнулся и шлепнулся носом в пыль. Прохожие засмеялись, а Алик насупился и, засовывая ногу в свалившийся лапоть, сказал:

— Пошли скорее на вокзал, мы же не город смотреть приехали.

— Пошли,— согласился я, и мы зашагали, нигде больше не задерживаясь.

На вокзале было полно народу. Мы потолкались в зале ожидания, постояли возле очереди у кассы.

Высокий костлявый старик со злым и усталым лицом цепко схватил меня за плечо и повернул к двери:

— Во-он где конец-то очереди. Люди по пять суток ждут, а вы сразу билет хотите?

Мы отошли, тем более что билетов брать не собирались, потому что у нас не было денег.

Мы пошли бродить вокруг вокзала. На путях стояли товарные составы, туда и обратно катался маленький маневровый паровозик. Возле перрона стояли девять пустых пассажирских вагонов, все двери в них были заперты.

— Наверное, это поезд на Казань, — догадался Алик.

— Наверное,— согласился я. — В нем и поедем.

— Боязно без билетов.

— А мы, как пойдет контролер, залезем под лавку. Я в книжке читал, безбилетники всегда так делают.

Под вечер началась посадка. Мы с Аликом правильно догадались: те пустые вагоны как раз и были казанским поездом.

Люди бегут по перрону, тащат мешки, толкаются.

«Ну,— думаю,— в этой суматохе мы запросто проберемся в вагон».

Мы к дверям вагона, а там проводник:

— Куда лезете! Билеты есть?

— Дяденька, нам в Казань надо, к сестре едем,— жалобно говорю я ему.

— Без билетов не пущу! Пошли отсюда! Не загораживай дорогу!

Делать нечего, мы отошли от вагона, стали советоваться, что теперь делать. Видать, на поезд нам не сесть, ведь у каждой двери стоит проводник и проверяет билеты.

И вот поезд тронулся.

Настроение у нас сразу упало, хоть плачь. У Алика, вижу, губы дрожат. Ну что стоило проводнику посадить нас? Ведь мы же не играть едем, а на фронт бить врага.

— Ладно, Алик, — сказал я, — не дрейфь. Завтра еще попробуем: поезда каждый день ходят.

Алик кивнул головой:

— Попробуем.

Молча брели мы по городским улицам. Уже темнело. Я еле волочил ноги — ведь как-никак весь день на ногах, устал и есть хочется и спать. Но я стараюсь не показывать виду. Наверное, Алик чувствует себя не лучше моего, но и он не жалуется.

Вот тут-то я пожалел, что не записал теткиного адреса. Город не деревня, и люди здесь какие-то не такие. В деревне можно было бы попроситься переночевать в любую избу, а тут как-то боязно.

— И я не знаю, где тут живет наша родня,— сказал Алик.

Мы шли, посматривая на сараи во дворах,— может быть, банька какая, развалюшка, попадется. Но, так и не

решившись никуда зайти, вновь вышли на край города к большому мосту.

За мостом вдалеке виднелся большой стог сена. Не сговариваясь, мы молча направились к нему. Разрыли сено и забрались в теплую мягкую нору.

Проснулись мы, когда солнце стояло уже высоко. Поели картошки, съели по паре яиц и опять пошли в город, на вокзал.

Но и на этот раз нам не повезло — сесть на поезд не удалось.

— Может быть, завтра уедем,— неуверенно сказал я.

Алик махнул рукой.

— Все равно не посадят. Было бы поближе, дошли бы пешком, а фронт далеко — не дойдешь...

— Как же быть?

— Придется возвращаться домой.

Я совсем повесил голову.

— Ничего,— утешал меня Алик.— Поработаем в колхозе, заработаем побольше трудодней, будут деньги на билет...

Закинув на плечи пустые котомки, мы прошли через город и вышли на шоссе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сентябрь начался дождями. Целые дни льет и льет как из ведра, перестанет ненадолго и снова зарядит на многие часы. Под порывами холодного ветра летят и летят с деревьев листья. На грязных дорогах стоят серые лужи. Холодно и тоскливо.

Да, видать, пришла осень, а там и зима не за горами.

Ничего хорошего от наступающей зимы я не жду.

Алик идет учиться в восьмой класс. В нашем селе только семилетка, и ему теперь придется ходить за девять километров.

Раньше мы с ним вместе учились, два года даже на одной парте сидели, но я еще прошлой зимой бросил школу. Все равно больше приходится в колхозе работать, чем учиться: то на картошку посылают, то солому возить, и погулять тоже надо. Придешь вечером домой, никакая учеба не лезет в голову.

Мать меня уговаривала:

— Сынок, ведь ученому жить легче, уж как-нибудь доучился бы, хоть бы семилетку кончил...

— После войны доучусь, сейчас работать надо,— отговариваюсь я.

— Смотри, потом меня не вини: мол, учиться не посылала, на себя пеняй...

Алик, конечно, тоже работает, и погулять ему охота, но он все-таки кончил седьмой класс, сдал экзамены и вот теперь поступил в восьмой.

— Для чего тебе учиться? — говорю я ему.— В колхозе работать и шести классов хватит.

А он смеется:

— Хочу ученым быть. И тебе советую идти опять в школу.

— А ну ее!

Несмотря на ненастную погоду, на полях роют картошку. Рабочих рук не хватает, поэтому начало учебного года в старших классах перенесли с первого сентября на первое октября. Так что пока еще мы с Аликом и работаем вместе, и гуляем, а как будет потом — не знаю.

Наступил октябрь. Алик сначала каждый день ходил из школы домой, девять километров туда, девять — обратно. Потом стал оставаться в школе на неделю.

В деревне его прозвали «инженер Лепешкин», потому что он набирает с собой в школу картофельных лепешек и всю неделю только их и ест.

Алик не обижается. «Все равно, говорит, буду инженером-авиаконструктором».

Мы с ним теперь видимся редко. Он приходит домой

только на воскресенье и весь день сидит за уроками.

Таких упорных ребят, как он, которые не бросили учебы, всего пять человек на всю деревню, а остальные, как и я, не учатся. Не учатся Миклай, Сапан, Онтон — всех и не припомнишь сразу.

Мы работаем, а когда нет работы, шатаемся по деревне, не зная, куда деться от скуки.

В один ясный солнечный день я набрал в карманы картошки и пошел в лес. «Испеку,— думаю,— ее на костре».

В лесу пусто и тихо. Медленно падают последние листья, под ногами шуршит мягкая подстилка из опавшей листвы. Изредка донесется одинокий крик какой-то птицы, и снова тишина.

Я сложил костер, разжег его и сижу возле огонька один, как Робинзон Крузо.

Вдруг слышу, за спиной затрещали сучья — уж не зверь ли какой бродит? Оборачиваюсь, за мной стоит Миклай с ружьем в руке.

— Я уж думал, на дезертира наскочил, испугался,— с облегчением вздохнув, говорит Миклай.— А это, оказывается, наш, деревенский. Ты чего тут?

— Да так, — отвечаю.— Садись, гостем будешь. Сейчас картошка испечется.

Миклай положил ружье на землю и присел на корточки рядом со мной.

У Миклая вид заправского охотника: и ружье, и кожаная сумка с застежкой на боку.

— А ты чего ходишь с ружьем? Охотишься?

— Вот сороку подстрелил,— говорит Миклай, открывая сумку.

Костер прогорел, и картошка, должно быть, уже испеклась. Я выгреб из золы несколько картофелин и кивнул Миклаю:

— Бери, ешь.

Обжигаясь, мы принялись есть пахнущую дымком, кое-где обуглившуюся картошку.

— Вкусно,— сказал Миклай.— Никогда не думал, что может быть такая сладкая картошка.

Он весь вымазался в золе и саже; доест одну картофелину и тут же принимается за другую.

Мы съели всю картошку и закурили.

— Значит, охотишься? — говорю.

— Охочусь. Хочешь посмотреть, как я стреляю?

Миклай поднял ружье и прицелился в пролетавшую над поляной ворону. Бу-ух — пронесся по лесу выстрел. Бу-ух! — громыхнуло эхо. Ворона с громким испуганным карканьем взвилась вверх и улетела.

— Дай-ка я постреляю.

— А ты умеешь?

— Попробую.

Миклай перезарядил ружье и дал мне.

— Нажимай на курок.

Я взял в руки ружье. Впервые в жизни я держу в руках настоящее ружье. И радостно и боязно: сейчас нажму на курок, и оно выстрелит.

Но мне не хочется стрелять просто так, и я оглянулся вокруг, ища, во что бы мне выстрелить.

— Вон сорока сидит,— тихо шепчет Миклай.— Только далеко, не попадешь.

Мы стали потихоньку подкрадываться к сороке.

— Стреляй! — шепчет Миклай.

Прицеливаюсь, нажимаю курок. Выстрел! За белым дымом я ничего не вижу перед собой.

Когда дым рассеялся, сороки на дереве не было, ее черно-белые крылья уже мелькали вдалеке между голыми стволами деревьев.

Промазал!

Мы с Миклаем пошли бродить по лесу. Он дал мне еще раз стрельнуть, а потом говорит:

— Приходи сегодня вечером на конный двор, в пристройку для конюхов.

— Зачем?
— Там увидишь. Придешь?
— Не знаю.
— Приходи.

Вечером я пошел на конный двор. Захожу в пристройку, в которой зимой греются конюхи, там сидят за столом Миклай, Сапан, Япык и играют в карты.

— Садись с нами,— позвал меня Миклай,— играть в подкидного дурака.

— Да я не умею играть.

— А ты приглядывайся и научишься.

Я стал играть в паре с Миклаем, а Сапан и Япык — против нас. Первый кон мы остались в дураках.

Сапан и Япык смеются, а меня заело.

— Давай,— говорю,— второй кон.

— Ничего, отыграемся,— подбадривает меня Миклай.

На второй кон мы опять остались дураками, но зато третий и четвертый — выиграли. Тут уж смеяться пришел наш черед.

Мы сыграли конов десять. Я так увлекся игрой, что про все позабыл: и про то, что пора идти домой, и про то, что хочется есть.

Потом в пристройку пришел Кориш. Он посмотрел-посмотрел на нашу игру и говорит:

— Ну что это за игра? Давайте лучше сыграем в очко.

— Давай,— обрадовался Миклай.— Я банкую. В банке полтинник.

Он собрал карты и долго их перетасовывал. Тем временем ребята достали из карманов деньги и положили их на стол перед собой. У меня денег не было, поэтому я хотел было идти домой, но Миклай уговорил меня остаться посмотреть.

Весь остаток вечера я простоял за спиной Миклая.

Очко показалось мне еще интереснее, чем подкидной дурак. Вот выигрывает Япык. Выигрывает раз, другой. Ну и везет же ему! У Сапана не осталось ни копейки, но

он не ушел домой, а стал, как и я, смотреть на игру.

Уже наступила ночь, когда Миклай объявил:

— Играем последний кон.

В ту ночь мне все время снились карты — тузы, короли, десятки, шестерки. Они складывались одна к другой, и все время получалось очко. Утром я проснулся с мыслями о картах, о вчерашней игре. Мне очень хотелось самому поиграть в очко. Но где взять денег? Мать на игру, конечно, не даст...

Когда мать ушла на работу, а Нинка еще спала, я открыл крышку сундука и принялся рыться в старых отцовских рубашках. Я сам видел, как мать, завернув деньги в платок, убирала их в сундук.

Роюсь, а сердце бьется часто-часто.

Вот он, сверток. Разворачиваю, в свертке рублевки, трешки, несколько пятерок. Взять? И мне кажется, что кто-то говорит: «Возьми! Возьми!», а другой голос останавливает: «Не тронь! Нехорошо брать без спросу!»

Конечно, нехорошо, я сам это знаю. А сыграть хочется. Может быть, выиграю, как Япык. А-а, была не была! Я взял два рубля, но потом, подумав немного, один положил обратно. Может быть, мать не заметит, что денег стало на рубль меньше.

Я сложил рубахи, как они лежали прежде, и захлопнул сундук.

Громко хлопнула крышка, я вздрогнул и оглянулся на печку. Слава богу, Нинка не проснулась. Наверное, крышка хлопнула не так уж сильно, как мне показалось.

Теперь рубль у меня в кармане. А на сердце тревожно, как будто я украл этот рубль.

Нет! Я его просто взял, ведь рубль-то наш, да и мать ничего не узнает.

Вечером на конном дворе опять шла игра. Сначала поиграли в дурачка, потом начали играть на деньги.

Чтобы не проиграть сразу все, я пошел на двадцать копеек. У меня сердце замирало, когда Миклай

сдавал мне карты. Ну, думаю, прощай мой двугривенный!

Но я выиграл!

После этого я стал играть по гривеннику. Играю, а денежки все идут ко мне. Помаленьку, но накапливаются.

— Везет же Виктору,— с завистью говорит Япык.— Счастливый!

Может, я и вправду счастливый? Бабушка всегда говорила, что я родился в сорочке.

— Он хитрый,— кивнул на меня Миклай,— на много не идет, а по копейке не проиграешься.

Чувствую, что он поддразнивает меня, но не поддаюсь.

— Хватит играть,— говорю,— уже поздно, пора спать.

— Ишь какой хитрый! — дружно закричали ребята.— Сам выиграл, а теперь хочет уйти!

Оказывается, у игроков есть такой закон: если выигрываешь, то не имеешь права выходить из игры, пока другие не отпустят.

Ну что ж, раз так, давайте играть. Мы продолжаем игру. Я опять все время выигрывал.

Не знаю, сколько бы мы так играли, да пришел дед Петруш — сторож скотного двора — и прогнал нас.

Веселый, радостный шел я домой. В кармане звенит мелочь, и мой рубль цел.

Дома мать спрашивает:

— Где ты был?

— На конном дворе.

— А чего так поздно?

— Дед Петруш сказки рассказывал,— ответил я и отвернулся, чтобы мать не догадалась, что я вру.

Но мать больше ничего не стала спрашивать, а я сразу лег спать.

Я хотел положить рубль обратно, но на следующий день не сумел, а к вечеру после игры у меня осталось всего семьдесят копеек.

Мать не заметила, что в сундуке стало на рубль меньше.

Время идет, как в реке вода течет. Только вода всегда одинакова, а день ото дня чем-нибудь да отличается.

Однажды утром я проснулся, и мне показалось, что в доме стало светлее, чем всегда. Я вылез из-под старой шубы, которой покрывался на ночь, и выглянул в окно.

Все вокруг белым-бело. Землю, крыши, деревья — все покрыл белый пушистый, как гусиный пух, снег.

Пришла зима!

Я смотрю в окно и не могу сдержать улыбки, и сердце наполняет беспричинная радость.

«Ну, теперь лошади легче работать,— подумал я, припомнив поговорку, которую любил повторять дедушка: «Зимою лошадь сани на хвосте увезет».

С наступлением зимы работы не стало меньше: то ездим в лес за дровами, то возим корма для скотины, то навоз на поля. В общем, дела хватает. Иной раз утром проснешься — темно, холодно, так неохота вставать, а приходится.

Отец, уходя на фронт, наказывал мне:

«Ты, Виктор, останешься один мужик в доме, смотри, помогай матери, от работы не бегай».

Я стараюсь, выполняю отцовский наказ, за любое дело берусь, ни от какого наряда не отказываюсь — в лес так в лес, на поле так на поле.

Курить я стал всерьез. Однажды конюх дед Петруш посмеялся:

«Ты, говорит, Витька, стал заправским мужиком, все дымишь да дымишь, как паровоз...»

Меня его слова, честно признаться, обрадовали.

Мать, бывало, ругает меня за курение, но я курить не бросаю, потому что я теперь мужик, сам себе хозяин: что хочу, то и делаю.

В карты мы играем каждый день. Я так пристрастился к игре, что, кажется, дня бы без карт не прожил. Иногда

мы играем даже на работе, отойдем куда-нибудь в сторонку и перекинемся разок-другой.

Зима между тем завернула не на шутку. Только выйдешь на улицу, мороз сразу хватает за нос, щиплет за щеки, пробирает до самых костей. Старая одежонка греет плохо.

На всех окнах намерзло льду на палец. Утонувшие в сугробах дома кажутся подслеповатыми стариками, пригнувшимися к земле под тяжестью лет и немощей. Посмотришь на них — и становится их жалко.

Из-за сильных морозов вот уже третий день нас, возчиков, бригадир не наряжает на работу.

Я сидел-сидел дома, заскучал и вышел на улицу. Улица совсем пуста, даже ребятишки все сидят по домам, и я тоже вернулся в избу.

Мать села прясть. Мелькают ее быстрые руки, жужжит прялка, тянется нитка. Я смотрю на мать и удивляюсь: всегда у нее в руках какая-нибудь работа, и чего только она не умеет — даже топором работает, как настоящий плотник!

В избе темновато, только у самого окошка еще что-то видать.

А все-таки, если правду сказать, скучновато без учебы.

Я залез на полати и достал оттуда свои книги. Среди старых учебников у меня там был роман Шкетана[1] «Эренгер». Когда-то, еще в школе, я начал его читать и не дочитал.

Читать я люблю. Бывало, когда учился, всегда брал книги из библиотеки.

Я сел с книгой к окошку. Сижу, читаю. Вдруг слышу в сенях чьи-то шаги. Скрипнула дверь, и в избу вошел окутанный морозом Миклай.

— Чем занимаешься, Виктор?

---

[1] М. Шкета́н (1898—1937) — марийский писатель-классик.

— Читаю. Очень интересная книга — «Эренгер». Вот кончу и дам тебе почитать. Хочешь?

— Да нет, не надо. Неохота читать. Пойдем лучше на конный двор, все ребята там, — сказал Миклай и потихоньку, чтобы не услышала мать, добавил: — В карты сыграем.

— У меня денег нет.

— Я тебе займу. Выиграешь — отдашь.

Что-то добрый стал Миклай: то у него копейки не выпросишь, а тут сам предлагает. Сыграть, конечно, хорошо, да боязно брать у него деньги. Если опять проиграюсь, чем отдавать? Я вздохнул и говорю Миклаю:

— Нет, не пойду. Я лучше книгу почитаю.

— Потом почитаешь. Книжка от тебя никуда не уйдет, а я тебя научу, как всех обыгрывать.

— А ты сам-то умеешь?

— Сегодня научился. Пошли, по пути расскажу. Одевайся.

Миклай взял у меня из рук книгу и забросил на полати. Мне очень хотелось научиться выигрывать, и я стал одеваться.

— Куда вы в такой мороз? — спрашивает мать.— Сидели бы дома...

— Мы, мама, на конный двор.

— Опять сказки слушать?

Миклай хотел что-то сказать, но я ему подмигнул: молчи!

— Сказки. Дед Петруш опять обещал рассказывать.

— Ну ладно, иди,— кивнула мать.— Да смотри не поморозься.

Я быстро оделся, и мы с Миклаем вышли на улицу.

— Ну,— тороплю я Миклая, — выкладывай скорсе.

— Не погоняй,— отвечает Миклай,— тут дело такое: прежде чем говорить, сообразить надо.

— А кто тебя научил?

— Никто, я сам узнал. Мой дед сегодня соседу рассказывал, как и в прежние времена в карты играли, а я подслушал. Вот тогда играли так играли! По тыще рублей проигрывали. И на лошадь играли, и на корову.

— Не может быть! — не поверил я.

— Ей-богу! Дед рассказывал, что он сам один раз на ярмарке выиграл лошадь с телегой.

— Здорово ему повезло!

— Повезло! — засмеялся Миклай.— Он безо всякого везенья выиграл.

— А как же?

— Хитростью. Давай и мы сегодня попробуем играть, как дед.

— А сумеем?

— Сумеем, это очень просто. Ты будешь смотреть в карты того, кто играет против меня, и показывать мне условными знаками, сколько очков он набрал. А я буду тебе показывать.

— Какими знаками?

— Если у него шестнадцать очков, ты себя берешь за нос, если семнадцать, дотронешься до уха, если восемнадцать — до правого глаза, девятнадцать — до левого, а двадцать — почешешь в затылке. Понятно?

— Понятно. Только ребята нас за такое дело поколотят.

— Вот дурак! Они ничего не узнают. Дед всю жизнь так играл и ни разу не попался. Вот мы сегодня всех объегорим! — радуется Миклай.

На конном дворе игра уже шла вовсю.

— А ну дайте мне карту! — весело говорит Миклай.

— И мне,— тихо говорю я.

Когда Миклаю подошла очередь банковать, он подмигнул мне: мол, гляди в оба и помни уговор.

Первым начал набирать карты Сапан. Мне хорошо видны его карты. Вот он набрал семнадцать очков. Теперь набирает карты Миклай. Набрав шестнадцать очков, он ос-

тановился, как бы раздумывая, брать ему еще карту или не брать, а сам поглядывает на меня.

Я быстро дотронулся до кончика носа и сразу же отдернул руку. Мне показалось, что все ребята заметили этот знак. Но никто ничего не заметил. Миклай взял еще одну карту и выиграл.

Первый добытый хитростью гривенник перешел от Сапана к Миклаю.

Хитрость удалась на славу, мы с Миклаем выигрываем чаще всех. Ребята раззадорились, им тоже хочется выиграть, а Миклай смеется:

— Кончай играть, а то я все деньги у вас выиграю!

— Ты небось жулишь! — сердито сказал Сапан.

— Ничего не жулю, просто надо уметь играть.

Мы играли до тех пор, пока не начало темнеть, и, чтобы разглядеть карту, приходилось подносить ее к самым глазам.

Я собрался идти домой, но Миклай остановил меня:

— Виктор, поди-ка сюда.

Мы с ним пошли за конюшню.

Там стояли, видимо ожидая нас, Кориш, Сапан и Япык.

— Вот что, Виктор,— говорит Миклай,— хочешь выпить?

— Чего?

Кориш засмеялся и, задрав подбородок, щелкнул себя по горлу:

— Как — чего? Того самого.

Я растерялся:

— Нет, не хочу... Мы же не мужики, пить водку...

— Денег жалеешь? — спросил Миклай.

— Денег не жалко, да... — Я замялся, стараясь придумать какую-нибудь отговорку. Я никогда не пил водку и, по правде говоря, боялся пить.

— Ну и жмот же ты! — усмехнулся Сапан.— Всех обыграл, а несколько рублей жалеешь.

— Присоединяйся к компании,— сказал Кориш.

Миклай первым вынул из кармана две трешки. За ним стали выкладывать деньги другие, и я тоже дал пятерку.

Кориш убежал и вскоре вернулся с двумя поллитровыми бутылками, заткнутыми тряпочными пробками. Даже сквозь пробки чувствовался тяжелый дух самогонки.

— А где будем пить? — спросил я.

— Не беспокойся, не впервые,— подмигнул Миклай.— Пойдем на мельницу к Семону Фомину, с ним всегда можно договориться. Поднесем ему стопку — и все в порядке.

С тощим, беспрерывно кашляющим мельником Семоном Фоминым мы действительно сразу договорились. Он даже обрадовался нашему приходу, засуетился, достал железную кружку, на закуску дал пару луковиц и соленых огурцов.

Миклай откупорил и разлил первую бутылку. Кружку он подал мельнику, один стакан взял сам, другой протянул мне:

— Пей, Виктор! Только не тяни, а сразу.

— Сам знаю,— ответил я, стараясь держаться так же уверенно, как Миклай и другие ребята.

Я поднес стакан ко рту. От густого, тяжелого запаха, шедшего от самогона, меня начало мутить, но я зажмурился и отхлебнул сразу полстакана.

Рот и горло обожгла противная горечь, я задохнулся и широко раскрыл рот, глотая воздух.

— Молодец! — послышался одобрительный возглас Миклая. — Крепкий парень. Закусывай скорей.

Я сунул в рот половину соленого огурца. Ядреный рассол немного заглушил горечь. Вдруг чувствую, все вокруг меня поплыло, голова сделалась какой-то легкой-легкой, мне стало весело.

Мельник, выпив свою кружку, сразу опьянел. Он вылез из-за стола и пошел плясать, топчась на одном месте и размахивая руками. Ребята засмеялись:

— Давай-давай пляши, Семон!

А Семону это нравится, он старается еще больше — то притопывает по-марийски, то скачет по-русски вприсядку и сам себе напевает «Барыню»:

— Барыня ты моя, сударыня ты моя! Э-эх!

Ни русской, ни марийской пляски у него не получается, но для пьяного все сойдет. Ему, наверное, кажется, что он пляшет очень хорошо.

Потом на помощь Семону вышел Кориш. Мы смеемся, заливаемся, а они стараются один перед другим. У Кориша развязалась оборка на лапте, Мельник как-то наступил на нее, Кориш шлепнулся на пол, задрав вверх ноги. Мы чуть не лопнули со смеху.

Только поздней ночью мы ушли с мельницы.

Идем через овраг к деревне, орем песни, падаем, хохочем — смешно ведь!

Но, когда я подошел к дому, веселость моя начала проходить. Потихоньку, чтобы не разбудить мать, я вошел в избу. Потихоньку стараюсь пробраться к своей лавке, но по пути споткнулся о прислоненный к печке ухват.

Ухват с грохотом свалился, и я тоже грохнулся на пол.

— Чего ты там шумишь? — крикнула с полатей мать.

— Да так... и-ик... ничего,— заикаясь и еле ворочая языком, говорю я.— Просто так... И-ик!

— Да ты, никак, пьян!

Мать спустилась с полатей и засветила лампу.

— Вправду напился...— удивленно сказала она.

Я пытался встать, но обледеневшие лапти скользили по полу, как коньки по льду. Кое-как поднялся и стою, покачиваюсь посреди избы.

Мать подошла ко мне и с размаху влепила пощечину.

— У-у, пьяная рожа! От горшка два вершка, сопли сам утереть не можешь, а напился, бессовестный!

Я молчу, а мать меня ругает:

— С кем пил? Где денег взял? Что молчишь? Вот сейчас возьму сковородник да отколочу как следует!

— Меня ребята напоили... Пристали и напоили сило́м...

— Что, у тебя своей головы нет? А если они тебя заставят в огонь лезть, и в огонь полезешь? Отец на фронте воюет, кровь свою проливает, а ты...

Вижу — на глазах у матери слезы, я тоже всхлипнул и заплакал:

— Мама, я больше не буду... Никогда не буду пить... Честное слово, мамочка...

Мать помогла мне разуться, и я стал карабкаться на лавку.

Вдруг у меня к горлу подкатил комок. Чувствую, сейчас меня вырвет, зажал рот ладонью. Мать быстро подставила мне помойное ведро.

— Будешь знать, как пьянствовать, зеленая твоя голова! — с укором приговаривала мать.

Когда я проснулся на следующее утро, то мне было стыдно смотреть матери в глаза. Голова трещит, но я не смею пожаловаться, только пью и пью холодную воду. Вот оно, оказывается, какое бывает похмелье!

Так, с головной болью, я пошел на конный двор. В тот день у нас был наряд возить солому.

Когда я запрягал Томаса, ко мне подошел Миклай:

— У тебя голова не болит?

— Болит немного.

— А у меня здорово болит.

Кориш и Сапан с Япыком ничего не говорили, но по их хмурому виду можно было догадаться, что им тоже не по себе после вчерашней пьянки на мельнице.

Молча подъехали мы к гумну.

— Эй, женихи, что припозднились? — встретила нас насмешливым вопросом бойкая черноглазая Настуш.

Я покраснел, а Миклай не растерялся:

— Всю ночь вы, невесты, снились, просыпаться не хотелось.

Девушки засмеялись. Ну и молодец же Миклай: никогда за словом в карман не лезет, всегда у него на

языке какая-нибудь шутка. Я, по правде сказать, всегда завидую его бойкости.

С шутками и прибаутками девушки принялись грузить солому на сани, мы стали им помогать. Настуш, смеясь, толкнула Миклая, и он, дрыгая ногами, скатился с высокой скирды вниз.

Миклай вскочил, взлетел, как белка, на скирду и обхватил плечи Настуш, стараясь ее повалить. На помощь девушке бросились ее подруги. Они облепили Миклая со всех сторон. Тогда я ринулся выручать товарища, оттолкнул в сторону румяную толстушку Ануш, схватил за руку Олюк и стал тянуть ее к себе. Но нас двое, а девушек человек пятнадцать, да и старше они нас и сильнее. Ануш с Олюк повалили меня, сунули головой в солому и давай щекотать.

— Ой, ой! — кричу я и заливаюсь хохотом.— Ой, пустите!

Глядя на нашу веселую возню, улыбались и женщины-солдатки.

— Нельзя же все время горевать,— сказала Орина, жена Элексана. — Приходите, девушки, сегодня ко мне. Посидим вместе. Надоело все одной да с детьми.

— Ладно, придем, тетя Орина,— ответила Настуш.

— А нас ты не зовешь? — повернулся к Орине Миклай.

— Приходите, приходите, веселей будет,— согласилась Элексаниха.

— Ну уж если ребята придут, только будут мешать прясть, — сказала Настуш.

— А мы вам будем не мешать, а помогать!— крикнул Сапан.

Ишь ты, тоже считает себя парнем, напрашивается на посиделки!

— И ты, Виктор, приходи,— зовет меня Миклай. — Будем в карты играть.

Но мне как-то неудобно идти на девичьи посиделки. Еще мал.

— Нет, не пойду, — отвечаю, — неохота.

Но вечером ребята зашли за мной и уговорили пойти. В сенях нас встретила Элексаниха. Она приоделась по-праздничному: надела свой самый красивый шымакш. Ее лицо сияет, как весеннее солнышко.

— Проходите, проходите, парни,— приглашает она нас в избу, сверкая зубами и приглаживая и без того гладко причесанные русые волосы.

Мы вошли в избу. На столе, плавая в плошке с керосином, горел маленький, как мышиный глаз, огонек. Вдоль стен на лавках сидели девушки, тихо жужжали прялки. Девушки тихо переговаривались и пересмеивались.

Мы прошли прямо к столу и сели играть в карты.

Элексаниха уложила своих детей спать и тоже села за прялку.

Девушки приумолкли.

— Что вы, девушки? Спойте, что ли... — сказала Орина.

Настуш тоненьким голоском завела грустную старинную песню.

Почему большинство марийских песен такие грустные? Слушаешь, и прямо за душу берет. А в такое трудное, тяжелое время они особенно трогают сердце.

Девушки поют о милом, ушедшем на войну, о том, как подружка ждет его и грустит.

Кончилась песня, и наступила тишина, только слышатся тихие вздохи. И Элексаниха тоже вздыхает. В каждый дом заглянула война, оттого-то и растревожила всех эта песня.

Вдруг Орина провела ладонью по лицу, как будто стирая с него грусть, и, сверкнув белыми зубами, громко сказала:

— Хватит, девушки, грустить. Давайте веселую! Ну, Ануш!

Смешливая розовощекая Ануш засмущалась и стала еще розовее. Но она бросила взгляд в нашу сторону и запела:

Много есть парней на свете,
Но глупее наших нет:
Ходят мимо и не видят,
Что цвету, как маков цвет.

И посыпались частушки, одна другой задорнее и озорнее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Однажды утром мать разбудила меня раньше обычного:

— Сынок, сегодня, говорят, будут собирать подарки на фронт. Что пошлем?

— Давай пошлем яиц.

— Какие яйца! Болтаешь невесть что, как маленький, — махнула рукой мать. — Говорят, надо посылать теплую одежду. А у нас из теплой одежды ничего лишнего нет. Эх, жизнь!

Мать принялась проклинать войну, Гитлера, а я думал: что бы все-таки послать на фронт?

Я ходил в отцовских почти новых валенках, а мои, залатанные, валялись за печкой. Я достал их, осмотрел, обул — вполне можно носить. Правда, вид не такой, как у новых, но ничего, зиму как-нибудь прохожу. А на будущую, глядишь, справим новые.

— Вот, пошлем валенки,— говорю я матери.— Валенки новые, хорошие.

— А в чем же ты будешь ходить?

— Старые обую.

— Правильно, сынок. Может, отцу попадут...

В правлении было полно народу. Кто принес шубу, у кого в руках теплая шапка, у кого варежки.

Счетовод Качыри на большом листе бумаги записывает,

кто что принес, и складывает все в большой, уже наполовину заполненный ящик.

Запыхавшись, к столу пробилась Макариха и положила на стол сверток.

— У тебя что? — спрашивает ее Качыри.

— Пиши: варежки,— отвечает ей Макариха.

Качыри взяла сверток. Но тут из свертка вывалилась большая желтая репа.

— А это что? — удивленно спросила Качыри.

— Как — что? Не видишь разве — репа,— затараторила Макариха. — Мой Макар страсть как любит репу. Бывало, дома ничего ему не надо, только репу подавай, сырую ли, вареную — ему все одно. Вот стала я посылку собирать и думаю: положу-ка репы, порадую моего Макара. Ты не вытряхивай ее, клади обратно. Клади обратно, кому говорю?

Люди вокруг засмеялись.

— Тетенька, неудобно посылать репу, да и померзнет она в пути, — говорит Качыри.

— Почему неудобно? — упрямится Макариха.— Может, и не померзнет. Клади, клади, не сомневайся.

— А мой Иван любил морковь,— задумчиво проговорила тетя Верук.

Женщины стали вспоминать былую, довоенную жизнь, мужей, сыновей, сражающихся сейчас на фронте, что они любили, да что говорили, да какие песни пели...

Но мне некогда было слушать, у меня наряд: возить навоз со скотного двора в поле.

В обед на скотный двор пришла наш бригадир тетя Наталий и говорит:

— Ребята и девушки, сегодня вечером все приходите в правление, будет открытое комсомольское собрание.

— А некомсомольцам тоже приходить? — спросила Верук.

— Всем, — ответила Наталий. — Я же сказала, собрание открытое.

— По какому вопросу будет собрание? — поинтересовалась Ануш.

— Придете — узнаете.

Мы с Миклаем выехали со скотного двора: Миклай впереди, я — за ним. За полевыми воротами Миклай привязал вожжи за оглоблю — лошадь сама знает, куда идти — и подошел ко мне.

Он достал свою коробку с табаком, мы свернули цигарки.

День стоит теплый, тихий. Ярко сияет солнце, сверкает снег. Даже как будто пригревает.

— Ты не знаешь, чего нас всех на комсомольское собрание зовут? — спросил я.

— Небось станут уговаривать вступать в комсомол, — ответил Миклай, сплевывая в снег. — Только я не думаю туда записываться, проживу без комсомола.

— Почему? Ведь комсомол, как говорится, передовой отряд. Вон на фронте комсомольцы какие подвиги совершают.

— То на фронте, а то в колхозе. Тут какой героизм покажешь? С девчатами, что ли, драться?

— Почему с девчатами? Мы же работаем, фронту помогаем, — говорю я.

— Чего ты ко мне пристал? Подумаешь, агитатор! Я и так могу работать, без комсомола. Хочешь — вступай, а у меня своя голова есть.

Вижу, Миклай начинает злиться, но я все-таки не отстаю от него:

— Ну, а все-таки скажи, почему ты не хочешь вступать в комсомол?

— Потому что вступишь, потом с ума сойдешь: чуть ли не каждый день ходи на собрания. Погулять там, побаловать — не смей. У них на этот счет строго, я уж знаю. В комсомоле в карты сыграть не придется, там за игру на деньги по головке не погладят.

Слова Миклая заставили меня задуматься, и вечером,

вместо того чтобы идти на собрание, я опять пошел с Миклаем к Элексанихе играть в карты.

На следующий день, когда мы с матерью и Нинкой сидели в избе и ели картошку с капустным рассолом, в избу вошел почтальон дед Еремей. Мать обрадованно поднялась ему навстречу: письмо от отца!

Но Еремей, не глядя на мать и еле поздоровавшись, тяжело вздохнул и, протягивая матери бумажку, сказал:

— Вот, за каким-то извещением вызывают в райвоенкомат...

Мать побледнела, у меня забилось и сжалось, замерло сердце.

— Может, еще и не похоронная, — тихо проговорил Еремей.

...Мать вернулась из военкомата в слезах. Войдя в избу, она упала на лавку ничком и зарыдала:

— Как же будем теперь жить? Погиб отец-то... Погиб!

В этот вечер мы легли спать без ужина. В доме было холодно и тоскливо, как на кладбище. Я плакал, закрывшись с головой на своей лавке, и сам не заметил, как заснул.

Мне снилось, будто я на фронте и встречаю отца.

«Как же ты, сынок, попал сюда? — спрашивает отец. — Как вы там, дома, живете?» — и ласково, как бывало раньше, до войны, гладит меня по голове.

С этим я и проснулся. Оглянулся — лежу в избе, вокруг темно — ни фронта, ни отца.

Неужели отец погиб? Мне не хочется верить в это и не верится. Он все время стоит перед моими глазами живой.

Утром я говорю матери:

— Может, отец не погиб... Может, он жив, вернется еще...

— Все может быть, — тихо отвечает мать, — бывает, и после похоронной люди возвращаются...

После получения извещения о смерти отца мать заметно постарела, вокруг глаз у нее появились морщинки. Каж-

дый день она плачет, старается скрыть это от нас, но мы все равно знаем.

— Теперь, Виктор, ты хозяином в доме вместо отца остался, — говорит мать. — Будь таким, как твой отец. Его все в деревне поминают добрым словом...

А какой из меня хозяин? Меня до сих пор еще тянет поиграть с ребятами, погонять по улице в казаки-разбойники или в войну, и иной раз, не выдержав, я ввязываюсь в их игру. Но слова матери заставляют меня призадуматься.

Я теперь очень часто думаю об отце, вспоминаю, каким он был, как жил, как работал, что говорил. Только я вспоминаю об отце лишь хорошее не потому, что он умер, он и вправду был такой — добрый, веселый, ласковый. За всю мою жизнь он ни разу меня не ударил. Бывало, нашкодишь, он посадит рядом с собой, посмотрит в глаза и скажет: «Ну, рассказывай, что ты натворил?» И как-то язык не поворачивается соврать или скрыть что-нибудь. Рассказываешь, а сам от стыда готов сквозь землю провалиться и думаешь: «Больше никогда-никогда не буду». Отец, видимо, понимал это и даже не ругал, только скажет: «Больше так не делай, это плохо». А я уж сам все понял и уж в другой раз ни за что так не сделаю.

Да, я хотел бы быть таким, каким был мой отец...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Долго, очень долго тянулась зима со злыми буранами и трескучими морозами. Но вот и она подходит к концу. Наступил март. Днем под теплыми солнечными лучами с крыш струится капель, а вечерами на них повисают длинные, похожие на девичьи косы, сосульки.

— Слава богу, зиму прожили,— говорит мать и вздыхает.— Как-то теперь до лета доживем?.. Картошки, наверное, опять на семена не останется...

Картошка в подполье тает, как снег под весенним солнцем, куча уменьшается прямо на глазах. С наступлением весны есть почему-то хочется больше. Видно, оттого, что дни стали длиннее. Зимой хоть картошки было вдоволь, а теперь мать считает каждую картофелину.

С начала посевной работающим в колхозе начали выдавать печеный хлеб. Мы с матерью выходим на работу вдвоем.

В нашем-то колхозе с питанием еще ничего, в соседнем — хуже.

А жизнь идет своим чередом. В тихие весенние вечера над деревней запевает гармонь, девушки и ребята, как ведется исстари, выходят на гулянье к полевым воротам. Я тоже каждый вечер, как только услышу гармонь, не могу сидеть дома.

Девушки и ребята постарше пляшут, поют, а мы, подростки, дурачимся, дразним их. Они злятся на нас, ругаются, гоняют. А нам только этого и надо — расходимся еще пуще.

Однажды на гулянье Миклай отозвал меня в сторону и шепотом говорит:

— Виктор, я тебе скажу одну вещь, только ты — молчок, никому не проболтайся.

— Говори.

— И тебе польза от этого будет.

— Ну говори, говори!

— У вас хлеба нет, у нас тоже, вон и у Кориша с едой плохо. Ведь правда хорошо бы хлебца поесть досыта?

— Ага, — согласился я, глотая слюну.

Миклай придвинулся к моему уху и зашептал:

— Мы с Коришем решили как-нибудь ночью слазить на мельницу за мукой. Иди в компанию.

— Что ты?! — отшатнулся я от него. — Что ты говоришь? Чем воровать, я лучше с голоду подохну!

— Дурак ты! Чего боишься? Ты будешь только на плотине стоять и смотреть, не идет ли кто, а мы с Коришем

залезем в склад. У Кориша есть ключ, он в кузне сделал. Мельник Семон, говорят, спит как мертвый. Да если и проснется, все равно нас не догонит — куда ему! Не бойся, не попадемся...

— Ой, Миклай, и не зови, не пойду. Если мать узнает, повесит меня вниз головой.

— Эх ты, зайчишка-трусишка, матери испугался. Я вот никого не боюсь. Пошли, сыты будем!

— Нет, не пойду.

— Не пойдешь? — Миклай приблизил свое лицо к моему, и я увидел, что при свете луны его глаза сверкнули желтыми зловещими огоньками. — А не пойдешь, так если попадемся, все равно скажем, что ты был с нами. И матери твоей расскажу, как ты у нее деньги стащил...

Я растерялся, стою, не зная, что ответить. Даже неохота думать о том, что будет, если мать узнает, как я потихоньку залез в сундук и утащил рубль. Как же мне быть? Может, правда, пойти с Миклаем? Да и наесться досыта хлеба хорошо бы...

— А тебя мать за такие дела не заругает? — спросил я Миклая.

Миклай усмехнулся:

— Она ничего не узнает. Возьмем муку, отнесем к Коришу, у него испечем хлеба. Кориш не то что ты — он геройский парень. Это он придумал залезть на мельницу.

— Чего ж тут геройского?

— А думаешь, воровать надо мало смелости?

— Да, конечно, немало, — согласился я.

— Ну как, надумал? Идешь?

— Не знаю, — неуверенно проговорил я. — Я еще подумаю.

— Ну ладно. Тогда завтра с вечера приходи ко мне.

Вернувшись домой, я долго не мог заснуть, лежал и все думал о предложении Миклая. В конце концов я решил — будь что будет, схожу с ними один разок.

Я уже видел перед собой большой душистый теплый

каравай с хрустящей, поджаристой корочкой, ощущал ни с чем не сравнимый медовый запах свежего хлеба.

На следующий вечер я сказал матери, что пойду ночевать к Миклаю.

— Зачем людей стеснять, как будто своего дома нет! — пыталась она меня отговорить.

— Да Миклай один в доме остался, у него все в Пюнчерсолу поехали.

У Миклая и бабка и мать зачем-то ушли в соседнюю деревню, поэтому мать еще поворчала, но отпустила меня.

Мы с Миклаем пошли к Коришу.

— В избу не будем заходить, подождем в березнячке за огородом, — говорит Миклай. — Мы с ним так условились.

Вскоре пришел и Кориш. Увидев меня, он недовольно сказал:

— Витьку зачем привел?

— Он будет на плотине сторожить. Если кто пойдет, предупредит.

Кориш недоверчиво посмотрел на меня:

— Да он, если кого увидит, сам первый задаст стрекача и про нас забудет. Вот увидишь.

«Сейчас прогонят. Только бы не прогнали!» — подумал я, и так мне вдруг стало обидно, что я позабыл, как мне раньше не хотелось идти на мельницу.

— Я не убегу. И никого не побоюсь! — набиваю я себе цену, стараясь показать свою храбрость перед Коришем и Миклаем.

Кориш махнул рукой:

— Ладно уж. Раз пришел, так пошли вместе. Только смотри, сторожи лучше. Ведь и мы в первый раз идем на такое дело.

Кориш вздохнул, и мне даже показалось, что ему не особенно хочется идти воровать муку.

Я никогда прежде не замечал за Коришем особого геройства. Парень он тихий, работящий, вечно чем-нибудь

занят, даже на гулянки не ходит. Да и некогда ему ходить: он один мужик в доме. Семья у них большая — он, мать и еще трое маленьких детей. Отец на фронте. Мать как раз тем летом, когда началась война, упала с воза и растянула сухожилия на руке. Дома-то она кое-как копается по хозяйству, а к настоящей колхозной работе с тех самых пор стала не способна. Кориш у них один работник.

Тут же в березнячке мы договорились, как будем действовать. Мне велели стоять на плотине и в случае опасности три раза пролаять по-собачьи.

По деревне пропели первые петухи. И снова наступила тишина. Мы посидели еще немного и потом, спустившись к речке, берегом пошли к мельнице.

Вода в реке черная и блестящая, как деготь. Узенький серпик луны еле светится. Тускло мерцают звезды, словно вбитые в небо медные гвозди. В деревне тихо, не слышно даже лая собак.

Впереди над плотиной показался большой черный силуэт мельницы.

Миклай и Кориш оставили меня на плотине, а сами, пригибаясь по-кошачьи, крадутся к дверям мельничного амбара.

Я уже пригляделся, и мне теперь видны мельница, стена амбара, широкая дверь и даже большой черный замок на двери. Кориш и Миклай подошли к двери и остановились, прислушиваясь.

Щелкнул замок. Опять тишина. Потом чуть слышно скрипнула дверь, раскрылась, как пасть какого-то огромного зверя, проглотила Кориша с Миклаем и снова закрылась.

Я стою, вытягиваюсь, кручу во все стороны головой и слушаю, слушаю. Но вокруг ни звука. Тишина на мельнице, тишина в деревне.

Все спят и не знают, что мы тут крадем колхозный хлеб! А вдруг нас заметят? Что тогда будет? Но об этом даже страшно подумать, и я, махнув рукой, решил: «Если

сегодня не попадусь, больше на такое дело ни за что не пойду».

Вдруг на мельнице что-то стукнуло, как будто открылось окошко. Я хотел залаять, но у меня перехватило дыхание, и я не мог издать ни одного звука. Я хотел бежать, но ноги приросли к земле — все! Я закрыл глаза, ожидая, что сейчас меня схватят.

Но вокруг было тихо. Я открыл глаза. Все также безмолвной громадой чернела мельница, чернел амбар, не слышалось ни голосов, ни шагов, никто не выходил из мельницы.

«Наверное, просто ветер стукнул плохо закрытой ставней», — понял я.

Кориш и Миклай что-то застряли в амбаре. Когда же они выйдут? Почему так долго?

Но вот дверь амбара приоткрылась, и на пороге показались черные тени. Это они!

До меня донесся тихий дрожащий голос Кориша:

— Виктор, иди сюда!

Я оглянулся кругом и, тоже пригибаясь, сбежал с плотины к ним.

— Помогай, — сказал Миклай.

Мы вытащили из амбара тяжелый белый мешок, и Кориш снова запер тяжелую дверь.

Ах, какая вокруг тишина! Громко вздохнешь и то слышно. А сердце колотится, колотится, того гляди, выскочит из груди.

Миклай взвалил мешок себе на спину, мы с Коришем поддерживали мешок с боков. Стараясь не шуметь, мы быстро побежали по плотине к деревне.

Задами пробрались на огород к Коришу и спрятали муку на сеновале.

К обеду по деревне разнеслась весть: с мельницы украли мешок муки. Все только об этом и говорили. Ругали воров, гадали, кто бы мог решиться на такое гнусное дело. Если бы кто-нибудь посмотрел на нас повнимательнее,

то заметил бы, как мы волнуемся: то бледнеем, то краснеем. Но, к счастью, па нас не обращали внимания. Называли много имен, но своих мы не услышали.

— Какой же это мельник! — ругали люди Семона. — Даже хлеб у себя на мельнице не может укараулить!

Что верно, то верно: здоровье у Семона никуда, кожа да кости, и к тому же не переставая кашляет. Ему бы не работать, а сидеть на печке, да куда денешься — в доме пятеро детей, их кормить надо.

Как только не ругают люди вора, как только не клянут!

А у меня в голове разные мысли: с одной стороны, радостно, что мы так ловко сумели украсть и не попались, а с другой — душа болит. Утешая себя, я оправдываюсь: «Если бы не эта проклятая война и если бы у нас был хлеб, ни за что не пошел бы воровать. Все война виновата...»

Война войной, а все равно как-то не по себе.

Вечером Кориш увел нас с Миклаем к себе в огород и вынес каравай хлеба. Он разломил хлеб пополам и протянул нам:

— Ешьте досыта.

Мы набросились на хлеб, как голодные волки. Сначала мы кусали, жевали, глотали спеша, давясь и не говоря ни слова. Потом, когда мы немного наелись, нам сделалось очень весело.

— Вот как здорово получилось, все шито-крыто, — сказал Миклай. — Кориш в амбаре говорит: «Давай возьмем немного», а я ему говорю: «Брать так брать, возьмем, сколько унесем». Теперь нам муки недели на три хватит. Держись, Витька, меня, со мной не пропадешь!

Похвальба Миклая раззадоривает меня, я тоже хочу показать, что и я кое-что сто́ю.

Я уже не вспоминал, как замирало сердце, когда я стоял на плотине и прислушивался к каждому шороху, как мне было страшно и неприятно. Теперь и я чувствовал себя вроде бы героем.

— Когда вы вошли в амбар, — говорю я, — то слышу, на мельнице шевелится кто-то, вроде бы окно открывает. Я хотел залаять, а потом думаю: «Нет, надо подождать, выяснить, что это. Убежать всегда успеем».

Миклай перестал жевать и посмотрел на меня насмешливо:

— Вот небось перепугался!

— Сам ты перепугался,— обиделся я.— Я нарочно выжидал, а то убежали бы без муки.

— Ладно-ладно,— успокоил меня Миклай.— Рассказывай дальше.

— Ну и все. Подождал, посмотрел — никого нет. Это, оказывается, Семон забыл закрепить ставню, она и хлопнула.

— Молодец,— похвалил меня Миклай.— А все-таки здорово мы дельце обтяпали. Теперь-то уж не найдут.

— Не хвались, печенка лопнет,— говорю я.

А Миклай доел последний кусок и похлопал себя по животу:

— Попробуй, отыщи здесь!

Поев, мы пошли на улицу, откуда уже доносились звуки гармони.

— Ты чего сегодня такой веселый? — спросил меня Сапан.

— Я всегда такой,— отвечаю я, а сам улыбаюсь.

Ох, как много значит, когда полон живот! Вот наелся, и сразу же стало жить веселей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весну сменило лето. Куда ни глянешь, везде цветы. Зацвели сады, зацвели луга и леса, и даже небо голубеет, как незабудки возле речки.

Красивое лето, да мало от этого радости. Уже почти все в деревне подъели хлеб, доели картошку, а до нового урожая ох как долго!

Хорошо хоть подросли борщевик, крапива, щавель. Мы их кладем в щи. Едим также хвощ и всякую другую траву.

— Как-нибудь дотянуть бы до нового хлеба,— говорит мать,— а там бы мы уж вздохнули...

Каждый вечер мы с Миклаем ходим к Коришу в огород и там, присев на корточки среди высокой белесой, как будто припорошенной мукой, лебеды, тайком едим хлеб. А потом — на гулянье.

С вечера наешься, и утром не так хочется есть. Мать, заметив, что по утрам я мало ем, забеспокоилась:

— Виктор, ты не заболел ли?

— Нет, мама, просто что-то по утрам аппетита нет.

Не могу же я сказать ей, что каждый вечер наедаюсь ворованным хлебом.

В школах кончился учебный год. Алик теперь все время в деревне и каждый день выходит на работу. Я встречаю его то в поле, то на конном дворе, но прежней дружбы между нами нет.

Как-то не по себе мне с ним. Хоть он, наверное, и не догадывается, что я участвовал в воровстве колхозного хлеба, но все равно стыдно мне перед ним. Встретимся: «Здравствуй»,— «Здравствуй», — и все.

Сегодня утром иду я по улице, вдруг слышу он окликает меня:

— Виктор, постой!

Я остановился.

— Куда идешь?

— На конный двор.

— Мне тоже туда. Пойдем вместе.

Мы пошли с ним рядом.

— Как поживаешь? — спрашивает Алик.

— Да так... Ничего...

— Почему не заходишь ко мне?

— Некогда,— отвечаю я.

— Вот оно что! — протянул Алик и замолчал.

Так, молча, мы дошли с ним до конного двора. Я вздох-

нул с облегчением, когда дед Петруш зачем-то позвал Алика и он ушел в конюшню.

В обед возвращаюсь я на конный двор и вижу, возле конюшни в холодке сидят все наши ребята с дедом Петрушем вокруг Алика, а он что-то рассказывает.

Я распряг лошадь, отвел в конюшню и подошел к ребятам.

Никто на меня не обратил внимания. Я встал за спиной у Япыка и тихонько его травинкой по шее. Он поежился, но даже не повернулся. Тогда я ткнул его пальцем в бок.

— Ну чего тебе? — недовольно шепнул Япык.— Отстань! А то дам сдачи, что не обрадуешься!

Я оставил Япыка в покое и стал слушать, что рассказывает Алик.

— И вот он начал рыть подкоп под стену,— рассказывал Алик.— Роет день, роет второй, уже целую неделю роет и вдруг слышит впереди какой-то шорох, как будто кто-то роет ему навстречу.

— А кто это был? — не выдержав, спросил Япык.

— Слушай — узнаешь,— ответил Алик.— Значит, роет он и слышит впереди шорох. «Что это такое? — подумал граф Монте-Кристо.— Может быть, мыши?» Он прислушался и слышит чей-то тихий голос: «Кто там?»

Я не знал, что было прежде, кто роет подкоп, зачем, но рассказ Алика меня сразу заинтересовал.

— «А вы кто?» — спрашивает Монте-Кристо. «Я — несчастный узник», — отвечает тот. «О боже, значит, я попал не на волю, а в соседнюю камеру!» — воскликнул Монте-Кристо в отчаянии. «Не теряйте присутствия духа»,— произнес тихий голос. Тогда Монте-Кристо...

Но в это время я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Смотрю — Миклай подошел.

— Рот закрой,— говорит он.— Смотри, комар влетит.

А у меня такая привычка — забудусь и открою рот.

Кое-кто из ребят засмеялся, другие закричали на них и на Миклая:

— Не мешайте рассказывать!
— Иди куда шел!
Миклай сплюнул и говорит:
— Больно вы мне нужны! Уйду, конечно. Пошли, Витька.
Я покачал головой.
— Я слушать буду.
— Пошли, дело есть.
— Какое дело?
— Пошли, скажу.
Тут уж ребята и на меня напустились:
— Кончай болтать!
А Миклай тянет меня за рукав, не отстает:
— Не пойдешь, потом сам пожалеешь...
Мне не хотелось уходить, я хотел послушать, чем же кончится эта история с Монте-Кристо, но все-таки пошел за Миклаем.
Мы вышли на улицу.
— Ну, какое дело?
— Да так, дела никакого... А чего там слушать-то? Начитался Алик всяких сказок и врет, а они, дураки, уши развесили... Ты думаешь, он спроста треплется? Как бы не так! Работать не хочет.
— Зря ты на него наговариваешь,— вступился я за Алика.— От работы он не бегает, а что много читает, так это хорошо.
— Заступайся не заступайся, все равно он с тобой больше дружить не будет. Он сознательный, комсомолец, а ты кто?
Я молчал.
— То-то, молчишь...— продолжал Миклай.— Плевал он теперь на тебя!
Миклай вытащил из кармана кусок хлеба, разломил его пополам. Я подумал, что он хочет угостить меня, и сглотнул слюну, но Миклай один кусок убрал обратно в карман, а другой принялся есть, громко чавкая.

— Только ты не тушуйся,— продолжал Миклай, жуя хлеб.— Мы и без него обойдемся. Он картофельные лепешки ест, а мы хлебушек. Вот кончится мука, еще достанем. Ты молодец, здорово тогда нам помог. Это только дураки не воруют. Помнишь дядю Тимоша? Вот человек — жил так жил!

Тимоша я хорошо помнил. Он у нас в начале войны был бригадиром. Такой длинный, белобрысый, с маленькими поросячьими глазами. Потом он куда-то уехал из деревни.

Всего год бригадирствовал у нас этот Тимош, а память по себе такую оставил, что кого ни спроси, никто о нем доброго слова не скажет.

Помню, кончились у нас дрова, пошла мать к Тимошу лошадь просить, а он говорит: «Нет свободных лошадей, все на работе, не могу дать. Приходи в другой раз». Пришла мать в другой раз, а он опять: «Эх, чего ж ты раньше не приходила! Теперь уж другим людям отдал». Походила-походила мать, и все без толку, так и пришлось нам на себе таскать из ольшаника хворост.

А у самого Тимоша за амбаром в черемухе, наверное, воза три дров было свалено, он их тайком на колхозной лошади навозил. Эти дрова я сам видел, когда мы в той черемухе в войну играли.

Бывало, начнет кто жаловаться, что, мол, и сена нет, и дров, Тимош глаза свои поросячьи прищурит, руки разведет и говорит: «У меня самого сеновал пустой, в дровянике ни полена...» Только сразу видать, что врет.

И вдруг Миклай показался мне чем-то похожим на Тимоша.

Да, точно, похож! Так же глаза бегают, и голос такой же — он говорит, как будто бы все правда, а ни одному слову его не веришь.

Раньше я этого почему-то не замечал. А может быть, как станешь вором, так и глаза становятся такими? Неужели у меня тоже такие глаза?

Мне даже страшно стало от этой мысли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наверное, нет на свете такого мальчишки, который не любил бы ездить в ночное. Может быть, где-нибудь и найдется такой, а у нас — только скажи, все едут с радостью.

Собирается нас человек двадцать, и мы гоним лошадей пастись на всю ночь на вырубку, поросшую мелким березнячком, километра за три от деревни.

Каждый раз, давая нам лошадей, старый конюх дед Петруш строго-настрого наказывает:

— Коней не гоните, они весь день работали, устали.

Но какое там! Только мы за околицу — все предупреждения из головы вон. Сначала начнем подгонять лошадей потихоньку, потом один кто-нибудь вырвется вперед, остальным обидно, и они тоже тянутся за ним. В конце концов, пустив лошадь галопом, мы скачем к березняку наперегонки.

Один во весь голос горланит песню, другой свистит, третий кричит что-то, четвертый командует — в общем, каждый развлекается, как ему больше нравится.

К вырубке мы приехали в полной темноте, пустили коней и принялись устраиваться на ночь.

Мы с Миклаем наломали веток и устроили себе место для спанья под большой развесистой елью.

Вскоре загорелся костер, и все собрались к огоньку.

Летняя ночь коротка, с воробьиный клюв, но все равно пока еще спать не хочется. У костра начинаются разговоры.

Последним подходит к костру дед Петруш. Он проверял, хорошо ли стреножены лошади.

Дед Петруш уселся на обрубок бревна, неторопливо набил свою трубку махоркой, выкатил палкой уголек из костра, прикурил и обвел всех взглядом.

Горит, пляшет огонь, освещая лица ребят, густую, похожую на охапку кудели, седую бороду деда Петруша,

Мы знаем, что старый конюх посидит, покурит, а потом заведет какую-нибудь сказку. Дед любит поговорить, особенно, когда перед ним ребята, которые ловят каждое его слово.

Дед Петруш погладил корявой ладонью бороду и говорит:

— Вот раньше чего только не случалось в ночном! Однажды, помню, из лесу вышел леший. Кони перепугались, да и мы, ребята, перетрусили. А леший куролесит — то замычит, как теленок, то завизжит свиньей. У коней уши торчком, фыркают, на месте не стоят. У нас, понятно, душа в пятки, похватали свое барахлишко, на лошадей — и скорее домой. А леший за нами гонится. Нам-то его не видать, а кони беспокоятся. Ведь лошадь сразу чует опасность, лучше человека.

Дед Петруш рассказывает, как артист: когда надо, меняет голос, жестикулирует, таращит глаза, показывая, как они тогда перепугались. Мы слушаем, и нам становится страшновато. Кое-кто уже оглядывается в темноту с опаской.

— Дедушка Петруш, а почему же теперь не появляются лешие и привидения? — спрашивает Алик.

— Сам удивляюсь, почему нынче про леших вроде не слыхать,— разводит руками конюх.— Вот мой отец рассказывал, как он один раз повстречался с лешим. Иду, говорит, мимо мольбища, вдруг из рощи выходит старик. Старый-старый и весь белый. Идет и молчит. Отец перепугался, потом опомнился, стал читать молитву, а старик уже совсем близко. Тогда он ударил его левой рукой по плечу, и старик исчез. Глядит отец, а там, где стоял старик, валяется кусок белой бересты.

Дед Петруш замолчал. Мы тоже молчали, прислушиваясь к глухому шуму черного леса. Из чащи неслись какие-то таинственные звуки, будто кто-то глубоко вздыхал.

— Это ветер,— сказал Алик и пошевелил палкой уг-

ли.— Зря ты, дедушка, пугаешь. Никаких леших, никаких чертей никогда не было, это люди их выдумали.

Дед Петруш помолчал немного, глубоко затянулся и выпустил изо рта большой белый клуб дыма. Его глаза лукаво поблескивали из-под густых нависших бровей.

— Выдумали, говоришь? Не-ет, не в том дело. Это правда, раньше было больше всякой нечисти. Но и сейчас есть лешие, только их мало, потому что перевелись на белом свете знахари, колдуны и волшебники... Да-а, совсем мало стало леших. Так мало, что они уже больше никому и не являются.— Старый конюх хитровато подмигнул и добавил:

— Может быть, и совсем их не стало. Точно не знаю, а врать не хочу.

От последних слов деда мы повеселели, шум ветра в чаще перестал казаться чьими-то вздохами.

А дед Петруш достал из своей полотняной торбы старую волынку и поднес ее к губам. Надулся пузырь, узловатые желтые пальцы старика ловко забегали по ладам, раздались тихие, чуть хриплые звуки, полилась мелодия старинной марийской свадебной песни.

В умелых руках волынка поет так заразительно, весело, что просто никаких сил нет усидеть на месте, и ноги сами просятся в пляс.

Первым не выдержал Онтон.

Он сбросил с плеч длинную, латаную-перелатанную отцовскую шубу и, хлопнув в ладоши, заиграл плечами, как дружка на свадьбе.

Мы засмеялись, а Онтон, приплясывая, пошел по кругу. За ним выскочил в круг Аркаш, потом Сапан, потом Миклай. Шум, топот, хлопанье в ладоши — совсем как на настоящей марийской свадьбе.

Орп-орп-оп!
Орп-орп-оп!
Где такая родилась?
Где такая выросла?

И отца веселей,
И матери веселей!
Ори-ори-оп!
Ори-ори-оп!

раздается старинная свадебная песня.

Мы хлопаем в ладоши в такт песне и тоже подпеваем:

Веселей!
Веселей!
Ори-ори-оп!

Лишь под утро, когда тьма начала рассеиваться и над вырубкой поднялся белый прозрачный предутренний туман, наплясавшись и устав, мы пошли спать.

Укладываясь на мягком лапнике под елкой, Миклай спросил меня:

— Тебе хочется меду?

— Хочется.

— А знаешь, у кого в селе самый хороший мед?

— Конечно, знаю — у деда Арпика.

— Правильно. Значит, надо наведаться к нему за медком.

— Он не даст.

— Ясное дело, не даст. А мы сами возьмем. Я, Кориш и ты...

— Нет, нет! Я больше не пойду воровать! И вы не ходите! Нехорошо ведь!

— Ну, подумаешь! Мед — не хлеб, это можно!

— Все равно воровство.

— Да ну, что ты! — принялся уговаривать меня Миклай.— Послушаешь взрослых, все они в детстве лазили по чужим садам и огородам. Это и воровством не считается. Вот мне отец рассказывал...

Но я так и не услышал, что рассказывал Миклаю его отец, потому что заснул.

Проснулся я от холода. Было уже совсем светло. Поеживаясь, я подошел к костру. Возле него уже сидело несколько ребят.

— Ой, Виктор, какой ты красивый! — смеясь, воскликнул Алик. — Ну и накрасился — прямо артист!

Я провел рукой по лицу, и она стала черной: пока я спал, кто-то вымазал мне лицо сажей!

Алик хохочет, да и другие ребята хватаются за живот:

— Ой, помру от смеха!

— Ха-ха-ха!

— Артист!

Под елкой зашевелился Миклай: видать, и его пробрала утренняя прохлада. Смотрю, Миклай пытается встать и не может. Встал и тут же упал.

— У-у, дьяволы, ноги веревкой связали! — ругается Миклай, развязывая узел.

Пока мы спали, случилось много происшествий. У Сапана лицо тоже в саже, Онтону сзади привязали дырявый лапоть, он так и ходит с хвостом, а маленький Петюк лег спать у самого костра и подпалил штаны. Теперь он побежал к ручью тушить свой пожар.

Поднялся шум, послышались упреки:

— Это ты меня вымазал!

— Нет, не я.

— А кто же?

— Вот он, наверное.

— Сам ты и вымазал!

Но всерьез никто не сердится. Так уж всегда ведется, ни одно ночное не обходится без шуток и веселых проделок.

Днем Миклай опять подошел ко мне:

— Сегодня ночью мы идем к деду Арпику.

— Миклай, я же тебе сказал, что я вам не товарищ и воровать мед на стану.

— Ты нам не товарищ? Чем же ты лучше нас? Забыл, как ворованный хлеб ел?

Я молчу — не знаю, что ответить. Ведь правда, чем же я лучше их?

А Миклай ведет разговор уже по-другому:

— Думаешь, я не понимаю, что воровать нехорошо? Я сам решил: вот за медом слазаю, и все. На этом конец. Понимаешь, я уже сговорился с Коришем. Неудобно товарища подводить. Вот, ей-богу, последний раз! Не по-товарищески будет, если мы Кориша бросим. Он ведь целый месяц нас хлебом кормил...

— Ну ладно, пойду,— сказал я Миклаю.— Только я последний раз.

Ну и характер же у меня! Сколько я себя ругаю из-за него: мол, нельзя быть таким безвольным, нельзя поддаваться уговорам, а все равно поддаюсь.

Ночь. Деревня спит. Откуда-то с верхнего конца слабо доносится лай собак. Мы втроем — Кориш, Миклай и я — сидим в овражке напротив сада деда Арпика.

Кориш держит нож, которым он будет вырезать соты. У меня в руках березовый веник, чтобы сметать пчел. Миклай облокотился на ведро.

Ночь стоит тихая-тихая. Такая тихая, что слыхать биение собственного сердца.

Мне очень хочется бросить веник и убежать домой, но Кориш тянет меня за рукав:

— Пора. Уже все спят.

— Может, не будем, а? — тихо шепчу я.

— Не болтай! — сердито оборвал меня Кориш.— Идем.

По густой черемухе мы пробрались к самым ульям.

Кориш быстро снял крышку с крайнего, покрашенного белой краской улья, вытащил одну раму.

Он старается все делать тихо, но потревоженные пчелы с громким жужжанием закружились вокруг нас, как будто поняли, что пришли грабители.

Кориш сует мне в руки раму:

— Держи!

Я бессознательно отдернул руки.

— Кориш, не надо! — в отчаянии взмолился я.— Не надо, поставь обратно!

— Т-с-с! — зашипел на меня Миклай.— Тише, хозяев разбудишь!..

Миклай вырвал у меня веник, смахнул им с рамы пчел и сунул раму в ведро.

Пчелы жужжат все сильнее и сильнее, их становится все больше и больше. Одна пчела ужалила меня в лоб. Я сорвал с головы фуражку и стал отбиваться ею от пчел.

Вдруг фуражка вырвалась у меня из рук и отлетела куда-то в темноту. А тут, за домом, видимо почуяв нас, залаял Олач — пес деда Арпика.

Мы, даже не закрыв улей, давай бог ноги с пасеки. Пробежали черемушник, овраг.

Я бегу и думаю: надо бы за фуражкой вернуться. Но ноги сами несут меня все дальше и дальше. Чувствую, вот-вот заплачу, но бегу, не отставая от Кориша и Миклая, и мне кажется, что кто-то гонится за мной...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ох как не хотелось мне утром выходить из дому! Мне казалось, что уже все знают о нашем ночном деле, и первый же встречный назовет меня вором.

— Виктор, чего ты копаешься? — окликнула мать.— Вон Миклай уж полчаса как прошел на конный двор.

— Сейчас и я пойду... Пить охота...

Я медленно оделся, постоял в сенях, долго пил холодную воду. Но хочешь не хочешь, а идти надо.

На сердце у меня было тяжело. Я старался ни на кого не смотреть. Но все было спокойно, никто не говорил про то, что ночью воры залезли на пасеку к деду Арпику.

«Кажется, пронесло», — думаю я.

Кориш в этот день почему-то не вышел на работу.

— Почему Кориша не видать? — спросил я Миклая.

— Он к тетке в дальнее село уехал,— ответил мне Миклай и тихо добавил: — Его пчелы здорово покусали.

Ну и хитрый же Кориш — придумал, как замести следы.

Всякая новость по деревне разносится быстро — от соседа к соседу, от дома к дому. Даже если и захочешь что-нибудь скрыть, все равно не удастся — узнают. Поэтому к обеду я немного успокоился: раз в деревне никто не говорит про деда Арпика и его ульи, значит, все в порядке. «Только надо бы как-нибудь фуражку выручить», — думаю.

Вечером я, как всегда, вышел на улицу. Ребята и девушки сидели на бревнах возле магазина, ожидая, пока подойдет гармонист. Я присоединился к ним.

Сидим, разговариваем. Вдруг вижу, к нам идет дед Арпик. Идет не спеша, опираясь на суковатую палку, поглаживает сухонькой рукой свою белую козлиную бородку и поглядывает по сторонам. Подошел, остановился против нас и, вижу, вытаскивает из кармана мою фуражку.

Я замер. Теперь все. Конец. Бежать? Но уже поздно. Ребята с любопытством глядят на деда Арпика и на фуражку. А кое-кто уже поглядывает и на меня.

— Не знаете ли, ребятки, чья это фуражка? — спрашивает дед Арпик.

Кто же не знает фуражки, которую я, не снимая, носил три года подряд!..

— Как же, знаем! — дружно ответили ребята. — Это Викторова фуражка.

Дед Арпик посмотрел на меня и укоризненно покачал головой:

— Так вот, оказывается, кто этой ночью хотел полакомиться чужим медом! Я тебя, Виктор, всегда считал хорошим парнем. А ты, оказывается, вот какой... Да-а, хорош, ничего не скажешь. Не в отца пошел, отец-то твой совсем другим человеком был...

Я стою опустив голову и от стыда готов провалиться сквозь землю. Меня бросает то в жар, то в холод. Какой стыд! Какой позор!

Исподтишка я посмотрел на Миклая. Он спрятался за

спину Сапана и показывает мне кулак: мол, попался, так молчи, меня не смей выдавать, а то получишь. Зря боится, я товарищей не выдаю.

В душе я проклинал себя: ну зачем я поддался на уговоры Миклая и Коритпа! Надо было отказаться! Теперь бы я ни за что не согласился! Эх, близок локоть, да не укусишь...

Ребята повскакали с мест и, окружив меня, заговорили наперебой:

— Ишь, медку захотелось!

— А ты, дедушка Арпик, спусти ему штаны да угости крапивой!

Я не поднимаю головы, но по голосу слышу, что это Аркаш разоряется.

А это засмеялся Онтон, это Ивук — каждый старается сказать про меня что-нибудь обидное. Они правы: я — вор. И кому какое дело, что я не хотел воровать, а так уж получилось? Кому какое дело до того, что я больше никогда в жизни не трону ничего чужого? Как жалко, что тогда не удалось убежать на фронт! Сейчас я бы уже совершил подвиг и написал бы об этом письмо домой. Тогда все узнали бы, что я способен не только на воровство...

Но что же это дед Арпик не хватает меня, не ведет куда-нибудь — к матери, в правление... Уж скорей бы!..

— Эх, сынок, сынок! — слышу я его тихий голос.— Кривую дорожку ты себе выбрал. Ты еще молод, зелен, остановись, пока не поздно. На, надевай свою фуражку и больше так не делай.

Я схватил свою фуражку и, не взглянув ни на кого, убежал домой и залез на сеновал. Щемящая боль сжимала мне сердце, в горле стоял мешающий дышать комок слез.

Я был один, один во всем мире. Как я теперь покажусь на глаза людям? Теперь никто не захочет со мной знаться. Миклаю я не нужен, раз засыпался. Он небось теперь будет меня за версту обходить, чтобы не подумали, будто

бы и он лазил на пасеку. И с Аликом мне уж больше не дружить...

Поздним вечером на сеновал, тяжело вздыхая, поднялась мать. Она села рядом со мной и долго молчала, потом всхлипнула:

— А я, сынок, на тебя надеялась, ждала: вот подрастешь, будешь человеком... Видать, зря надеялась...

Слезы матери — как нож по сердцу, я сам готов был заплакать.

— Ты даже учиться бросил, связался с этим Миклаем. Небось он и подбил тебя на воровство? — В голосе матери прозвучала какая-то слабая надежда.— Миклай подбил? Да?

Я молчу.

— Ведь неспроста в народе говорят: «Начнешь с иголки, кончишь лошадью»... Как же ты думаешь жить дальше?

Я ничего не ответил. Мать посидела еще немного и, все так же вздыхая, ушла.

Как же я думаю жить дальше? Раньше я об этом не думал. Жил и жил, плыл, как щепка по течению, куда несет...

Вдруг я услышал, что дверь сарая тихонько отворилась, кто-то вошел и остановился возле лаза на сеновал.

— Витька, ты здесь?— тихо спросил вошедший, и я узнал по голосу Алика.

Мне не хотелось никого видеть, не хотелось ни с кем говорить, тем более с Аликом. Опять пойдут упреки: да как ты дошел до такого, да как тебе не стыдно...

Я не отозвался.

— Витька! — снова позвал Алик.

Я не шевелился и ждал, когда же он уйдет. Но он не уходил. Скрипнула лестница, в люке показалась голова Алика.

— Почему ты не откликаешься?

— Чего тебе надо?

Он залез на сеновал, сел возле меня.

— Да так зашел. Давно у тебя не был.

— Давно...

— С прошлого лета...

На сеновале было темно, и я не видел лицо Алика, но по его тону было не похоже, что он пришел меня ругать.

Тем временем взошла луна. Через весь сеновал от окна до дальней стенки, где горой был свален всякий хлам, легла голубоватая сияющая полоса света.

— Ой, да у тебя наша старая модель цела! — воскликнул Алик, увидев среди хлама изогнутое крыло самолета с лохмотьями рваной бумаги. Он вытащил из кучки дырявых лукошек и старых лаптей остатки нашей летающей модели самолета с резиновым моторчиком.

— Здорово она летала,— задумчиво сказал он,— высоко... А помнишь, как мы ее строили? Если бы Миклай тогда не отобрал резину, мы бы еще такую модель построили, что установили бы с ней какой-нибудь рекорд.

— Может быть,— согласился я.

— Да не может быть, а наверняка. Мы же на первой модели только учились! — горячо возразил Алик.

— А помнишь, сколько мы с крыльями мучились?

— Ну, с крыльями еще ничего, а вот как центр тяжести выверяли...

Мы наперебой стали вспоминать те далекие времена, богатые радостями и огорчениями. Я почувствовал себя с Аликом, как тогда — просто и хорошо, как будто наша дружба и не прерывалась, как будто между нами не было этого последнего года: ни ежедневной карточной игры на конном дворе, ни ворованного хлеба, торопливо съедаемого в лебеде, ни пасеки деда Арника, ни сегодняшнего позора...

Но тут мой взгляд упал на припорошенную сенной трухой старую фуражку, вымазанную в глине. «Видно, когда мы убегали, кто-то из нас наступил на нее»,— подумал я.

Фуражка вернула меня к действительности.

Алик продолжал говорить что-то про фюзеляж, плоскости, но я уже не слушал его.

— Алик, скажи, что мне теперь делать?

Алик замолчал на полуслове. Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

— А ты сам-то как думаешь?

— Я не знаю... По мне, сейчас уж лучше бы помереть, чем показаться людям на глаза...

И тут я рассказал ему все-все, ничего не скрывая: и про украденный у матери рубль, положивший начало игре в карты, и про муку, и про то, как мы с Коришем и Миклаем лазили за медом.

Когда я кончил свой рассказ, у меня как будто бы камень свалился с сердца. Теперь мне уже не надо было ничего скрывать от Алика, не надо было бояться, как бы он не узнал про мои дела. Теперь он знал все.

— Алик, ты теперь не будешь со мной дружить? — тихо спросил я.

— Буду,— так же тихо ответил Алик.

— Ведь ты комсомолец, а я... — Я запнулся, мне было трудно выговорить слово, которое слышалось со всех сторон, но я все-таки выговорил его: — А я... — вор...

— Ты не вор, ты просто глупый, безвольный мальчишка,— сказал Алик.

Он говорил, что я испугался трудностей, что у меня нет силы воли, нет своей головы. Ох и костил же он меня! В другое время я бы за такие слова полез в драку, но сейчас я их слушал и радовался.

«Значит, Алик еще верит мне! — думал я.— Пусть я ошибся, но я докажу ему и всем, на что способен!»

— Знаешь, Алик, — сказал я,— я уеду куда-нибудь из деревни, заработаю денег, заплачу за украденную муку, а потом совершу что-нибудь замечательное и напишу домой...

— Ну и дурак,— сказал Алик,— а еще ты трус, нашкодил — и в кусты. Ты здесь оправдайся!

— Трудно ведь...

— А я и не говорю, что легко. Конечно, потерять доверие легко, а вернуть трудно. Только если ты захочешь — вернешь. Все в твоих руках. Будешь работать, пойдешь учиться, глядишь, еще твой портрет увидим на Доске почета...

Я представил свой портрет на Доске почета возле правления, веселое лицо матери, одобрительные улыбки колхозников, бригадира тети Натали, нашего председателя дяди Васлия, вернувшегося с фронта без правой руки... Я бы сейчас отдал полжизни, чтобы все было именно так, как рисовалось мне в воображении.

Но как далеко все это было сейчас от меня!

— Ну ладно,— сказал Алик на прощание,— завтра утром я к тебе зайду, вместе на работу пойдем...

Алик ушел, а я еще долго лежал с открытыми глазами и все думал, думал.

Та жизнь, о которой говорил Алик, представлялась мне большой, широкой дорогой, по которой идет много людей — и Алик, и моя мать, и дядя Васлий, и дед Петруш, и все наши колхозники. Они идут, ни от кого не скрываясь, вместе радуясь, вместе печалясь, вместе преодолевая трудности.

И я когда-то тоже был с ними. И сейчас мог бы быть...

Я еще не знал, как это получится, но я твердо знал одно: я должен выйти и выйду на широкую дорогу, где настоящая жизнь, настоящие друзья, и меня уж больше никогда не прельстит кривая тропинка, какой бы заманчивой она ни показалась с первого взгляда.

РАССКАЗЫ

МИЛАЯ МОЯ

Наконец-то наступил вечер.

Как я ждал его! Еще в ту самую минуту, когда ранним утром до меня донесся озабоченный голос матери: «Сынок, вставай, пора на работу». Я, как всегда, с сожалением подумал: «Ну почему не бывает двух ночей подряд? Спал бы и спал, пока не выспался...»

А как хотелось спать после обеда! Прислонившись к горячей от солнца стене конюшни, я стоял и ждал, пока наестся лошадь, и у меня просто не было сил шевельнуться. Кругом тишина, одни воробьи чирикают, прыгая в пыли посреди двора. Нещадно печет солнце, а моя голова сама клонится на грудь, и глаза слипаются, как будто запорошенные песком...

— И вот вечер!

Большое красное солнце, бросая на землю прощальные, уже нежаркие лучи, опускается за темные зубчатые вершины далекого леса. Словно оно тоже устало от дневных забот и теперь спешит на отдых, туда, где за лесом начинается большое мшистое болото, мягкое, как пуховая перина. Дышать стало легко и свободно. Слабый ветерок доносит с лугов запах свежего сена.

И странное дело: всю мою усталость и сонливость как рукой сняло.

После ужина меня снова, как и вчера и позавчера, потянуло на улицу, откуда слышались веселые голоса и звонкие удары по волейбольному мячу.

В тот вечер игра была особенно веселой и шумной. Ребята азартно били по мячу, а девчата, столпившись на краю площадки, только смотрели на игру. Они встречали шумным одобрением каждый ловкий удар и смеялись, когда

кто-нибудь мазал. Мы старались изо всех сил — ведь каждому хотелось показать, какой он ловкий и сильный.

Но я зазевался, и тяжелый мяч больно ударил меня по носу. Все засмеялись, а я, торопливо смахнув выступившие слезы, вприпрыжку побежал за мячом, стараясь всем своим видом показать, что ничего особенного не случилось и что мне вовсе не больно.

Мы играли до тех пор, пока в наступивших сумерках совсем не стало видно мяча.

Тем временем девчата на луговине затеяли игру в горелки. Мы пошли к ним.

Мне с самого начала выпало водить.

Я замер, как кошка перед мышиной норой, готовый в любое мгновение сорваться с места и броситься в погоню. Смотрю, не спуская глаз, кто же побежит. Вдруг слышу — бегут. Мимо меня справа и слева мелькнули две тени, я едва успел разглядеть, что это Эрик и Маюк. За кем бежать? Кого ловить? Ясное дело, девчонку поймаешь скорей, и я погнался за Маюк.

Но оказалось, что догнать ее не так-то просто. Я несся что было силы. Вот совсем близко ее белое платье, только протяни руку. Но Маюк изогнулась, у меня перед глазами мелькнули две косы, и рука повисла в воздухе.

— Не догонишь! Не догонишь! — звонко крикнула Маюк, засмеялась, оглянулась, и тут я схватил ее за плечо.

— А вот и догнал! — торжествующе закричал я, не снимая руки с ее плеча.

Эрик, увидев, что его пара поймана, побежал обратно. Теперь водить ему. А мы с Маюк стояли друг против друга, тяжело дыша и улыбаясь, я все держал ее за плечо, словно боялся, что она снова убежит от меня.

Вдруг из-за тучи выплыла луна и осветила Маюк с ног до головы — ее белое платье, длинные косы, черные блестящие глаза.

Неужели это Маюк, с которой я семь лет учился в одном классе, которую, сколько себя помню, видел каждый

день — наши дома стоят друг против друга, с которой еще в детстве играл в снежки и шлепал босиком по лужам?..

Я раньше на нее внимания-то почти не обращал: девчонка как девчонка. Даже сегодня, вот только что, когда я играл в волейбол, а Маюк с подружками стояла у края площадки, она еще ничем не отличалась от своих подруг и вдруг в одну минуту превратилась в такую красавицу, какие бывают разве только на картинах или в кино.

— Что ты на меня уставился? — тихо спросила Маюк, и ее голос тоже показался мне каким-то особенным, не таким, каким он был всегда.

«Какая ты красивая!» — хотелось мне сказать, но вместо этого я сказал:

— Ты быстрая!

— Это я еще не шибко бежала, а то бы не догнал...

— Догнал бы! Умер бы, а догнал!

Взявшись за руки, мы медленно возвращались к ребятам. Я держал руку Маюк так бережно и осторожно, словно у меня в руке была маленькая птичка. Но, когда мы подошли к играющим, Маюк осторожно высвободила свои пальцы.

До самого конца игры мы бегали вместе с Маюк.

У меня словно выросли крылья. Я нарочно, давая Маюк убежать вперед, заманивал водящего, крутясь у него под носом. То делал вид, будто споткнулся, то вдруг останавливался, будто потерял его из виду, и, когда уже казалось, что я в его руках, вдруг вывертывался и, как ветер, несся в конец луговицы, где меня уже поджидала Маюк.

А когда мы с ней уже в четвертый или пятый раз вставали в одну пару, Оксина, смеясь, кивнула в нашу сторону:

— Глядите, что-то сегодня Маюк с Ивуком как связанные ходят!

Я смутился, а Маюк вся так и вспыхнула.

Только с первыми петухами мы стали расходиться по домам. Оксина запела, все подхватили песню, и я тоже стал подпевать, стараясь не сбиться с мотива. Раньше мне как-

то и в голову не приходило петь, но сегодня было так радостно и светло на душе, что и мне захотелось петь.

Всю дорогу Маюк держалась от меня в стороне. (И кто только тянул эту Оксину за язык!) А я не мог оторвать от Маюк глаз и, как подсолнух к солнцу, все поворачивал голову в ее сторону.

В ту ночь я долго ворочался в своем чуланчике, думая о Маюк, а потом мне приснилось, что она с веселым звонким смехом бежит по лугу, сверкая белым платьем, а я догоняю ее...

На следующее утро бригадир послал меня стоговать сено.

Сегодня в лугах чуть ли не весь колхоз. В сенокос всем хватает работы. Трудное, напряженное это время, но зато и веселое.

Женщины и девушки вышли на работу в белых марийских платьях, украшенных лентами, кружевами и вышивками. Издали кажется, что на лугу ожили цветы. В старину женщины-марийки вышивали широкие и темные узоры, а теперь девушки, глядя на вышивки своих бабушек, только руками разводят — удивляются, теперь вышивка стала светлой и легкой.

Сияет солнце, над лугами стоит густой аромат свежего сена, от которого сладко кружится голова. Шумно, весело — сердце радуется!

Я ищу глазами Маюк. Вот и она в легкой, развевающейся на ветру газовой косынке.

Встав рядами, все идут по лугу, сгребая сено. Маюк работает неподалеку от меня. Я то и дело поглядываю на нее, и вот наконец наши глаза встретились. Она едва приметно кивнула мне.

Сегодня Маюк показалась мне даже красивее, чем вчера. Я засмотрелся на нее и не заметил, что отстал от людей.

— Эй, Ивук! Уснул, что ли? — заливисто засмеялась Оксина, сверкая мелкими белыми зубами.

Я вздрогнул и поспешил нагнать остальных.

Ближе к обеду начали класть стога. Я подвозил сено к стогам на телеге.

В обед женщина, которая помогала мне накладывать воз, ушла в деревню кормить ребенка, и я подъехал к девушкам:

— Эй, девчата, кто пойдет работать со мной?

К моей великой радости, вызвалась Маюк.

Глубоко забилось сердце, я схватил вилы и принялся бросать сено на телегу, стараясь захватить побольше.

Маюк наверху разравнивала воз. Я очень спешил и изо всех сил старался показать ей, как я умею работать.

Наконец Маюк не выдержала:

— Ивук, погоди, я не успеваю укладывать!

Когда воз был готов, я отошел, чтобы посмотреть, как он получился у нас, и ахнул: воз-то вышел на одну сторону. Моя вина, надо было с самого начала следить, а теперь уж ничего не поделаешь. Кое-как сдвинул сено вилами на другой бок и поехал. Хорошо еще, что до стога было недалеко, и мы довезли воз, не опрокинув его.

Девчата, конечно, стали смеяться, увидев наш кривой воз, а Оксина уж тут как тут:

— Ивук, наверное, не за возом, а все на Маюк смотрел, вот его и перекосило!..

К вечеру над деревней собрались грозовые тучи. Внезапно налетел ураганный ветер. Словно проверяя, все ли постройки крепки, он со страшной силой пронесся по деревне, у кого посрывал тес с крыши, у кого повалил ворота и изгороди. У дяди Павла, отца Маюк, с крыши хлева разметало солому.

Я ехал по деревне, спеша до грозы отвести лошадь на конный двор, и увидел, как дядя Павел, прыгая на одной ноге — вторую он потерял на войне,— торопливо, кое-как складывает солому.

Я остановился, подошел к нему, взял у него из рук вилы и стал накладывать солому, как надо.

— Ох, спасибо тебе, сынок! — сказал дядя Павел.— Жены, как на грех, дома нету, да и Маюк ушла к подруге в Пюнчерсолу, должна скоро прийти, как бы гроза ее в дороге не застала...

Быстро темнело. С запада, грозно клубясь, надвигалась огромная темно-лиловая туча. Подъехав к оврагу, я еще издали заметил тонкую фигурку в светлом платье. Сердце подсказало — это она! Я остановился.

— Ивук! — обрадовалась Маюк, увидев меня.

Часто дыша, она забралась ко мне на телегу.

Черная туча уже висела над нами. Вдруг из ее мрачной глубины вырвалась ослепительная молния, и первые раскаты грома пронеслись над полями, замершими в тревожном ожидании.

— Поезжай скорее, сейчас начнется! — испуганно проговорила Маюк, и я видел, что ее руки, поправлявшие растрепанные волосы, дрожали.

Я завернул лошадь.

В ту же минуту снова сверкнуло и ударило где-то совсем близко. Маюк вскрикнула и, побледнев, прижалась ко мне.

Первые крупные капли, как пули, подняли на дороге быстрые фонтанчики пыли. Под порывами ветра склонились придорожные кусты, а пыль, словно ища спасения от дождя, закружилась вокруг нас, заскрипела на зубах.

На дне телеги валялся большой мешок. Я накинул его на наши головы. И вовремя — дождь хлынул как из ведра.

— Я боюсь,— прошептала Маюк.

— Не бойся.— Я осторожно обнял ее за плечи.

Лошадь шла шагом, но я не погонял ее. Мне хотелось ехать вот так хоть целые сутки. Пусть сверкают молнии, пусть хлещет дождь — рядом со мной Маюк, девочка, которую я люблю.

Да, я люблю ее! Только сейчас я решился признаться

себе в том, что я люблю Маюк. И буду любить ее всю жизнь.

А она? Любит ли она меня? А что, если взять и спросить ее об этом? И сказать ей о своей любви. Нет! Даже подумать об этом страшно. Да у меня и язык-то не повернется! Лучше я напишу ей письмо. Сегодня же вечером, как только приеду, так и напишу.

Тут снова громыхнул гром, и Маюк крепче прижалась к моему плечу. Ее пунцовая щека оказалась возле самых моих губ, и мне так нестерпимо захотелось ее поцеловать! Я спрыгнул с телеги и пошел рядом, держа вожжи.

Оказалось, что мы уже подъехали к деревне.

Маюк сняла с головы мешок, он все равно уже давно промок насквозь.

Вот и наши дома. Маюк спрыгнула на землю и, заглянув мне в глаза, сказала:

— Какой ты хороший, Ивук!

Я растерялся и не нашелся, что ответить, а она кивнула мне и, прыгая через лужи, побежала к своей калитке.

Поздно вечером, когда все в доме заснули, я достал из своего старого школьного портфеля тетрадку, карандаш и сел писать письмо. Я решил написать его стихами.

Я долго сидел, глядя в темное окно, писал, зачеркивал, рвал и писал снова. Окно из черного стало серым, когда стихи были готовы. Мне они очень нравились.

Как ясные звездочки,
Твои черные очи,
Твои щеки, как яблоки.
Я люблю тебя очень.

Я положил листок со стихами в конверт и заклеил его.

Утром я встал с тяжелой головой. Будто магнитом, потянуло меня к окошку, откуда виден дом дяди Павла. Проснулась ли Маюк?

Два дня протаскал я свои стихи в кармане, все не решаясь отдать их Маюк. Дело кончилось тем, что я наклеил на конверт марку и бросил его в почтовый ящик.

Прошел день, другой, третий... Я видел Маюк ежедневно то на работе, то вечером на гулянье. Она ни словом не поминала о письме, и я терялся в догадках. Может быть, она не получила моего письма? Или получила и теперь в душе смеется надо мной и над моей любовью?

Иногда мне хотелось просто подойти к ней и спросить, получила ли она мои стихи, но я не в силах был преодолеть свою робость, молчал и отводил глаза.

Шло время. Кончилось, отцвело солнечное лето. Запахло осенней свежестью. Вторая половина августа — самая грибная пора. Но мне было некогда ходить по грибы. Я теперь работал на вывозке зерна.

Как-то я возвращался с заготпункта. Лошадь бежала мелкой рысью, потом пошла шагом. Я не подгонял, зная, что она тоже устала за день работы. Улегшись поудобнее на разостланные мешки лицом к небу, я стал думать о том, как мне жить дальше.

Мой отец погиб на фронте в конце войны под Берлином. Осталось нас у матери четверо, я — самый старший. До сих пор удивляюсь, как она сумела вырастить всех нас. Тяжело ей пришлось. Сколько раз приходилось делить последний кусок хлеба на четыре части. Бывало, спросишь: «Мама, а ты?» Она только по волосам меня погладит: «Ешь, ешь, сынок, я поела. Вот пить что-то хочется», — и зачерпнет из кадки ковшик воды.

После войны жить нам стало полегче. Не сразу, конечно. И хотя домишко наш покосился и врос в землю, мы были и сыты и одеты-обуты.

Но этой весной, когда я закончил седьмой класс, мама сказала мне, тяжело вздохнув:

— Видно, Ивук, не придется тебе пока учиться. Невмоготу мне тянуть вас одной... Болею все, сам видишь...

И я стал работать в колхозе возчиком.

Недавно я прочел в республиканской газете объявление о приеме учащихся в заочную среднюю школу. Вот бы мне туда поступить! Конечно, лучше бы пойти осенью в

восьмой класс нашей школы, сесть за одну парту с Маюк. Но раз нельзя только учиться, буду и работать и учиться. Наверное, это трудно, но, как говаривал мой дедушка, легко только за столом руки за хлебом протягивать... Получу среднее образование, а там поступлю в институт, стану зоотехником.

И так мне стало радостно от этих мыслей, что, когда я вернулся домой, мать сразу заметила мое хорошее настроение.

— Что-то ты сегодня веселый такой? — спросила она.— То все грустный ходил, а сейчас тебя не узнать...

— Знаешь, мама, я решил поступить в заочную среднюю школу, хочу стать зоотехником. А грустный — это я так...

Не мог же я маме сказать, что люблю Маюк, но не смею ей в этом признаться и даже не знаю, нравлюсь я ей или нет.

Из ребят, закончивших вместе со мной седьмой класс, еще трое бросили учебу — Никандр, Павлуш и Роза. Я стал уговаривать их поступить в заочную школу, но Никандр с Павлушем отказались наотрез, а Роза охотно согласилась. Мы с нею послали заявления и с первого сентября начали учебу.

Журавлиной песней пролетела осень. Наступила зима.

Признаться, мне было трудно учиться. Все вечера напролет приходилось сидеть за учебниками. Я знал, что вечерами наша молодежь собирается в клубе, и меня неудержимо тянуло туда — в кино, на танцы, — ведь там я увижу Маюк!

Я крепился месяц, потом не выдержал. Пошел в клуб раз, другой, а там и зачастил.

Однажды вечером, когда я уже надел свою лучшую вышитую рубашку, готовясь идти на танцы, открывается дверь, и входит Роза.

— Ивук,— говорит она.— Что-то у меня сегодня задача по алгебре не получается. Помоги мне...

— Какое там помоги! Я сам уже две недели алгебру в руки не брал,— говорю я.

— Это почему же? — Роза сурово сдвинула брови.

— Да так...

— Ах, так? Никуда ты сегодня не пойдешь! — Роза решительно скинула пальто, развязала платок и уселась на лавку возле стола. — Садись, будем с тобой задачи решать.

Пришлось мне остаться и решать задачи.

И так с тех пор повелось. Почти каждый вечер Роза приходила ко мне, и мы вместе занимались.

В середине зимы мы оба хорошо сдали зачеты за полугодие.

— Спасибо,— сказал я тогда Розе.— Если бы не ты... В общем, ты молодец, настоящий товарищ!

— Ладно,— смущенно ответила она.— Что ты меня нахваливаешь? Мне и самой легче заниматься, когда вдвоем...

Как-то днем, когда я вывозил на поля навоз, мою подводу догнал Эрик.

— Ивук,— начал он с хитрой улыбкой.— Что это ты перестал дружить с Маюк? Или она дала тебе от ворот поворот?

Я похолодел. Неужели вся деревня знает, что я люблю Маюк?

— Не понимаю, о чем ты говоришь,— с трудом ответил я.

— Тут и понимать нечего,— захохотал Эрик, закинув вихрастую голову.— Говорят, что ты влюбился в Розу, все вечера с ней проводишь.

Я не на шутку разозлился:

— Мы с Розой учимся вместе и вечерами занимаемся. Чего глупости-то зря болтаешь!

— Да я что! Люди так говорят. А ведь без ветра и лист не шевельнется.

Мы с Эриком говорили громко, так что девушки, стоявшие возле скотного двора, слышали каждое наше слово.

— Не подеритесь, петухи! — сказала Анук.

А эта язва Оксина притворно вздохнула:

— Вот и верь нынче ребятам! Летом Ивук за Маюк как тень ходил, а теперь уже с Розой...

Надо отшутиться, а то совсем засмеют. Эх, была не была! Я набрался храбрости и выпалил:

— Да я вас всех, девушки, люблю одинаково!

Девушки так и покатились со смеху.

— Да ты нос сначала утри, любитель!

— Молоко на губах не обсохло!

— Ай да Ивук! Недаром говорят, что тихий кот лучше мышей ловит...

Вечером я вышел с ведром к колодцу и внезапно столкнулся лицом к лицу с Маюк. Я не видел ее до этого целую неделю и очень обрадовался.

— Здравствуй! — говорю я и улыбаюсь.

— Здравствуй,— холодно отвечает она и смотрит куда-то под ноги.

— Ты что такая скучная?

— Вот еще! — Маюк передернула плечами.— С чего это мне быть скучной?

— Придешь сегодня в клуб?

— А тебе что?

— Да так... Я что-то редко вижу тебя...

Маюк подняла глаза, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Зато Розу видишь часто, поэт! — почти крикнула она и, подцепив коромыслом ведра, не оглядываясь, быстро пошла к своему дому.

А я остался возле колодца растерянный, с отчаянием в душе. Неужели Маюк могла поверить глупой сплетне?..

Мне хотелось догнать Маюк и прямо сказать ей: «Я люблю тебя, Маюк!» Сколько раз я повторял эти слова в уме, но поди попробуй сказать их вслух!.. Я тяжело вздохнул и стал доставать воду.

...И вот снова пришла весна.

В день экзаменов Роза зашла за мной пораньше, и мы пошли в школу.

Мы поднимались по крутому склону холма, как вдруг навстречу нам с горы несется запряженная в телегу лошадь. Телега стучит, трещит — того гляди, развалится. На телеге Маюк и Оксина с перекошенными от страха лицами вцепились в вожжи и кричат что есть мочи:

— Тпру!

— Стой! Стой!

Куда там! Вскидывая голову, лошадь несется галопом. Да ведь это же Серко! Самый бешеный конь в деревне. Девчатам его ни за что не удержать, да и гора больно крута. Перевернется телега — тогда беда!

Я кинулся навстречу лошади. Передо мной мелькнули ее налившиеся кровью глаза. Я цепко ухватился за уздечку и повис на ней всей своей тяжестью.

Секунда-другая — вот и конец спуска. Но тут я почувствовал резкую боль в ноге, услышал, как закричала Маюк, и больше уже ничего не видел и не слышал.

Очнулся я в больнице.

На другой день ко мне в больницу пришли Маюк и Оксина.

— Ой, Ивук, какой ты, оказывается, храбрый! — затараторила Оксина, едва войдя в палату.— Если бы не ты, мы бы погибли. И как это ты не испугался? Хорошо, что Серко тебе голову не разбил... Мы вот тебе тут конфет принесли. Может, тебе чего нужно, так ты скажи...

— Ничего мне не нужно,— ответил я.— Спасибо, что сами пришли. А завтра придете?

— Придем, Маюк еще вчера сюда прибегала, да ее не пустили к тебе. Ну ладно, до свидания!

Оксина ушла, осторожно затворив за собой дверь, а Маюк присела на край моей кровати и взяла меня за руку.

— Знаешь, Ивук, я тогда, у колодца, глупо себя вела. Ты на меня не сердишься?

— Я на тебя не сержусь,— тихо ответил я. — Я тебя люблю!

Маюк ничего не говорила, она только смотрела на меня сияющими глазами и крепко сжимала мои пальцы своей маленькой смуглой рукой.

РОДНАЯ КРОВЬ

По тенистой лесной дороге бойкой рысью скакали четыре всадника: впереди верхом на вороном жеребце — молодой черноглазый и густобровый высокий человек в солдатской шинели, за ним — три парня еще моложе его в непонятной, не то военной, не то простой деревенской одежде. На одном была военная фуражка, у другого из-под пиджака виднелись широкие брюки-галифе, у третьего — гимнастерка.

Это были бойцы продотряда: Сепан, Метрий, Ондруш и Санюк Григорьев.

Красное, огненное солнце медленно спускалось к горизонту, тускнело, будто печалясь о том, что приближается вечер, и ласковыми лучами скользило по верхушкам деревьев. В лесу становилось прохладно. Лесной воздух очень чист: вдохнешь его полной грудью — и на душе становится легче.

Невдалеке, на берегу Немды, заливался соловей.

— Хорош вечер сегодня! — вздохнул Ондруш.— И соловейко поет — век бы слушал...

— Вечер хорош, что и говорить, только некогда нам соловьев слушать. Давай, ребята, быстрее. Как бы до нашего приезда не взломали склад,— сказал ехавший впереди Сепан и пришпорил коня.

Кони перешли в галоп.

* * *

На краю деревни, у хлебного склада — толпа.

Работник волисполкома Миронов, поднявшись па крыль-

цо, говорил, стараясь перекричать гул многих голосов:

— Соседи, бедняки! Не верьте богачам — они вас обманывают. Семенное зерно, которое хранится на складе, мы будем в свое время раздавать беднякам. Нечего шуметь: хлеб никуда не денется. Он — ваш!

— Не верьте ему, он врет! — орал здоровый, краснорожий мужик — самый богатый в деревне кулак Карпиш.— Ничего вы пе получите: ваш хлеб хотят увезти в город. Надо заставить его открыть склад!..

Народ шумел, как река в половодье.

— Не дадим увезти хлеб!..

— Открывай склад!..

— Открывай!..

Коренастый низкорослый мариец с ломом в руке пробирался сквозь толпу.

— Открывай склад! — крикнул он, поднимая лом. — Не то сами откроем!

— Только попробуйте! — ответил Миронов, сжимая в правом кармане наган.— Умру, а семенное зерно растащить не позволю.

— Э-э, слыхали, что он говорит? — послышался в толпе голос Карпиша.— Дайте ему как следует, тогда он подругому запоет.

Из толпы выскочил высокий худой мужик и ударил Миронова по плечу выломанной из изгороди жердью. Миронов покачнулся, но не упал. Выхватив наган, он выстрелил в воздух. Люди от неожиданности притихли, но тут же опять загалдели.

В это время в деревню через полевые ворота галопом въехали бойцы продотряда.

— Что здесь такое? — зло спросил Сепан, осадив коня.

— Хлеба давайте, вот что такое! — крикнул в ответ кто-то из толпы.

— Что ж вы кидаетесь, как дикие звери? Хлеб вам дадут, когда придет время,— сказал Сепан, сдерживая нетерпеливо переступавшего коня.

— Как же, дадут — разевай рот шире,— угрюмо проворчал бедно одетый мариец, поправляя шапку, съехавшую ему на лоб.

— Да ведь он сам — сын богача! — указывая на Сепана, сказал другой мужик.— Ездит тут, людей обманывает. Знаю я его папашу — настоящий мироед. А сыночек, ишь, комиссаром заделался. Волк в овечьей шкуре.

Услышав это, Сепан глухо проговорил:

— Ты меня с отцом не равняй. Он — одно, я — другое. Я служу народу, Республике, Советской власти.

Народ гудел, как улей.

— Э-э, да ты хитер: и вашим, и нашим. Нечего тут сказки рассказывать. Раздавайте хлеб народу!

Миронов долго объяснял, когда и как будут выдавать хлеб и семенное зерно.

Наконец, народ мало-помалу успокоился и, все еще недовольно шумя и ругаясь, начал расходиться.

— Открыть бы склад — и все!

— Обмануть нас хотят...

— На нашем хлебе Советскую власть думают построить.

Среди общего шума слышны и увещевающие голоса:

— Ведь красные не для себя стараются...

— Раз обещали, значит, дадут!

После ужина, сидя в избе Миронова, Сепан задумался. Как назойливый колокольный звон раздаются в ушах Сепана слова: «Да ведь он сам — сын богача» — и никак не идут из головы.

Да, отец Сепана — Кырсан Микале — первый богач в деревне Лоптюр. Его двор, как сундук — ни одной щелочки. В хлеву всегда было полно скотины. На гумне, словно небольшая деревенька, стояли старые скирды хлеба. Да и сейчас у Микале немало хлеба надежно припрятано в тайниках.

Живя богатой и праздной жизнью, Микале стал красен, толст, как напившийся крови клоп.

В детстве Сепан катался, как сыр в масле. Он был любимцем отца. Второго сына, Максия, Микале любил меньше.

Часто, подвыпив, Микале хвастался перед родственниками и соседями:

— Вот подрастет Сепан — все ему отдам. Будет он самым богатым хозяином во всей округе.

Но надежды Микале не сбылись.

Началась война, и Сепана призвали в армию. С фронта он неожиданно попал в революционный Петроград.

Это случилось так. Керенский, чувствуя шаткое положение Временного правительства, для его поддержки отозвал с фронта несколько полков. Среди них был и полк, в котором служил Сепан. Но солдаты, поняв, за чьи интересы заставляют их проливать кровь, перешли на сторону революционных рабочих.

Там же, в Петрограде, в Смольном, Сепан не раз видел великого вождя трудящегося народа — Владимира Ильича Ленина, и слышал его проникающие в самое сердце выступления.

Сепан вступил в партию большевиков.

В начале восемнадцатого года Сепан вместе с другими красноармейцами по решению Петроградского Военно-революционного комитета выехал в родную деревню.

Узнав, что сын богача вернулся в деревню красноармейцем и коммунистом, все в Лоптюре были поражены.

Кырсан Микале, увидев красную ленту на солдатской папахе сына, почувствовал в сердце ледяной холод.

— Так, сынок,— говорил он, сидя за столом напротив Сепана,— значит, сошел с отцовского пути...

— Да, отец, у меня другой путь. Мой путь — правильный.

Сепан долго объяснял отцу, что такое Советская власть, рассказывал о партии Ленина, о том, что она дала свободу народу.

— Эх, Сепан, сынок, косишь ты чужой луг,— тяжело вздохнул Микале.

— Отец, отдай лишнее добро беднякам. Что делать с таким богатством? Теперь начинается новая жизнь, и жить надо по-новому.

Услышав такие слова, Кырсан Микале скривил рот в недоброй усмешке:

— Ты, видно, сам не знаешь, что говоришь. Хочешь раздать голодранцам добро, которое отец наживал всю свою жизнь. Этому не бывать! — закричал Микале, все больше распаляясь от своих слов.— Ты был всегда моим любимым сыном, а теперь сидишь тут и говоришь слова против родного отца, против родной крови. Разве я тебя этому учил?

И так и этак пытался Сепан договориться с отцом. Но тот твердил свое:

— У тебя еще под носом мокро, чтобы учить отца. Ты попробуй — поживи с мое, наживи добра, тогда посмотрим, как ты заговоришь.

— Вот что, отец,— твердо сказал тогда Сепан.— Хоть ты меня вырастил, хоть и течет в нас одна кровь — мы теперь чужие друг другу. Ты не хочешь жить по-новому, а я не буду жить по-твоему. Прощай!..

Сепан стал командиром продотряда. В прошлом году, летом, он приехал в родную деревню за хлебом для Советской республики.

Когда Кырсан Микале увидел на своем дворе сына и его бойцов, злость закипела в его сердце.

Сепан быстро нашел тайники с зерном. Но едва он взялся за первый мешок, Микале схватил вилы, стоявшие возле хлева, и кинулся на Сепана. Один из бойцов успел вырвать вилы из рук рассвирепевшего отца.

— Дьявол бы тебя побрал! — хрипел Микале, забравшись на крыльцо и грозя кулаком.— Ты мне больше не сын! Бог видит, как ты издеваешься над отцом, он тебе отомстит. Я убью тебя, выродок!

Это было почти год назад. А время не стоит на месте.

За летом пришла дождливая осень, ее сменила снежная зима. Отшумела она трескучими морозами, и красавицей-невестой пришла зеленая весна.

Не стоит на месте и жизнь. В Марийском крае, как и по всей Советской стране, новая жизнь ведет борьбу со старой. Повсюду злобствуют деревенские богатеи, пытаются помешать новой жизни, обманывают бедняков, натравливают их на коммунистов и активистов.

Сепана вывел из задумчивости голос Миронова:

— Я теперь боюсь ходить один, — говорил Миронов, усаживаясь в простенке между окон. — Позавчера в Купсоле через окно застрелили учителя коммуниста Чопаева. А в Тореш-Кюваре пытались поджечь склад с хлебом. Хорошо, сторож заметил — потушили.

Сепан слушал молча. Под окном раздавались шаги часового — Метрия. В ясном небе горели звезды, словно шляпки забитых в небо серебряных гвоздей. Тихо. Где-то на другом конце деревни воет собака. На Лоптюрском болоте ухает филин.

— Пора!— сказал Сепан, поднимаясь.

— Куда же вы на ночь глядя? Переночуйте. Страшно-то как! — посмотрев в окно, поежился Миронов.

— Нам бояться некогда,— ответил Сепан, пристегивая саблю.— К утру мы должны добраться до Марисолы. Получены известия, что завтра тамошние богачи опять собираются поднять бучу из-за хлеба.

Провожая всадников, Миронов предупредил:

— Будьте особенно осторожны, когда поедете через Лоптюрское болото. Говорят, там орудует какая-то банда.

— Товарищи, проверьте оружие и будьте начеку,— сказал Сепан, пришпоривая вороного.

Кони пошли мелкой рысью. Всадники ехали молча.

Как хороша весенняя ночь! Тихо, только на болоте ухает филин, да издали доносится девичья песня. Видно, девушкам и парням в такие короткие ночи не до сна.

Влажный ветерок тянет с Немды, ласково гладит лицо своей шелковой рукой.

Сепан чутко слушает ночь. Дорога пошла кустарником мимо болота. В напряженной тревожной тишине слышен лишь стук копыт. Вот хрустнул сучок. Может, какой-нибудь зверь пробирается сквозь чащу? Кто знает... Ночь все прикрыла своим черным крылом.

Вдруг ночную тишину разорвали звуки выстрелов. Пули со свистом пролетели над головой. Молодой паренек, Санюк Григорьев, вскрикнул и схватился за раненое плечо.

Бойцы продотряда поскакали на выстрелы, в темноту, сквозь кустарник. Бандиты убегали, отстреливаясь. Им, пешим, было легче, чем всадникам, пробираться через чащу.

Но вот чаща поредела, показалась поляна, и Сепан, скакавший первым, увидел, что через поляну бежит черная тень. Бандит спешил к кустам, на другую сторону поляны.

«Не уйдешь, сволочь!» — подумал Сепан и выстрелил два раза подряд. Тень упала, послышался стон.

Остальные бандиты, видимо, скрылись в чаще. Бой утих так же внезапно, как и начался.

Сепан осторожно подъехал к упавшему бандиту и крикнул:

— Руки вверх!

Но в ответ послышался стон:

— Ох, умираю!..

Сепан, спешившись, зажег спичку... На земле лежал его отец, Кырсан Микале. Сепан и подоспевшие товарищи молча смотрели на раненого.

Отец опираясь на руки, приподнялся и с ненавистью посмотрел сыну в глаза.

— Сын...— прохрипел Микале,— родного отца... убил! — Он набрал в грудь воздуху, со стоном выдохнул, закатил глаза и ничком упал на землю.

Сепан еще раз, в упор, посмотрел на отца и вскочил в седло.

И снова четыре всадника скакали по дороге, а навстречу им на востоке уже поднималась алая заря.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

РАССКАЗЫ

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Владимир Николаевич Любимов

ПОВЕСТЬ О СЕЛЬКОРЕ

Редактор Т. И. Петелина
Художественный редактор Л. Е. Беаручснков
Технический редактор Г. О. Нефедова
Корректор А. З. Лазуткина

ИБ № 3490
Сдано в набор 01.08.84. Подп. в печать 28.03.85. А11225. Формат 70×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,66. Уч.-изд. л. 8,91. Тираж 50 000 экз. Заказ 1412. Цена 35 к. Изд. инд. ЛН-120.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

35 к.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·